

Бентт Даниельссон

Кашитан Суматоха

Сатирическая повесть

Перевод со шведского

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1968

Первая глава

СУМАТОХА НА МОРЕ

Как ни старался Суматоха всю зиму учиться прилежно (хотел доказать родителям, что может успевать не хуже других), отметки большей частью были средненькие. Объяснялось это очень просто — он то и дело мыслями уносился в Южные моря, где провел прошлые каникулы. Его спросят о чем-нибудь, а он в это время далеко, на тропическом острове с пышными пальмами. И пока вернется в сумрачный класс норрчёпингской школы, учитель уже спрашивает другого. По чести говоря, чаще всего Суматоха был только рад, что про-

несло. Но иногда ему было досадно, особенно на английском или на географии, когда он мог бы ответить получше других.

Если бы он вспоминал только свои собственные приключения! Но вышло так, что лучший друг Суматохи, Ниссе, все время подстегивал его фантазии. Дело в том, что Ниссе уехал в тропические края, а точнее — в Эквадор в Южной Америке. Правда, он там поселился в городе Гваякиле, большом порту, куда послали работать его отца, но частенько ездил то в горы, то в джунгли, переживал там бездну увлекательных приключений и спешил написать обо всем в Швецию. Понятно, на конверте стояло «Вильгельму Вольдемару Бутману», ведь на почте не обязаны знать, что одного из мальчиков в городе за непоседливый нрав прозвали Суматохой.

В лице Ниссе класс потерял несравненного футболиста, с ним команда редко проигрывала. Теперь у Суматохи, ставшего капитаном команды после него, появился новый товарищ — Эдгар, толстяк, каких мало, — и он поставил его вратарем. Эдгар, правда, не отличался ловкостью, но почему-то почти все мячи сами попадали в него.

За Ниссе прочно закрепилась слава лучшего центра в истории команды. Но за пределами футбольного поля он всегда был какой-то вялый, нерешительный. И говорил мало — может быть, потому, что Суматоха сам без конца тараторил, не давал ему слова вставить. А дашь ему что-нибудь сказать — лезет спорить. Правда, Ниссе железно держал слово и никогда не выдавал секретов, при нем можно было смело толковать о чем угодно. С другими одноклассниками Суматоха не решался быть таким откровенным — того и гляди, на смех поднимут. Неудивительно, что он здорово скучал без Ниссе.

Конечно, можно переписываться. Но это все-таки не то, и если в первый раз Суматоха отправил небольшое сочинение на двенадцати двойных листах (на него ушел один урок закона божьего, один немецкий и два урока математики), то затем его письма становились всё короче. А Ниссе без конца узнавал об Эквадоре что-нибудь новое и писал всё больше и увлекательнее. И марки на каждом конверте, были всё кра-

сивее и дороже. Суматохе особенно понравилась серия с тропическими животными попугаями, обезьянами, ленивцами, туканами. Про обезьянок Ниссе рассказал в одном из писем, что они не больше белок и их очень легко приручить. Мол, в Эквадоре носят ручных обезьянок в кармане; вытаскают в автобусе или в ресторане и играют с ними. Суматоха тотчас попросил Ниссе прислать дрессированную обезьянку авиапочтой. И приписал в конце, что если недрессированные обезьянки дешевле, пусть шлет недрессированную, даже интереснее, он ее сам будет укрощать. Но он напрасно ждал посылку с обезьяной. Вместо этого пришло письмо, в котором Ниссе смущенно объяснял, что отправить посылку авиапочтой очень дорого, к тому же, чтобы экспортировать животных, нужно сперва собрать кучу бумаг с печатями.

А следом пришло новое письмо. Ниссе торжествующе общал, что Суматоху ждет приятный сюрприз, который обрадует его в сто раз больше, чем какие-то там обезьяны. Что за сюрприз, об этом Ниссе не говорил, но Суматоха и сам догадался. Недаром весь конверт был облеплен марками с ленивцем. Косматый ленивец висел, зацепившись рукой, на дереве и спал. Хитер этот Ниссе, придумал способ намекнуть... Наверно, сам и поймал ленивца в джунглях. И уговорил какого-нибудь капитана корабля или летчика перевезти зверя бесплатно. Это как раз в его духе.

За обедом сияющий Суматоха объявил о скором прибавлении семейства папе Эрнсту, маме Мерте, бабушке и Ленализе. Однако они вовсе не пришли в восторг, даже досадно. Не помогло и то, что он рассказал им про ленивцев (целый час просидел над энциклопедией). Дескать, их за то так и прозвали, что они на редкость добродушные, миролюбивые и кроткие. И ленивцу не надо ни клетки, ни конуры, он будет вполне доволен, если ему позволят спать, повиснув на палке для штор.

Папа на все эти речи ответил очень коротко: мол, он напишет отцу Ниссе. И голос его не сулил ничего хорошего...

Уже и весна наступила, начались каникулы, а ленивца все нет и нет. Суматоха по-настоящему возмущался. Уж мог бы,

кажется, сообразить, что лучшее время прислать ленивца - весна, когда становится тепло и люди выезжают на дачу.

Кольмбрден, куда собирались Бутманы, — отличное место для ленивца, чтобы освоиться со шведской природой. И не такая резкая перемена климата.

Правда, в тот день, когда семья должна была переезжать на дачу, Суматоха снова воспрянул духом. Когда он вихрем ворвался в дом (опоздал к обеду на четверть часа!), из комнаты выглянула Ленализа и с таинственным видом сообщила, что папа ждет его в кабинете. Суматоха еще в прихожей услышал знакомый голос. Ну конечно, там у папы отец Ниссе — дядя Ролле! Сердце забилось часто-часто, он отворил дверь и выпалил, не переводя дыхания:

— Здравсдядяролле, гделенивец?

Отец Ниссе слегка опешил, потом лукаво улыбнулся:

— Ленивец? Что ж, неплохое прозвище для Ниссе. А то он сидит там в Гваякиле и все ждет, чтобы кто-нибудь приехал и расшевелил его.

Суматоха не знал, как понять эти загадочные слова, но папа ему объяснил:

— Дядя Ролле приехал в Швецию по делам, всего на несколько дней, потом опять вылетит в Гваякиль. Вот он и спрашивает, хочешь ты лететь с ним, чтобы провести каникулы вместе с Ниссе? Он писал мне об этом еще несколько месяцев назад, но я сперва решил посмотреть, как у тебя пойдут дела в школе. Да и дорога дорогая. Ну вот, а теперь дядя Ролле говорит, что берет половину расходов на себя. И в школе ты как будто подтянулся. Пятерки по английскому и по географии в какой-то мере уравнивают четверки и троечки по остальным предметам. Что ты скажешь?

Но Суматоха словно онемел. Впрочем, его блаженная улыбка достаточно ясно говорила, что он думает и чувствует.

Вот как вышло, что Суматоха в один прекрасный июньский день, сидя в огромном реактивном самолете рядом с дядей Ролле, смотрел в окошко, как снизу к ним медленно приближаются облепившие оба берега широкой реки белые

дома. Выйдя на трап, они на минуту застыли на месте, таким жарким, парным воздухом их обдало, словно в бане.

— Вот страна, которая вполне оправдывает свое название, — заметил дядя Ролле. — Ты, конечно, знаешь, Эквадор означает «экватор».

Они еще не дошли до аэропорта, а рубашки уже прилипли к телу и глаза залил едкий пот со лба. Чтобы не ослепнуть окончательно, Суматоха поставил свой ручной багаж (в такси по пути на аэродром мама Мерта и папа Эрнст в последний раз проверили его и оставили: дневник, набор инструментов, складную удочку, три детективных романа, коробку конфет и крышку от футбольного мяча) и вытерся рукавом. И сразу увидел Ниссе и его маму, они стояли за оградой и махали ему. Голову Ниссе защищала от солнца широкополая шляпа, а на плече у него сидела маленькая обезьянка и тоже весело махала рукой. Суматоха ринулся было к ним, чтобы поздороваться, но ему преградили путь два усача с напомаженными волосами. Жестикулируя и корча страшные рожи, они наговорили кучу звучных слов, и хотя Суматоха не понимал по-испански, он догадался, что ему вежливо предлагают сперва пройти таможенный и паспортный контроль.

Формальности длились недолго. У выхода из аэропорта их ожидал вместительный «бьюик», за рулем которого сидела мама Ниссе. Искусно лавируя между индейцами и неграми, тележками и автобусами, роскошными американскими лимузинами и тяжело нагруженными осликами, она в то же время успевала расспрашивать дядю Ролле и Суматоху, как они летели и как поживают друзья и знакомые в Швеции. Ей отвечал один дядя Ролле, Суматохе было не до разговоров, он жадно разглядывал город и знакомился с веселой обезьянкой Ниссе. Все ему казалось замечательным, только индейцы разочаровали. Он-то надеялся увидеть статных краснокожих воинов в живописных кожаных одеждах, с роскошным венцом из перьев на голове и томагавком в руках. А по улицам шли низкорослые, одетые в грязные лохмотья смуглые люди, которые испуганно шарахались в сторону от машины.

Ниссе жил в зеленом предместье, в большом белом коттедже с установками для кондиционирования воздуха. На столе стоял роскошный ленч, но хотя на сладкое подали шоколадное мороженое, которое Суматоха любил больше всего на свете, он отказался от добавки, так ему не терпелось поскорее отправиться с Ниссе в город. Они выбежали на улицу, вскочили в первый попавшийся автобус и плюхнулись на сиденье между негром, игравшим на губной гармошке, и юным индейцем с попугаем, который без конца твердил: «Лорита, лорита, корре, корре!..» (Ниссе перевел: «Попугайчик, попугайчик, беги, беги!..») Суматоха тут же решил пополнить свой будущий зверинец попугаем. Нет, лучше взять двух, попугаев: вдвоем веселее, будут разговаривать друг с другом. Испанский одолели, научатся и по-шведски. Здесь грезы Суматохи были грубо развеяны — автобус так резко затормозил, что он упал вперед. Шофер выскочил из кабины и принялся честить водителя такси, и тот не остался в долгу. — Пошли, выйдем, — сказал Ниссе, — теперь они надолго завелись.

Улица, где остановился автобус, была настоящим торговым центром. В каждом доме — магазин. Мало того, вдоль тротуаров стояло множество ларьков. А те, кому было не по карману платить за помещение или ларек, разложили свой товар прямо на тротуаре. Почему-то преобладали соломенные шляпы и белые пуговицы.

— Эти шляпы называются панамами, а сделаны они здесь, в Эквадоре, либо в городе Куэнка в Андах, либо в приморском селении Хипихапа, — рассказал Ниссе. — Большинство шляп вывозят в Панаму, там, на канале, ловкие торговцы выгодно продают их пассажирам проходящих судов. Вот и стали шляпы называть панамами. Здесь, в Эквадоре, страшно злятся из-за этого.

— Эти торговцы ничего не смыслят в рекламе, — решил Суматоха. — Согласись, Хипихапа звучит куда лучше, чем Панама.

Белые пуговицы тоже были экспортным товаром. Их де-

лали из твердой, как слоновая кость, скорлупы орехов тагуа, которые растут на пальмах. За очередным ларьком друзья увидели витрину, полную книг и почтовых марок.

— Гляди, видишь эту серию? Я ее давно ищущу, и стоит только сто двадцать сукрес, — радостно выпалил Ниссе, показывая на кляссер в левой части витрины.

Марки изображали всего лишь какого-то лысого вояку в роскошном мундире, и Суматоха не мог понять, что за охота Ниссе выбрасывать деньги на такую ерунду. К тому же его в эту минуту гораздо больше заинтересовали яркие фрукты в ларьке по соседству. И пока Ниссе занимался марками, он решил поближе познакомиться с плодами.

Продавец, смахивающий на злодея из ковбойского фильма, сделал рукой щедрый жест:

— Анноно, чиримоя, хобо, мамеи, нисперо, фрутиета, манго, капули, наранхилья о платано.

— Тутти фрутти, — недолго думая ответил Суматоха и протянул одну из бумажек, которые ему дал дядя Ролле.

Продавец отлично понял его «испанский» и нагромоздил на прилавке целую гору плодов, да еще, к удивлению Суматохи, дал сдачу — полную горсть монет. К счастью, Ниссе вышел из филателистической лавки и помог ему тащить огромную ношу. Суматоха прямо на ходу начал пробовать все подряд, стараясь запомнить причудливые названия. Только он поднес ко рту смахивающий на огромную сливу желтый плод манго, как Ниссе остановил его:

— Осторожно! Знаешь, какой он сочный: только укусишь — брызги во все стороны. Я столько пятен насажал себе на одежду, что мама велела: как захочу манго, чтобы раздевался голый и садился в ванну. И этих вот, сине-зеленых, берегись, у них тоже сок жутко пачкает.

Суматоха послушался совета, хотя в душе был уверен, что неудачи Ниссе объясняются его неосторожностью, а он, Суматоха, запросто управился бы со всеми плодами, не посадив ни одного пятна. Ладно, зачем рисковать. Родители Ниссе столько для него сделали, не стоит их огорчать.

Довольно скоро ему надоело таскать с собой то, что они не доели. В это время друзья вышли на грязную, немощеную улицу. Здесь не было никаких ларьков, сплошь тянулись глинобитные домики без окон да сарайчики из ржавой жести, в которых, должно быть, царила страшная жара. У всех прохожих был грязный, голодный и жалкий вид, и Суматоха отдал фрукты мальчику в рваных штанишках, на которых было столько пятен, что одним больше, одним меньше — роли не играло. Тотчас сбежалось не меньше десятка таких же голодных и нищих ребятшек. Они наперебой протягивали грязные руки, прося денег. Суматоха разделил между ними всю мелочь, и Ниссе проследил, чтобы никто не был обижен. Не успели они сделать нескольких шагов, как их окружила еще более многочисленная гурьба. Ребята старались перекричать друг друга, некоторые дергали Ниссе и Суматоху за штаны и рубаху. Как их не пожалеть... Но у Суматохи не было больше мелочи, осталась одна бумажка, и он отдал ее одному мальчику, попросив Ниссе, чтобы он велел ему разменять деньги и поделиться с остальными.

— Балда! — только и успел сказать Ниссе, дальше все потонуло в страшном гвалте, потому что мальчишки с воинственными криками набросились на счастливец и затеяли по тасовку.

Ниссе сердито схватил Суматоху за руку и потянул его за собой.

— Конечно, их жаль, — сказал он, когда они забежали за угол. — Но если ты начнешь здесь каждому нищему давать по монетке, сам нищим станешь, хотя бы у тебя был миллион. Бежим, пока у меня еще остались деньги на автобус. Вон идет какой-то, садись живей, пока эти драчуны нас не догнали.

Автобус был набит битком, но Суматоха и Ниссе последовали примеру другого пассажира — вскочив на подножку, обхватили руками тех, кто сел раньше.

Ниссе не зря спешил. Только они тронулись, как из-за угла выскочила ватага мальчишек. К счастью, автобус сразу набрал скорость.

— Корре, корре, корре! .. — дразнил преследователей Суматоха, очень довольный, что так быстро нашел применение одному из двух испанских слов, которые успел выучить.

Однако вскоре Суматоха и Ниссе почувствовали, что долго так не провесишь. Правда, здесь кондуктору до них не добраться, чему они были рады, так как Ниссе сомневался, что у него хватит денег на билет до своей улицы. Но тут у них появилась новая забота. Вместо того чтобы ехать в предместье, где жил Ниссе, автобус почему-то очутился в гавани.

— Ты уверен, что это наш автобус? — крикнул Суматоха в ухо другу.

— Конечно, наш, — ответил Ниссе. И смущенно добавил: — Только мы сели не в ту сторону.

Ничего, решили они, доедет до конца, потом повернет туда, куда им надо. И друзья продолжали висеть, хотя руки болели так, что казалось, вот-вот пальцы сами разожмутся.

Увы, не только они предпочитали ехать бесплатно. На каждой остановке рядом с ними пытались зацепиться новые предприимчивые пассажиры. Большинство тут же срывалось, и ребятам приходилось сражаться за свое место. Но вот наконец конечная остановка; они облегченно вздохнули, гордясь своей выдержкой. Автобус немного постоял и двинулся в обратный путь. В ту же минуту кто-то обхватил ребята сзади так крепко, что они задохнулись и выпустили ручки. Прежде чем они вскочили на ноги, их места заняли другие и автобус ушел.

Ниссе, падая, набрал полный рот песка и не мог вымолвить ни слова, только фыркал и плевался. Но Суматоха выразил возмущение за двоих яростным: «Бандиты!», справедливо полагая, что изо всех шведских ругательных слов здесь скорее всего поймут именно это. Впрочем, он недолго сердился, так его поразило то, что он увидел в следующую минуту. Друзья сидели у подножия красного песчаного бугра, на берегу широкой реки, и мимо них проходили индейцы с тяжелыми ношами на спине. Мешки с кофе, бобами какао, рисом, огромные грозди бананов — все это грузчики брали на

больших бревенчатых плотях. Но больше всего Суматоху поразили два низкорослых крепыша которое шутя несли вдвоем пятиметровое бревно в полметра толщиной.

Улыбаясь, Ниссе остановил грузчиков и попросил их опустить ношу на землю, а потом предложил Суматохе поднять бревно. И вот так штука: Суматоха без посторонней помощи оторвал бревно от земли и выжал его одной рукой. А Ниссе с трудом звалили на плечо другую колоду, которая была вдесятеро короче.

— Ты сейчас жонглируешь бальсой, — объяснил он, — она легче пробки. А моя колода из мангрового дерева, оно тяжелее камня.

Суматоха взялся за колоду и с трудом ее поднял.

— Помнишь, мы в Норрчёпинге собирали модели самолетов? — спросил Ниссе, когда они пошли дальше. — В наборе ведь тоже бальса, только мы этого не знали. Здесь, в Эквадоре, бальса идет прежде всего на плоты. Бревна для «Кон-Тики» срубили как раз в здешних лесах, к северу от Гваякиля. Обычно индейцы, когда везут товары в город, каждый раз вяжут себе новые плоты. Это и проще, и дешевле, чем тащить старый плот обратно вверх по реке. Поэтому плотов здесь в порту видимо-невидимо. Кому нужен плот, выбирают любой из брошенных. На них ходят рыбу ловить, а бедняки, у кого нет денег построить себе дом, занимают плоты под жилье

- Вот здорово, вот бы так жить! — перебил его Суматоха.

Индийские мальчишки одних лет с ними, сидя в каюте на плоту, удили прямо через окно; на носу женщина пекла блины на плоском камне; несколько девочек, пересмеиваясь, развешивали белье на веревке, привязанной к двум палкам на корме.

Пройдя еще немного, ребята увидели возле берега пустой плот с двойной мачтой и большой бамбуковой каютой.

— Гляди, брошенный плот, займем его! — загорелся Суматоха.

— На что он нам? — возразил Ниссе. — Папа и мама все равно не разрешат нам жить в гавани. И к нашему дому его не подгонишь, мы слишком далеко от реки живем.

— Пригодится для клуба, — заявил Суматоха.

— Какого еще клуба?

— Клуба плотогонов, вот какого!

Ниссе ничего не понял, но Суматоха явно посчитал свой ответ исчерпывающим, живо вскочил на плот и юркнул в каюту. Буквально через минуту он выглянул из двери и задал несколько неожиданный вопрос:

— Как будет Швеция по-испански?

— Суэция, — недоумевая, ответил Ниссе.

Он окончательно опешил, когда вошел в каюту и увидел, что Суматоха прыгает как одержимый перед индейским мальчишкой, который испуганно забился в угол и присел на корточки. Да и как не испугаться, когда у тебя перед носом размахивают руками, словно собираются хорошенько стукнуть. А Суматоха громко пыхтел и приговаривал:

- Суэция, Суэция, Ингмар Юханссон...

Увидев Ниссе, он остановился и с отчаянием вымолвил: - Ничего не воображает. Я ему и так, и так пытаюсь втолковать, что мы шведы. Уж казалось бы, чемпиона мира по боксу он должен знать! Какое там — ни бум-бум. Ниссе сел на доски рядом с мальчиком и тихо заговорил с ним.

— Как я и думал, — сказал он наконец и засмеялся. — Никакого Ингмара Юханссона он не знает. И про Швецию никогда не слышал

— Темнота! — сочувственно произнес Суматоха. — Скажи ему: если он пустит нас на свой плот, мы его примем в клуб.

Ниссе перевел его слова, потом еще что-то добавил от себя и после долгих переговоров сообщил сторающему от нетерпения Суматохе:

— Порядок. Он говорит, что живет один на плоту и будет только рад, если мы примем его в наш клуб. И очень хорошо, говорит, если мы здесь устроимся, поможем ему отстоять плот, если какие-нибудь хулиганы попробуют его захватить.

— Теперь видишь, как важно устроить клуб, — с видом полководца произнес Суматоха.

Ниссе не очень-то понял, какая тут связь, но не успел задуматься над этим, потому что юный индеец достал глиняную флейту из семи трубок и заиграл веселую мелодию. Это была популярная южноамериканская песенка, Ниссе ее знал и стал подпевать. Суматоха — тоже, хотя не знал ни слов, ни мелодии, да так громко, что всех заглушил. Не заметив, что Ниссе нарочно замолчал, он знай себе горланил «тара-мара-корасора-эн-ла-ноче-се-рена», пока юный индеец не закатился смехом так, что не мог больше дуть в свою флейту. Должно быть, сольный номер ему понравился. Суматоха в этом и не сомневался, потому что индеец достал глиняный кувшин, налил в чашки, сделанные из скорлупы кокосового ореха, какой-то густой желтой жидкости и предложил гостям отведать. Суматоха глотнул, весь скривился и недовольно сказал:

— Какой странный апельсиновый сок. Да он прокис!

— Какой тебе апельсиновый сок, это чича, — ответил Ниссе. — Ее делают из корней маниоки: натрут, разведут водой и дают побродить. А то еще слюны добавляют. У индейцев так принято: женщины разжевывают корни маниоки, потом выплевывают, и получается вот такой чудесный освежающий напиток.

Суматоха чуть не подавился и через силу выговорил:

— Если он скажет, что это его бабушка нажевала, я разобью ему кувшин об голову!

Но Ниссе успокоил его — эта чича приготовлена на воде.

— И вообще у него нет бабушки, — добавил Ниссе. — И родителей нет. Во всяком случае, он их никогда не видел. Сперва жил в детском доме, потом в одной семье, где его заставляли работать на кукурузе и ничего не платил! Он убежал от них и нашел вот этот плот. Сколько ему лет, не знает, имени своего тоже не знает, но все зовут его Чико. Это «малыш» по-испански.

— Будь здоров, Чико, — сказал Суматоха и поднял свою кокосовую чашку.

Мальчик по голосу понял, что Суматоха готов с ним дружить, и широко улыбнулся в ответ. Но тут же улыбка исчезла

с его лица, и он испуганно уставился в какую-то точку над головой Суматохи. Тот живо обернулся и увидел в дверях три разбойничьих рожи. Три человека в грязной полувоенной одежде держали в руках чистенькие сверкающие винтовки. Они были перепоясаны патронташами, и у каждого на ремне висело по штыку и по несколько длинных ножей в кожаных ножнах. Один из них что-то сердито сказал по-испански.

— Встать, поднять руки, отойти к стене, — перевел Ниссе и вскочил на ноги.

Суматоха не сразу сообразил, в чем дело. Это пришлось не по нраву одному из бандитов, и он поторопил его сильным пинком. Суматоха хотел наброситься на него, но Ниссе остановил его и шепотом велел не рыпаться, если жизнь дорога. Нехотя Суматоха последовал примеру Ниссе и Чико и поднял руки вверх.

Главарь бандитов — его можно было узнать по золотой пластине на прикладе и надетому наискось через плечо второму патронташу — обрушил на ребят град вопросов. Ниссе и Чико едва успевали отвечать: «Но, команданте», и Суматоха повторял за ними эти слова, будто попутай. Наконец главарь мотнул головой, все трое еще раз осмотрели каюту и ушли, тяжело ступая коваными башмаками. — Что им надо было? — Суматоха лопался от любопытства.

Ниссе пожал плечами.

— Кого-то искали, я уж не стал допытываться. В таких случаях лучше помалкивать. Особенно, когда человек сбежал.

— А тебе не кажется, что надо все-таки пойти в полицию? Они ведь напали на нас, — сердито сказал Суматоха, потирая себе спину.

В ответ Ниссе громко расхохотался. Суматоха никак не мог понять, что его так рассмешило. Наконец его друг, все еще смеясь, простонал:

— Дорогой, ты попросту ничего не понял! Это же и была полиция. А негодяй, который дал тебе пинка, по меньшей мере сержант.

Чико решил приободрить своих друзей и снова заиграл что-то веселое на флейте, да еще пустился в пляс. Судя по всему, танец был только что придуман. Индеец так здорово передразнивал незваных гостей, что Суматоха опять повеселел.

Пока все это происходило, солнце зашло и, как всегда в тропиках, быстро стусидился мрак. Как только Чико кончи., свой шуточный танец, Ниссе сказал, что пора домой. Хорошо еще, что его родители, по эквадорскому обычаю, обедают не раньше восьми часов. Однако Чико очень просил ребят побыть с ним еще немного, и они уступили. Да они и сами были не прочь отдохнуть, такая слабость их вдруг одолела после всех волнений. И чича теперь показалась ребятам вкуснее, чем в первый раз. Чико не приходилось их уговаривать выпить еще немного. После чичи их совсем разморило и на душе стало легко. Трое друзей легли поудобнее на досках и вскоре уснули.

Первым проснулся Суматоха; у него неприятно сосало под ложечкой.

— Эй, ты спишь? — тихо спросил он, нащупывая в темноте рукой Ниссе.

— Как я могу спать, когда ты меня щекочешь, — сонно отвел тот.

Они переговаривались вполголоса, чтобы не разбудить Чико.

— Тебя не мутит?

— Мутит немножко.

— Я так и думал, что чича с каким-нибудь фокусом.

— Может быть, но мне кажется, что это не чича, а плот виноват...

Страшное подозрение закралось в душу Суматохи. Он выглянул в дверь и тут же вернулся к Ниссе.

— Там на корме кто-то сидит... — испуганно зашептал он.
— Кажется, один из бандитов... нет, я хотел сказать — полицейских. Я заметил, как блеснула винтовка.

— А до берега далеко?

— По-моему, много километров. Кажется, нас несет отливом в открытое море.

Ниссе тоже высунулся, чтобы поглядеть на таинственного пассажира. Тот сидел, не трогаясь с места.

— Не могу разобраться, полицейский или нет. Но почему он решил выйти в море? — растерянно произнес Ниссе.

— Давай возьмем его в плен, пока нас не отнесло слишком далеко, — шепотом предложил Суматоха. — Это очень просто: подкрадемся в темноте и треснем его по голове чем-нибудь тяжелым. Хотя бы одним из кувшинов Чико. Вот, нашел! .. Вдруг это окажется тот самый, который дал мне пинка? В чем дело? Тс-с-с, Чико!

Проснувшийся Чико, естественно, не мог понять, о чем перешептываются по-шведски Суматоха и Ниссе, и он, ничего не подозревая, выдул из флейты веселую трель. Друзья вдвоем набросились на Чико и вырвали у него флейту. Поздно. В ту же секунду сильный мужской голос скомандовал по-испански:

— Ни с места! Бросай оружие, если жить не надоело!

Одновременно незваный гость включил яркий фонарик. Ребята моргали и терли глаза, но видели только какой-то темный силуэт. Зато очень отчетливо было видно освещенное фонариком дуло пистолета.

— Э, да тут одни дети. .. — Голос незримого злодея сразу стал добродушным, и послышался булькающий горловой смех.

Ребята молчали. И незнакомец, кончив смеяться, очень вежливо заговорил по-английски:

— Я вижу, двое из вас иностранцы. Извините, что без вашего согласия увез вас с собой на морскую прогулку. Но я и не подозревал, что на плоту кто-то есть, когда дал стрекача. Спешил, понимаете, мне важно было избежать встречи с кое-какими людьми.

— А теперь нам можно сойти? — осведомился Ниссе.

— На здоровье! Только надеюсь, что вы хорошие пловцы, ведь до берега далеко, а течение сильное. Прямо в море несет. Пожалуй, лучше вам пока посидеть на плоту.

— Но это плот Чико, — сердито вмешался Суматоха, — а он тоже желает вернуться к берегу.

Человек с пистолетом опять рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что он первым нашел плот. Но это не играет никакой роли. В этой стране хозяин вещи тот, кто нашел ее последним.

Перевес был явно на его стороне, лучше не спорить. Суматоха подавил свой гнев и осведомился, куда они все-таки идут.

— Это пока что тайна, я не могу ее выдать. Но если вы меня будете слушаться, то еще вернетесь к своим папочкам и мамочкам. А затеете что-нибудь...

Он не стал договаривать, только игриво навел пистолет на каждого из ребят по очереди и прищелкнул языком. Потом вдруг посерьезнел и сурово распорядился:

— А теперь — спать. И запомните: без моего разрешения на палубу не соваться.

— Странный тип, — сказал Суматоха, когда они остались одни. — Правда, ведет себя куда приличнее этих полицейских. Мне кажется, он и есть тот самый преступник, которого они разыскивали.

— Папа говорит, здесь в тюрьму частенько попадают лучшие, самые честные люди, — отозвался Ниссе. — А почему это я вдруг заговорил про папу? Кстати, он от всех требует, чтобы вовремя приходили к обеду.. . А который час?

— Не все ли равно? Скажи спасибо, если вообще когда-нибудь домой попадем.

Но Ниссе все еще боялся своего отца больше, чем человека с пистолетом.

— Слушай, попросим его написать нам справку, чтобы папа видел, что мы не виноваты, если опоздаем к обеду на два или три дня!

— Мне тоже справка не помешает, — подхватил Суматоха. — Для ребят в классе. А то ведь ни за что не поверят, когда я им буду рассказывать...

Через несколько минут они уже крепко спали.

Вторая глава

КУДА ВЕТЕР ПОДУЕТ

Их разбудили протяжные свистки, и проснулись они с трудом, не сразу. Ниссе успел даже пробормотать что-то про «первый тайм» и «пенальти», пока до него дошло, что это не сон.

— Ребята, парход! — воскликнул Суматоха, который первым вспомнил все, что с ними случилось.

Он же первым подоспел к двери, однако зря старался. Дверь оказалась надежно запертой снаружи. Оставалось только смотреть через щели в стене. По-прежнему было

видно Анды черточкой на горизонте. А еще они разглядели пожилого человека с черной бородой и длинными усами. Он сидел на ящике на носу плота и привычно, так ловко чистил штыком ногти. На нем была белая шелковая рубашка и дорожные брюки с подтяжками. Кроме того, его опоясывал патронташ с двумя пистолетами и тремя длинными ножами. На палубе, поблескивая металлом, лежала винтовка.

— А я его себе совсем другим представлял, — сказал Суматоха.

— Я тоже, — признался Ниссе. — И знаешь что? По-моему, я его где-то видел.

— Наверно, какой-нибудь опасный преступник, и его разыскивают, во всех газетах, большие фотографии напечатали, а кто поймает, тому награда! — с жаром произнес Суматоха.

Ниссе почесал затылок и буркнул что-то невнятное. Чико вообще ничего не сказал.

Даже новый пронзительный свисток не оторвал бородача от чистки ногтей. Звук донесся с противоположной стороны, поэтому ребята метнулись к задней стенке. Они увидели через щель море, а по морю шел большой грузовой пароход. Но вот беда — пароход был далеко от плота и капитан не только не изменил курс, но даже не сбавил ход.

— А этот, с пистолетом, и не. смотрит туда, — доложил Ниссе, проверив, чем занят противник.

— Если мы сейчас не подадим сигнал бедствия, пароход уйдет, — мрачно заметил Суматоха.

— Конечно, уйдет. Как же мы просигналим, если нам нельзя выйти на палубу?

— Зеркалом, вот как. Ты никогда не пускал зайчиков? Спроси Чико, может, у него есть хотя бы карманное зеркальце. Этого хватит, чтобы передать SOS.

К счастью, у Чико нашлось зеркало. И пока Ниссе следил за бородачом, Суматоха живо прорезал в стене перочинным ножом отверстие и высунул в него руку... Он начал передавать сигнал бедствия второй раз, когда Ниссе хлопнул его по плечу и ехидно сказал:

— Зря стараешься, отдохни немного. Солнца-то нет, вон какая туча нашла!

Суматоха выглянул наружу.

— Да, теперь не скоро выйдет... Надо кричать, другого не остается. Раз... два... три!

Они кричали так, что побагровели от натуги. Но до парохода было слишком далеко, капитан никак не мог услышать отчаянные вопли ребят. Зато бородач их, конечно, слышал и потешался от души. Когда друзья совсем выдохлись и замолчали, он подошел к каюте и распахнул дверь настежь.

— Никак, вы проснулись? — добродушно произнес он. — Что скажете насчет того, чтобы позавтракать?

При слове «завтрак» Суматоха и Ниссе сразу повеселели. Однако они опять приуныли, когда бородач распорядился:

— Ну, чего мешкаете? Готовьте, живей! Я проголодался.

Суматоха и Ниссе растерянно переглянулись. А есть ли провиант? Вот была бы отличная месть, подумал Суматоха, если бы они могли доложить, что на борту нет ни крошки. Но он сам здорово проголодался, а потому с беспокойством ждал, пока Ниссе выяснял этот вопрос.

Чико быстро развеял их опасения, вытащив из глиняного горшка большой кусок сушеного мяса. Опытной рукой он мелко разрезал мясо и положил в побитую медную кастрюлю, добавил туда же четыре-пять горстей кукурузы, потом снял со стены бурдюк и налил воды.

Кажется, все в порядке, но на чем Чико будет варить? Суматоха не заметил на плоту никаких примусов, а если разводить костер, недолго и до пожара!

Однако Чико и эту задачу решил — решил просто и остроумно. На носу на двух камнях стояла половина железной бочки. На дне этой бочки он сложил щепки и хворост и развел огонь.

Помешивая в кастрюле, Чико с гордостью объяснил, что во всем Гваякильском порту мало у кого есть такая роскошная печь, большинство его соседей разжигают костер на плоском камне. Еще Чико гордился своей посудой, он сумел нако-

пить денег на кувшины и миски. Правда, ложек, ножей, вилок у него не было, А зачем они, справедливо заметил он, у человека есть две руки и десять пальцев! Суп вполне можно выпить через край.

Ребята расставили на ящике миски и разлили в них суп. Бородач взял свою миску, сел с ней в сторонке и жадно набросился на еду. Правда, он на всякий случай не снимал одной руки с заткнутого за пояс пистолета. Мальчики тоже ели так, что за ушами хрустело. После очередного глотка Ниссе вдруг рассмеялся:

— Честное слово, появишься сейчас мама на спасательной шхуне, она первым делом сказала бы: «Да не чавкай ты так, Ниссе!» Ужасно не любит, когда чавкают.

И он радостно продолжал чавкать.

Суматоха все время подозрительно косился на загадочного пассажира, который присвоил себе власть на плоту. И когда тот вдруг выхватил пистолет, он не растерялся, сделал молниеносный кувырок назад и укрылся за ящиком, на котором сидел, а. Ниссе и Чико застыли на месте с глупыми рожами. Грянул выстрел, что-то упало с глухим стуком. Но предприимчивость Суматохи была исчерпана, он просто зажмурился и ждал.

Однако второго выстрела не последовало, вместо этого раздался дружный хохот.

Осторожно выглянув из-за ящика, Суматоха увидел, что Ниссе и Чико сидят на месте, совершенно невредимые, и нарочно веселятся. Их мучитель тоже раскатисто смеялся, держа в руках дымящийся пистолет. Вот он снова, нарочито медленно, поднял его и направил дуло в небо. Широко раскрытые глаза Суматохи обратились туда же, и тут он наконец сообразил, в чем дело: тяжело махая крыльями, прямо над плотом летел пеликан. Бам! .. Крылья птицы сложились будто зонтик, и опять послышался глухой стук — вторая жертва шлепнулась на палубу в двух метрах от первой.

— Вот так, теперь и обед обеспечен, — сказал бородачатый снайпер и продел пистолет. С ехидной улыбкой поглядел на

Суматоху и добавил: — Слушай, ты, русский, тебе за прыть почетное задание — ошипать и выпотрошить птицу.

Хочешь не хочешь, надо подчиняться. С кислой рожей Суматоха взял за ноги тяжелых птиц и уволок Их за каюту, чтобы бородачатый стрелок его не видел и не смеялся над его неловкостью. Он не знал, как приступить к неприятному делу, и если бы добрый Чико ему не помог, ни за что бы не управился к обеду.

Стиснув зубы, Суматоха дергал перья и резал кишки. В это время подошел Ниссе и угрюмо сообщил:

— Я попробовал заговорить с бородачком, но он только отшучивается. Можно подумать, что ему все равно, куда несет плот. Мы и сами видели, он вовсе не хочет, чтобы его спасли. Тебе не кажется, что он слегка помешанный?

— Слегка помешанный? Да он попросту сумасшедший, если хочешь знать, — твердо сказал Суматоха. — Если мы его не скрутим, до конца жизни будем вот так плавать и потрошить пеликанов. Лично я знаю занятия повеселее.

— А что мы можем сделать? У него два пистолета, три ножа, штык и винтовка.

— Надо применить хитрость, — сказал Суматоха с таким таинственным и важным видом, будто сию минуту открыл великую истину.

— Bravo, это я и без тебя мог сообразить. Осталось решить, как же все-таки мы его одолеем. У тебя, наверно, давно приготовлена какая-нибудь блестящая идея?

Держись, Суматоха, дело идет о твоей чести! Как всегда, трудную минуту нахлынул целый поток идей.

— Дадим ему этой чичачи, или как она там называется, от которой в голове все путается, и когда он совсем одуреет, набросимся на него все трое.

Ниссе колебался:

— Не думаю, чтобы он клюнул на такую нехитрую удочку. Потом, эквадорцы, стоит им захмелеть, принимаются палить почем зря. И вообще, чтобы они захмелели, нужен напиток крепче чичи.

— Гм... Тогда делаем так. Один из нас незаметно нырнет в море с носа, проплывет под плотом к корме, тихонько поднимется на плоту него за спиной и вырвет из рук пистолет!

— Ты забываешь, что он высокий и сильный, — возразил Ниссе. — Даже если удастся застать его врасплох, не так-то просто отнять у него пистолет. Да и что толку забрать один пистолет, когда у него еще есть. А ножи ты забыл? Но если ты хочешь, попробуй, а я буду болеть за тебя.

Суматоха закрыл глаза и еще больше напряг мозги. Не могло. Тогда он открыл глаза и постучал себя по голове кулаками. Мгновенно его осенило.

— Есть! Видишь корзину? Висит на мачте на длинной веревке.

— Конечно, вижу, не слепой.

— Спроси Чико, для чего она.

Хотя Ниссе не мог взять в толк, что задумал Суматоха, он по старой привычке послушался. Оказалось, что Чико кладет в корзину остатки еды и, когда уходит работать, подтягивает ее повыше, чтобы не добрались крысы или собаки. Правда, сейчас корзина, к сожалению, пустовала.

— Ничего, — сказал Суматоха. Слушай внимательно. Положим в корзину обоих пеликанов. Они, наверно, весят вместе около десяти килограммов. Высота мачты — метра четыре. Используем веревку и корзину, как маятник и, честное слово, нокаутируем этого молодчика.

— Bravo, ты почти гений. Не нужно к нему подходить, он ничего не заподозрит. И вдруг, когда он того меньше всего ждет, — трах, нокаут! Если только мы верно прицелимся...

— Положись на меня — самоуверенно заявил Суматоха. — Ты себе не представляешь, с какой радостью я его угощу этими пеликанами.

Сперва все шло по плану. Их противник только почмокал с довольным видом, когда Суматоха на глазах у него взял за ноги опципанных пеликанов и положил их в качающуюся корзину. Затем ребята, будто просто так, влезли на крышу каюты и сделали вид, что высматривают какое-нибудь судно. Как

назло, подул сильный ветер и началась качка. Теперь будет не так-то просто попасть в цель... Ниссе предложил обождать с атаккой, пока море не успокоится. Но Суматоха ничего не ответил, только пристально посмотрел на бородачу. Наконец, хитро поблескивая глазами, он повернулся к Ниссе:

— Нет, парень, долго ждать незачем. Видишь, его уже укачало! А нам качка только поможет. Если пустить корзину, когда плот накренится, она полетит еще быстрее.

Затаив дыхание мальчики следили за противником, который все чаще глотал и на глазах становился бледнее. Наконец он подошел к борту и с несчастным видом уставился на воду.

— Давай, ну! — прошептал Ниссе.

— Скажешь мне, когда волна поднимет корму, — так же тихо ответил Суматоха и схватил двумя руками корзину. Прошло несколько секунд.

— Пускай! — крикнул Ниссе.

Корзина пулей пролетела над палубой и угодила жертве в затылок. Бородач рухнул, будто кегля, и замер. Тотчас Ниссе и Чико подбежали к нему и забрали все оружие.

Пленник по-прежнему лежал, не подавая никаких признаков жизни.

— Слушай, может, он умер? — робко спросил Ниссе.

Суматохе тоже стало не по себе. Сходив за зеркалом Чико, он поднес его к губам жертвы, и зеркало сразу запотело. Гордясь своей находчивостью (он вычитал про этот прием в детективном журнале), Суматоха объявил, что пленник жив и скоро очнется.

Но ожидание затянулось. Тогда он велел Ниссе зачерпнуть кружкой воды и плеснуть бородачу в лицо.

— Если он теперь не очнется, то вовсе не очнется, — заметил Ниссе. — Вода холоднющая, мы в течении Гумбольдта, а оно начинается у Южного полюса.

Сказал — и вылил кружку бородачу на голову. И случилось неожиданное: борода вдруг начала отставать, а с головы, обнажив обширную лысину, сполз парик.

Ниссе подскочил и закричал:

— Узнаю, честное слово, узнаю! Помнишь, утром я сказал, что как будто где-то его видел...

— Да говори же, кто это! — нетерпеливо перебил его Суматоха.

— Генерал Бомбасто, вот кто, — сказал Ниссе. — Еще полгода назад он был президентом страны. Потом один адмирал устроил переворот, и диктатор Бомбасто бесследно исчез. Его уже много раз свергали, а он других свергал.

— Ты уверен, что это Бомбасто? — усомнился Суматоха.

— Железно уверен. погоди, я тебе докажу.

Порывшись в грудном кармашке, он вытащил прозрачный конвертик с марками, которые купил накануне в Гваякиле. поднес их к самому носу Суматохи и торжествующе объявил:

— Вот, убедись. На всех марках генерал Бомбасто. Фамилия написана большими буквами под портретом. Видишь? Лысый, безбородый. Если это не генерал Бомбасто, то его близнец.

— Но тогда усы должны быть настоящие. — Суматоха еще раз глянул на марку, ухватил лысого за усы и подтянул.

Видно, только этого и недоставало, чтобы привести в чувство пленника. Он вздрогнул, открыл глаза и сел.

— Мы вас узнали, генерал Бомбасто, — не без трепета сказал Суматоха.

Как-никак он впервые в жизни столкнулся так близко с генералом и президентом.. Столкнулся, и стукнул по голове, и кажется, перестарался...

Не кажется, а точно. Бомбасто тоскливо поглядел на него, и чуть слышно вымолвил:

— Совершенно верно, я генерал Бомбасто. Теперь, когда я все равно умираю, мне нечего скрывать.

— Сильно болит голова? — тревожно спросил Суматоха.—

Что там голова, с головой все в порядке, — жалобно произнес Бомбасто. — А вот живот.. . Дайте мне спокойно умереть.

— Ерунда, это всего-навсего морская болезнь, — облегченно вздохнул Суматоха. — Скоро пройдет.

В ответ Бомбасто издал жуткий предсмертный стон, вытянулся во весь рост и повернулся спиной к Суматохе. Но он не мог испустить последнего вдоха, не покайсявшись. И они снова услышали его исполненный горечи голос:

— Мне не надо было выходить в море... Это мой первый промах. Второй промах— я не проверил, есть ли кто на плоту. Но я очень спешил.. . Полиция гналась за мной по пятам... Я переоделся туристом, больше полугода разъезжал по Эквадору, хотел организовать переворот и свергнуть нынешнего диктатора. И никто меня не узнавал.. . Значит, меня предал кто-то из своих, Иначе как объяснить, почему полиция вчера внезапно окружила квартал в Гваякиле, где был мой тайный штаб? Но они плохо сработали, не открыли сразу огонь, и я пробился, всех на своем пути уложил...

— А куда вы хотите плыть? — спросил Суматоха.

Раскаяние явно принесло Бомбасто облегчение, потому что он продолжал куда бодрее:

— Поначалу я думал только о том, как побыстрее убраться из Гваякиля. Но все дороги были перекрыты, и я поспешил в порт. А тут на каждом судне — полиция. Оставалась последняя надежда — найти какую-нибудь неохраняемую лодку. Однако я и лодки не нашел, только этот плот... Ничего, решил я, выйду по реке Гуаяс в залив, и за ночь течение отнесет меня в море. Кто станет обращать внимание на какой-то плот? И только потом, уже вдали от берега, я задумался, как быть дальше. В морском деле я не смыслю. Поэтому решил так: дождусь, когда появится какое-нибудь судно, и сделаю вид, что я жертва кораблекрушения. Как только меня возьмут на борт, пригрожу рулевому пистолетом и велю ему идти в Эсмеральдас. Там у меня много приверженцев.

Суматоха слушал его все более увлеченно. Одного только он не мог понять: если Бомбасто собирается захватить судно, почему он не сигнализировал пароходу, который они видели на расвете?

— На это легко ответить. — Бомбасто настолько приободрился, что даже сел. — Пароход был слишком большой, никакого шанса очутиться один на один с рулевым.

— Ничего, мы еще встретим подходящее судно, — утешил его Суматоха. — Вчетвером у нас... В чем дело, Ниссе? Что, ты дергаешь меня за рубашку?

Он сердито повернулся к другу, но тот молча взял его за руку и увел к каюте. Бомбасто остался сидеть на месте, Глаза у него все еще были слегка ошалелые, однако в целом он выглядел молодцом.

— Раскинь мозгами, Суматоха, — сказал Ниссе, когда они оказались наедине. — Разве это наше дело — захватывать суда для Бомбасто? У нас своих забот хватает. Надо поскорей вернуться к берегу. Представляю себе, как папа сердится.

— А как же Бомбасто? — воззвал к нему Суматоха — Вдруг его схватит полиция!

Он никак не мог забыть незаслуженный пинок полицейского, должно быть, потому и стал не раздумывая на сторону - Бомбасто.

— Это его дело, — холодно ответил Ниссе. — он о нас не думал, когда ему принадлежала власть на плоту. Верно? Пусть бежит, куда хочет, когда пристанем к берегу! Не стоят же полицейские вдоль всего побережья.

Суматоха сообразил наконец, что позволил чувствам взять верх над разумом. Неохотно признав, что Ниссе лучше него разбирается в плотях и в эквадорцах, он уступил товарищу, командование на борту.

- Установим двухчасовые вахты, — распорядился Ниссе. Суматоха, собери команду, бросим жребий, кому когда дежурить.

Но Суматоха еще не привык к роли подчиненного и, вместо того чтобы выполнить приказ, нерешительно сказал:— Как же мы пойдем против ветра? Я по солнцу вижу, где стороны света. Берег тоже видно, он лежит на востоке. Точно? Можешь убедиться: ветер дует как раз с той стороны.

— Не беспокойся, — важно, прервал его Ниссе, - эква

дорские плоты ходят против ветра, у них для этого есть гуары. - Что это такое? — Такие длинные и широкие доски, их просовывают между бревнами. На большинстве плотов по две гуары на носу и на корме, бывает и больше. Они действуют как киль у лодки, с ними плот не сносит в сторону. Но самое главное — они заменяют руль. Да-да! Надо только поднимать и опускать гуары, и можно изменять курс, даже идти галсами против ветра. Сейчас увидишь!

Подозвав Чико, Ниссе приказал ему достать паруса и показать, где гуары.

Никаких гуар нет, — сказал, приветливо улыбаясь, Чико. — Я их давно убрал, они мешали подойти вплотную к берегу. А паруса?

- Когда я нашел плот, парусов не было. А новых я не заводил, ведь мне плот был нужен, только чтобы жить на нем.

На этом кончилась капитанская карьера Ниссе. Суматоха снова взял на себя командование и предложил сделать парус из красного одеяла Чико, однако тут же сообразил, что его предложение никуда не годится, с парусом их быстрее понесёт в море. Оставалось утешать друг друга что плот, наверно, вскоре обнаружат с какого-нибудь на или самолета. Бомбасто и Чико и вовсе не горевали Генерал преспокойно уснул, а юный индеец, насвистывая, жарил в своей чудесной бочке пеликанов.

Чтобы не прозевать судно, ребята всю ночь дежурили по очереди, держа наготове карманный фонарик Бомбасто, который, собирались передать SOS. Ночная вахта была для них делом непривычным, и когда утром из моря вынырнуло круглое красное солнце, друзья еле держались на ногах от усталости. Зато Бомбасто которого они пощадили, дали ему выспаться, заметно повеселел. Он совершенно исцелился от морской болезни; они убедились в этом, глядя, как жадно генерал проглотил остатки птицы, которые ему подал Чико. Однако

Бомбасто не наелся и велел Чико живо сварить ему побольше мясного супа.

— Пойдите, — сердито вмешался Суматоха, уразумев, что происходит. — Вы забываете, что здесь командуем мы — я и мои друзья. А мы считаем, что надо беречь провиант и воду. Кто знает, когда еще нас спасут. Поэтому мы решили варить суп только один раз в день.

— Можно есть птицу и рыбу, когда кончится провиант Чико, — возразил Бомбасто.

— Если сумеем добыть рыбу и птицу, тем лучше, а сушеное мясо и кукурузу будем пока экономить, — твердо ответил ему Суматоха.

— Вздор, — фыркнул Бомбасто и потянулся за пистолетами.

Но он их напрасно искал. А когда вспомнил, что они у ребят, то еще больше разозлился. Недовольно ворча, что распоряжаться должен тот, кто старше и умнее, генерал прошел, на нос и сел там спиной к ребятам.

Минуло несколько дней. Лишь один раз они видели судно. Да и то оно прошло так далеко, что одни трубы торчали над горизонтом. Нечего было и думать, чтобы кто-нибудь с корабля мог обнаружить ныряющий в ложбины низкий плот. Бомбасто продолжал дуться, хотя решение ребят беречь провиант оказалось очень разумным. Рыбы было много, она часто играла возле самого плота. И ребята сделали крючок из гвоздя, который выдернули из пола штыком Бомбасто, а из прядей веревки связали леску. Но они зря изобретали и трудились: наживка — сушеное мясо и кукуруза — почему-то не соблазняла рыб. А больше на плоту ничего не было.

Что до морских птиц, то они появились снова только на седьмой день. К этому времени плотгоны совсем изголодались, и Суматоха и Ниссе поспешили вытащить пистолеты из тайника под полом каюты. Ребята впервые держали в руках настоящее оружие, и оно оказалось куда тяжелее, чем они думали. Как ни напрягайся, рука дрожит и дуло пистолета выписывает в воздухе странные кривые. А так как

Кончилось тем, что Суматоха с размаху сел в бочку.

птицы тоже выписывали в небе причудливые петли, неудивительно, что все пули летели мимо.

— Надо же, как я ослаб от недоедания, — попытался Суматоха оправдаться перед Ниссе после очередного промаха и взял пистолет двумя руками.

Но от этого дело не пошло лучше.

Снайпер Бомбасто только издевательски поглядывал на них. Он и не думал помочь, хотя, наверно, проголодался не меньше ребят. Очевидно, предвкушал свое торжество, когда они покорно вернут ему пистолеты и попросят его снова стать командиром. Наконец Ниссе сдался, но Суматохе ехидные усмешки Бомбасто только прибавили решимости добиться своего. Стиснув рукоятку пистолета так, что суставы побелели, он медленно кружился, чтобы не терять из виду беспокойную мишень. Но когда человек ходит по кренящейся палубе запрокинув голову, ему трудно уследить, куда он ступает. Кончилось тем, что Суматоха с размаху сел в бочку. Несколько секунд Бомбасто крепился, только уголки рта дергались, потом покатился со смеху, держась за живот. Насмеявшись вдоволь, он дружелюбно сказал:

— Слушай, парень, ты на тот глаз щуришь, а так ничего годишься в стрелки. Дай-ка сюда пистолет, я покажу тебе как с ним обращаться. И подстрелю птицу на обед, это уж точно.

Почистив штаны (он угодил прямо на сковородку), Суматоха нерешительно обратился к Ниссе по-шведски, чтобы, Бомбасто не понял:

— Как ты думаешь, можно отдать ему пистолет? Не попробует он снова захватить власть?

Ниссе покачал головой.

— По-моему, когда человек так искренне смеется, у него в это время не может быть коварных замыслов. И ведь я не отдам ему второй пистолет. К тому же у нас еще в запасе ножи и винтовка.

И Суматоха подал свой пистолет Бомбасто, который тот час начал его поучать:

— Если у тебя доброе на душе, вежливость требует, чтобы ты подавал пистолет рукояткой вперед, а не дулом...

Остаток дня генерал и Суматоха упражнялись в стрельбе и охотились. И все было бы здорово, не хватало только птиц. Ниссе и Суматоха распутали их своей пальбой, и теперь они сторонились плота. Однако ничто не могло омрачить хорошее настроение Бомбасто. Чтобы показать ребятам, как они ему полюбились, он даже вызвался один дежурить всю ночь.

В разгар диковинного, но вполне приятного сновидения про солдат, которые обстреливали его котлетами, вареными яйцами, помидорами и картошкой, Суматоха вдруг проснулся оттого, что открылась дверь каюты. Он осторожно проверил рукой, где Ниссе и Чико. Оба крепко спали, лежа на своих местах. Тогда это Бомбасто... Неспроста он так тихо подбирается. Наверно, задумал недоброе. И дураки же они, что доверились ему. Суматоха хотел бесшумно пробраться в тот угол, где было спрятано оружие, но угодил головой во что-то мягкое и упругое.

— Ой, осторожно, это мой живот! — раздался жалобный голос Бомбасто.

- Не похоже, чтобы он думал на них нападать. Суматоха сразу осмелел, даже немного рассердился: - Вы ведь обещали дежурить всю ночь!

— Там дождь хлещет, я и решил лечь в каюте и смотреть через дверь.

Суматоха высунул наружу голову и ничего не увидел, зато сразу убедился, что Бомбасто говорит правду. Повернувшись на другой бок, он начал рассказывать про свой забавный сон Ниссе, который тоже успел проснуться. Зато Бомбасто тем временем захрапел. Сперва они возмутились и хотели его разбудить. Но потом согласились, что в такой дождь, когда все равно ничего не видно, нет смысла нести вахту. И ребята продолжали взахлеб говорить о еде. Они как раз дошли до самого интересного — до сладкого, когда плот накренился сильно, что Бомбасто прокатился мимо них и ударился головой о стену.

Генерал невозмутимо продолжал храпеть. Значит, не больно ушибся. Но что же произошло? Суматоха долго и внимательно слушал, потом сказал:

— Тебе не показалось, что было два удара? Один по сильнее, когда плот накренился, второй послабее, когда Бомбасто боднул стену.

— По-моему, тоже было два удара, но я, честное слово, не заметил, какой был сильнее.

— Первый удар донесся с палубы. Наверно, что-нибудь свалилось.

— Пошли, посмотрим.

После долгих поисков ребята нашли фонарик Бомбасто и включили его. У генерала они увидели здоровенную шишку на лбу, но он крепко спал и ровно дышал. С ним все в порядке. Зато Чико почему-то испуганно забился в угол.

— Ты что? — спросил Ниссе. — Чего испугался?

— Гигантских кальмаров. Они водятся как раз здесь, их очень много. Рыбаки в Гваякиле рассказывали, кальмары на людей нападают. У них руки длинные, несколько метров, и толстые, как нога у человека! Прямо посреди головы — большой клюв, которым кальмар раздирает жертву. Всплывают они только по ночам. Сперва одной рукой задушат рулевого, потом забираются на плот и съедают всех остальных. Сначала я их во сне увидел, потом проснулся оттого, что меня хотел схватить кальмар...

— Чепуха, это мы искали фонарик, — ответил Ниссе и в двух словах объяснил Суматохе, что сказал Чико.

Суматоха поддержал Ниссе — конечно, чепуха. Однако затем он вспомнил, что читал про кальмаров в одном журнале. Но неужели это правда, что они нападают на людей?

Стук в дверь прервал его размышления. Он отпрянул от двери и тихо спросил Ниссе:

— Ты слышал стук?

Ниссе молча кивнул.

— Вот видите, видите! — захныкал Чико и спрятал лицо в ладонях.

— Кальмары не стучатся в дверь, — заявил Ниссе без тени страха. — А если бы и умели, зачем им предупреждать свою жертву?

Логично рассудил, ничего не скажешь. К сожалению, на Чико логика уже не действовала.

— Скорей буди Бомбасто, доставай ножи и винтовку! — велел Суматоха.

Не успел Ниссе выполнить приказ, как дверь отворилась, и у него сразу отнялись руки-ноги. По чести говоря, Суматоха тоже оцепенел, и уставился на дверь словно завороченный. Прошла, казалось, целая вечность (на самом деле какие-нибудь секунды), прежде чем друзья получили ответ на загадку, и он предстал их взгляду в облике рослого мужчины в брюках и ковбойке.

— Надо лучше смотреть, ребята, когда ходите в водах с оживленным движением, — неожиданно добродушно сказал гость по-английски.

— Вы откуда? — спросил Ниссе.

— Что случилось? — подхватил Суматоха.

— Ничего особенного, просто вы налетели на мою моторную лодку. Вам не известно, что положено вывешивать фонари с правого и левого борта? Кто здесь капитан?

— Нет у нас капитана, — ответил Суматоха. У него вдруг пропала всякая охота командовать.

Гость озадаченно нахмурился. — Зато у нас есть генерал, — добавил Ниссе и растолкал спящего Бомбасто. Естественно, ночной гость еще больше удивился.

Ребята живо рассказали Бомбасто, что случилось. Он вскочил на ноги, обнял чужака и закружил его, даже расцедловал. Наконец тому удалось вырваться, но Бомбасто не так-то легко было обескуражить. Схватив обе руки ночного гостя, он прижал их к своей груди и с жаром заговорил:

— Я награжу вас по заслугам! Как только приду к вла-

сти, вручу вам большую медаль свободы. А теперь — скорей на вашу лодку, и, помчимся в Эсмеральдас!

Чужак схватился за голову и удрученно ответил:

— Но ведь вы её только что потопили! Понимаете?

Я спокойно возвращаюсь домой с рыбной ловли, вдруг из я завесы дождя выскакивает плот и таранит меня... Лодка пошла ко дну, я еле успел перебраться на ваш плавучий сарай. Кстати, до Эсмеральдас отсюда не меньше пятисот морских миль.

— Где же мы тогда? — вместе крикнули Суматоха и Ниссе.

— У Галапагосских островов.

Эта новость привела Бомбасто в дикий восторг. Он принялся всех обнимать и целовать, приговаривая:

— Это еще лучше, чем Эсмеральдас! Здесь стоит эквадорский полк (чмок, чмок)... Командир полка мой старый друг, и солдаты встретят меня как освободителя (чмок, чмок)... И радиостанция есть, я обращусь к народу Эквадора (чмок, чмок)... Скоро отечество опять будет свободным, я займу президентское кресло(чмок, чмок)... Ура!..

Все прокричали вместе с ним «ура», после чего объяснили вконец озадаченному гостю, кто они и как попали на плот. В свою очередь незнакомец рассказал, что он американец, его фамилия Фишер, он очень любит ловить рыбу и обычно проводит лето у своего хорошего друга, а тот директор морозильника на острове Сан-Кристобаль в Галапагосском архипелаге. Как раз накануне Фишер поймал рыбу-меч весом в 287 фунтов. Было похоже, что потеря этой рыбы огорчает его больше, чем гибель лодки.

— Это будет сто тридцать килограммов, — заметил Ниссе; он здорово считал в уме и привык переводить фунты в килограммы.

— Откуда вы знаете, что она весила точно двести семьдесят семь фунтов? — полюбопытствовал Суматоха.

— А я всегда беру с собой безмен, — ответил Фишер. — Поймаю рыбу — сразу взвешиваю ее и записываю итог.

У меня есть для этого особая записная книжка. .. Вот, уцелела, лежит в заднем кармане. Когда я приезжал сюда к 1959 году, мне удалось побить мировой рекорд. Взял тунца на пятьсот двадцать четыре фунта. Но на следующий год другой рыболов меня обошел.

Фишер продолжал рассказывать Суматохе и Ниссе про свои приключения и отвечать на ряд вопросов. Тем временем Бомбасто красноречиво излагал свои планы переворота почтительно слушающему Чико, который все еще не оправился от испуга. И когда они спохватились, что не худо бы и поспать, уже наступило утро. Решили проверить плот. Оказалось, что несколько бревен смяты впереди, в остальном плот ничуть не пострадал от столкновения с лодкой Фишера.

— У плота великое преимущество: не надо бояться течи, — заметил Суматоха. — Даже можно так сказать: чем больше дыр, тем лучше. Вода, которая попадет на палубу, быстрее стечет обратно.

Ниссе пошел на нос, где палуба была пониже, чтобы умыться. Вдруг все услышали его голос:

— Смотрите, между бревнами застрял кусок мачты Фишера.

— Вот и хорошо, а то у нас дрова на исходе, — сказал Суматоха, подходя к нему.

Ниссе взялся за обломок и сразу сообщил:

— К нему привязана проволока,!

Вместе с Суматохой они стали ее тянуть.

— Это не проволока, это моя антенна! — воскликнул подоспевший Фишер.

— На другом конце что-то привязано, — доложил немного погодя Суматоха.

— Неужели? Вот было бы...

Да, это была радиостанция Фишера! И хотя внутрь проникла вода, Фишер надеялся ее наладить. Он отыскал в одном из своих многочисленных карманов футляр с инструментом и попросил ребят принести одеяло, чтобы складывать на нем части.

— Станция первоклассная, я ее сам сделал, — приговаривал он, отделяя заднюю стенку. — Радио — моя профессия и мое увлечение. Во-первых, у меня в Чикаго есть небольшой радиозавод, во-вторых, я был еще школьником вроде вас, когда стал радиолюбителем. Кстати, радио и помогло мне познакомиться с директором морозильника в Прогрессо на острове Сан-Кристоваль, о котором я говорил. Сперва мы подружились заочно, потом он пригласил меня в гости...

Продолжая рассказывать про друзей в мире радио и приключения в мире рыб, Фишер быстро и умело разобрал радиостанцию и разложил все детали в ряд на одеяле. Мальчики с удовольствием помогали вытирать намокшие части. Их оказалось не так уж много, потому что по краям крышки была проложена резина. На всякий случай Фишер выждал несколько часов, потом начал сборку. Части были разложены так аккуратно, что он уверенно брал их в нужной последовательности. Наконец завершил работу и принялся крутить ручки. От волнения ребята боялись дышать. Сначала послышался ужасный треск, потом что-то засвистело и, наконец, из динамика вырвался лихой свист.

— Теперь поглядим, можно ли передавать, — довольно улыбаясь, сказал Фишер. — Мне бы только связаться с моим другом, и нас живо спасут. У него есть катер, делает двадцать узлов, а мы, наверно, совсем близко от Сан-Кристо-баля.

— Дорогой мистер Фишер! — умоляюще заговорил Ниссе. — Пожалуйста, свяжитесь сперва с каким-нибудь радиолюбителем в Гваякиле. Пусть он передаст папе и маме, что мы живы-здоровы. Папа всегда сердится, когда я опаздываю даже на несколько минут. А мы уже больше недели тут...

— Ладно, постараюсь, — обещал Фишер. Крутя четыре ручки сразу, он начал вызывать: — CQ, CQ CQ, здесь W9ACK, CQ, CQ, здесь W9ACK. ...

Между вызовами он объяснил ребятам, что «СО» означает «всем», так вызывают любителей, которые прослуши-

вают ту или иную волну. Достаточно связаться с любым радиолюбителем, и он поможет отыскать, кого вам надо. И в самом деле, почти сразу Фишеру ответило с полдюжины любителей. Он толковал ребятам сигналы:

— Это американец... Это канадец... Теперь немец... А вот и швед! Может, начнем с него?

Он увеличил мощность, получше настроил передатчик и стал вызывать шведского любителя. Ответ звучал отчетливо и громко.

— Говорите с ним по-шведски. — Фишер, улыбаясь, подал микрофон Суматохе.

Вяснилось, что они связались с одним лесоторговцем из Тумбы, причем он ничуть не удивился, услышав шведскую речь с противоположного конца земного шара.

— Если он лесоторговец, пусть купит у нас плот, — прошептал Ниссе, унаследовавший от отца коммерческую жилку. — Бальса высоко ценится, мы запросим полцены, и он сразу согласится.

— Тихо, послушаем, что он говорит, — зашипел Суматоха.

А лесоторговец в эту самую минуту объяснял, что часто связывается со шведскими коммерсантами и миссионерами за границей и охотно позвонит кому-нибудь в Швеции, если им надо.

Не очень надеясь на успех, Суматоха дал свой домашний номер, потому что на даче в Кольмордене телефона не было. Почти сразу он услышал мамин голос:

— В чем дело, Суматоха? Дядя Ролле уже отправил тебя домой? Что ты там опять натворил? Где ты? На аэродроме?

— Нет, мама, я звоню из Эквадора. То есть...

- Ты с ума сошел, парень, тратить такие деньги! Хотя постой, я, кажется, зря на тебя напустилась. Ты, наверно, хочешь поздравить меня с днем рождения? Какой ты молодец! И как удачно, что я в городе. Ты не представляешь себе, как хорошо и спокойно мы отдыхаем. Ни шума, ни суматохи, никаких тревог. С тех пор, как ты уехал, я в пер-

выи раз в городе. Приехала за письмами. Тут лежит куча писем с эквадорскими марками. Хорошо, что ты часто пишешь. Смотри и дальше не забывай нас.

Видимо, мама Мерта пребывала в счастливом неведении о том, что случилось. Суматоха ломал себе голову, как ей все объяснить, чтобы не испугалась... Прежде чем он успел что-нибудь придумать, снова раздался взволнованный мамин голос:

— Алло, Суматоха, ты куда пропал? И что это там у тебя шумит, словно вода плещется? Может быть, ты забыл завернуть кран в ванной?.. Нет? Ну хорошо. А как ты вообще поживаешь? Слушаешься? Да, вот еще что!.. Пожалуйста, будь поосторожнее на улице, когда выходишь из дома. Говорят, там, в Южной Америке, страшные лихачи... Алло, что ты говоришь? Что у вас совсем никакого движения нет? Странно. Может быть, дядя Ролле и тетя Маргот живут в дачном поселке? А до моря далеко?

— Нет, совсем близко, — простонал Суматоха.

Чувствуя, что пора выкладывать истину, он сделал глубокий вдох и начал безмятежным голосом:

— Кстати, о море. Мне надо тебе кое-что сказать, мама. Мы с Ниссе неделю назад отправились в небольшую экскурсию. Может быть, его родители волнуются и написали вам. Но вы не обращайте внимания. Экскурсия уже кончилась, скоро мы вернемся в Гваякиль. Где мы находимся? Сейчас...

На самом трудном месте Фишер неожиданно прервал его признание, выхватил у него из рук микрофон и стал лихорадочно крутить ручки.

— Так очень редко бывает, чтобы аппарат, который я только что наладил, вдруг опять забастовал, — сердито сказал он. — Но вы, конечно, понимаете: одно дело чинить радиостанцию в Чикаго, совсем другое — здесь, в таких сложных условиях. По огорченному лицу Фишера, когда он принялся вновь разбирать радиостанцию, было видно, что задета его про-

фессиональная честь. В конце концов он положил инструмент и пожал плечами,

— Конденсаторы отказали, а это не так-то просто исправить. Ничего, не беда, ветры и течения быстро пригонят нас к Галапагосскому архипелагу и тому же я уверен, что мой друг на Сан-Кристобале уже вышел на катере искать меня.

Третья глава

ПЯТЬ ОТВАЖНЫХ БУККАНИРОВ

Шли часы, а на горизонте не появлялось ничего похожего на остров.

— А нас несет туда, куда надо? — усомнился Суматоха, поглядывая прищуренными глазами на солнце, которое было их единственным компасом.

— Я был милях в тридцати западнее ближайшего острова в Галапагосском архипелаге, когда вы потопили мою лодку, а ветер по-прежнему дует в сторону Сан-Кристобалья, — ответил Фишер. — И вода нам помогает, ведь мы

сейчас в той ветви течения Гумбольдта, которая на широте Галапагосских островов сворачивает на запад. Но если хотите прибавить ходу, давайте поставим парус.

Растянуть на мачте красное одеяло Чико было проще простого. Всем показалось, что плот пошел быстрее. И даже если это им только почудилось, польза была несомненная, потому что у них сразу поднялся дух. От нетерпения Суматоха и Ниссе плохо спали в эту ночь. Задолго до рассвета они бесшумно выбрались на палубу и уставились на горизонт на западе. Однако Бомбасто и Чико опередили их, причем друзья очень удивились, увидев, что рослый Бомбасто говорит с маленьким Чико, стоя на ящике, хотя должно было бы быть наоборот. Впрочем, говорил только генерал, а юный индеец Чико почтительно слушал.

— Подойдите сюда, ребята, — прервал Бомбасто свое выступление. — Мне нужно побольше слушателей, чтобы в полной мере проявить свое красноречие. Понимаете, я разучиваю речь, которую произнесу, когда мы ступим на берег.

Ребята подчинились, и Бомбасто так разошелся, сопровождая свои пламенные призывы энергичными жестами, что несколько раз чуть не упал с ящика. Суматоха только и разбирал что «переворот» да «свобода». Шум на палубе разбудил Фишера, и он, зевая, вышел из каюты. Но вместо того, чтобы присоединиться к сторонникам Бомбасто, американец уселся на крыше и стал ждать восхода солнца.

Неудивительно, что он первым увидел землю. Генерал как раз кончил свою речь, и ребята, радуясь своему спасению, вполне искренне прокричали «ура».

Всего несколько миль отделяло их от острова, и плот приближался к суше так быстро, словно на корме стоял мотор. Правда, Фишер, покачав головой, неожиданно объявил, что это не Сан-Кристобаль. Однако никто не расстроился. Ведь главное то, что они спасены!

Суматоха рассчитывал, как на других островах Южных морей, увидеть светлый песчаный пляж и кокосовые паль-

мы. Велико же было его разочарование, когда он разглядел отороченные внизу огромными глыбами отвесные скалы. А черные фигуры среди камней, которые он принял за встречающих островитян, оказались тюленями и пингвинами. Обитатели полярных вод у экватора! Невероятно.

— Не только остров не тот, а весь архипелаг! — воскликнул он. — Это не Галапагос, вас отнесло к Южному полюсу.

— Ну-ну, хватил, — успокоил его Фишер. — Это совершенно точно один из Галапагосских островов, не могу только сказать какой. Пингины и тюлени поступили, как мы. Они пришли сюда с юга с течением Гумбольдта. Вся разница в том, что они проделали гораздо более долгий путь, от самого Южного полюса. Как они прижились у экватора? Очень просто: в течении Гумбольдта очень холодная вода. Ее температура не выше пятнадцати градусов, а вообще температура воды в тропиках не ниже двадцати пяти.

Они довольно легко вошли в окаймленный скалами просторный залив, но в нескольких метрах от берега плот остановила откатная волна. Фишер попросил ребят прыгнуть в воду и закрепить чалку, чтобы можно было вытащить на берег нос плота. Вода в самом деле была холодная, и мальчики живо добежали до скал. Но вокруг камня, за который ребята хотели швартоваться, грелось на солнце несколько десятков тюленей. Они даже и не подумали сдвинуться с места.

— Кш!.. — храбро крикнул Суматоха и замахал руками.

Ближайший тюлень широко зевнул и отвернулся в другую сторону. В душе Суматоха был вовсе не таким храбрым, каким прикидывался. К тому же тюлени вызвали у него неприятное воспоминание, как Эдгар весной отомстил Суматохе за то, что тот дразнил его «Пончиком». Отомстил очень просто: сел на него верхом и сидел, пока все остальные ребята не насмеялись вдоволь. Да, хотя тюлени толстые и неуклюжие, лучше быть начеку...

Суматоха тихонько подтолкнул ближайшего зверя и отскочил, ожидая, что будет дальше. Но тюлень лишь твякнул,

словно недовольный пес, и укоризненно посмотрел на него. От досады, не зная, что еще придумать, Суматоха затыкал в ответ. И нечаянно угадал — тюлени сразу всполошились. Ниссе и Чико тоже принялись твякать, и тюлени один за другим побрели прочь со всей скоростью, какую допускали их короткие лапы. А пингинов твяканье ничуть не испугало, они преспокойно стояли на месте, с любопытством наблюдая за ребятами. Даже когда Суматоха взял одного пингвина за крыло и извинился, что забыл надеть манишку, тот не двинулся с места.

— Судя по тому, какие тут бесстрашные тюлени и пингины, остров необитаемый, — сказал Суматоха Фишеру, когда тот сошел на берег.

— Ничего удивительного. Большинство островов архипелага не заселено. Правда, Сан-Кристоваль совсем цивилизованный, есть и морозильник, и военный гарнизон, даже каторга, куда отправляют самых отъявленных преступников с материка. Но, кроме Сан-Кристовалья, только на двух-трех островах живут поселенцы. Это либо европейцы, либо американцы, которым опостылела цивилизация. Или беглые каторжники. Обычно все попытки освоить остров кончаются тем, что поселенцы ссорятся и убивают друг друга.

Посмотрев кругом, Фишер добавил:

— По-моему, мы на Эспаньоле, одном из южных островов архипелага. Давайте поднимаемся вон на ту горку, оттуда будет лучше видно. Если это в самом деле Эспаньола, увидим и Сан-Кристоваль, и другие острова. Да, на всякий случай захватите оружие.

Ребята тотчас полезли вверх по крутым скалам. Бомбасто немного поворчал, недовольный тем, что откладывается переверот, которого все так нетерпеливо ждут, но потом потащился следом, держа наготове пистолет. Вскоре они очутились на горном плато, усеянном черными глыбами лавы, которые отзывались на удар металлическим звоном. На темном пепле между глыбами росли только низенькие кактусы да репейник. Зато поодаль виднелись деревья, а горы

были покрыты густой растительностью. Однако, подойдя ближе, ребята увидели не деревья, а усеянные длинными, в сантиметр, шипами многометровые кактусы. Впрочем, кустарники и узловатые акации за кактусовым лесом свидетельствовали, что здесь есть и более плодородная почва. Обуреваемые жаждой открытий, ребята поспешили вперед и очутились в узкой теснине.

— Смотри, следы копыт! — вдруг воскликнул Суматоха и опустил на четвереньки.

— Вперед, Шерлок Холмс! — поддразнил его Ниссе.

— Можно подумать, недавно целое стадо прошло.

— Фантастическая проницательность. А ты не допускаешь, что тут была всего одна корова, которая бегала взад-вперед нарочно, чтобы заморочить нам голову?

Суматоха решил не показывать вида; что слышал острогу Ниссе, и торжествуя подвел итог:

— Если на острове есть стадо, должны быть и люди.

Они еще стояли на четвереньках, изучая следы, когда послышался глухой нарастающий гул. Чико приложил ухо к земле и испуганно сообщил:

— Нечистый дух кипятит воду в недрах земли!

Суматоха и Ниссе даже не стали отвечать на такую чепуху. Тем не менее по примеру Чико оба приложили ухо к земле, чтобы лучше слышать. Может быть, это вулкан рокочет? От Фишера они слышали, что на Галапагосских островах полным-полно вулканов и далеко не все потухли. Громкий крик заставил их вздрогнуть. Это подоспел Фишер. Ребята удивленно уставились на него, а он сердито скомандовал:

— Живо вставайте с земли — и на деревья, пока вас не затоптали! По теснине вниз идет стадо, неужели не понимаете!

И он быстро взобрался на высокий камень, где уже стоял Бомбасто. Ребята вскочили на ноги и только успели влезть на ближайшие акации, как показалось стадо. Пол-сотни тощих коров и быков заполнили всю теснину.

От мысли, что им грозило, замешкайся они хоть на несколько секунд, друзьям стало не по себе.

— Хорошо, тут акации, а не, гигантские кактусы с огромными шипами! — крикнул Суматоха, пытаясь шуткой поднять настроение Чико и Ниссе.

Со страху они решили на всякий случай не слезать на землю, пока не покажутся пастухи. Услышав, почему ребята сидят на деревьях, как грачи, Фишер захохотал.

— Если есть стадо, это вовсе не значит, что здесь живут люди, — объяснил он. — Бьюсь об заклад, это одичавший скот. А вы не заметили, что коровы совсем дикие? Когда-то тут были поселенцы, они умерли или были убиты, а коровы, лошади, свиньи, козы, собаки и кошки остались, одичали и стали опасными. А звери, которых называют дикими и которые никогда не видели человека, обычно совсем безобидны.

Восхождение на гору продолжалось. Оно затянулось на несколько часов, и сперва Бомбасто, а за ним Суматоха и Ниссе здорово проголодались и захотели пить.

— Эх, сгруппировали мы, надо было застрелить одну корову, — посетовал Бомбасто.

Суматоха и Ниссе думали точно так же.

— Мясо дикой коровы слишком жесткое, — сказал Фишер. — Ничего, потерпите немного, я найду дичь получше.

— Какую? — полюбопытствовал Суматоха.

— Галапага — животное, именем которого назван архипелаг.

— Галапага? Как оно выглядит?

Но Фишер больше ничего не сказал.

«Похоже на название птиц», — подумал Суматоха. И он пристально осматривал все кактусы и акации, пока отряд медленно поднимался к последнему предвершинному плато. Но так как Суматоха шел, задрав кверху голову, он чуть не споткнулся о двух драконов, которые дремали на солнце прямо у них на пути. Что-то похожее он видел в Музее естественной истории в Стокгольме... Кажется, в какую-то древнюю эпоху с замысловатым названием драконы насе-

ляли всю землю. Только эти поменьше, всего метра два в длину. Не иначе, это и есть галапаго! Неужели таких уродов едят?

Словно прочитав мысли Суматохи, Фишер презрительно сказал:

— Это ящерицы, называются игуанами. Их можно есть. Если хорошенько поперчить и посалить. Но, я предпочитаю галапаго.

Доисторические чудовища разинули свои безобразные пасти и зашипели. Этим ограничилась их реакция на вторжение гостей из современного мира. И ребята уныло побрели дальше за плечистым Фишером. Еще через полчаса голод довел Суматоху до того, что он охотно съел бы не только игуану, но даже музейное чучело. Бомбасто и Ниссе тоже были на грани бунта. Один Чико оставался веселым и довольным.

Наконец они добрались до верхнего плато. Фишер влез на большой камень и, заслонив глаза ладонью от солнца, стал внимательно смотреть во все стороны. Ровно через минуту он торжествующе поднял одну руку вверх, а второй рукой указал вперед. Метрах в пятидесяти от них медленно колыхалась высокая трава.

— Это что же, мы змею искали? — разочарованно выпалил Суматоха.

— Она хуже ящерицы, — подхватил Ниссе.

— Я съем все что угодно, — заверил Бомбасто.

Чико, как обычно, промолчал.

Хитро улыбаясь, Фишер попросил у Суматохи пистолет, вошел в траву, спокойно нагнулся и дважды выстрелил. Потом выпрямился и крикнул:

— Идите сюда с ножами!

Они вяло подчинились, однако сразу повеселели, увидев, что галапаго вовсе не змея, а гигантская черепаха. Пули поразили ее в голову.

— Ну-ка помогите перевернуть ее, и вы скоро досыта наедитесь чудесного жаркого, — сказал Фишер.

Но сколько они ни старались, им только с помощью длинных жердей удалось перевернуть черепаху на спину. Суматоха прикинул, что она весит не меньше, чем упитанная корова.

— Жаль, мои весы утонули, — сказал Фишер. — Но я и так довольно точно определяю вес. Положитесь на мое слово, в ней не меньше двухсот килограммов. Пожалуй, это одна из самых больших «черепах, какие я когда-либо встречал на здешних островах.

На глазах у восхищенных ребят Фишер, ловко орудуя ножом, отделил нижний щиток, словно крышку от консервной банки. Тем временем труженик Чико набрал хворосту для костра. А Бомбасто удобно сел на землю возле камня и принялся наставлять Чико, как жарить черепаший бифштекс.

— Эх, если бы еще воды, я был бы совсем счастлив! — заметил Суматоха.

— Не волнуйся, за водой идти недалеко, — отозвался Фишер.

Суматоха вопросительно посмотрел кругом: никаких источников, только сухой вулканический песок, камни да трава... Но ведь Фишер доказал, что не бросает слов на ветер. Какой еще фокус он задумал? Ждать пришлось недолго. Американец извлек из внутренностей черепахи длинный пузырь, прорезал сверху дырочку и подал его Суматохе.

— Что с ним делать? — опешил тот.

— Пить. Ведь ты воды просил? У этого вида наземных черепах есть два пузыря с водой, своего рода запас, которого им, когда надо, хватает на несколько месяцев. Холодной ее не назовешь, но пить вполне можно.

Суматоха осторожно сделал глоток. Какой-то непривычный привкус... Но он быстро об этом забыл — так хорошо было утолить наконец нестерпимую жажду.

В благодарность Суматоха решил поджарить над костром мяса для Фишера, который продолжал разделять черепаху. Взял два больших куса и, по примеру Чико, нанизал их на прут.

— Раньше здесь на всех островах черепаках было видимо-невидимо, — сказал Фишер, когда они расселись вокруг костра. — Потому и назвали архипелаг Черепашьим. Заходили сюда преимущественно пираты, китобои и контрабандисты. В этой части Тихого океана они только здесь могли без труда запастись вдоволь свежего мяса. В дальнем плавании лучшего провианта не придумать. Черепахи могли по не сколько месяцев жить на борту, и поить их было не надо.

— Кроме того, пираты сушили черепашье мясо, — вставил Бомбасто. — Сушеное мясо называлось по-испански «букан», поэтому и пиратов часто называли «буканирами».

— Хотя пираты, китобои и контрабандисты из века в век ежегодно убивали тысячи черепах, это было все равно что ведром вычерпывать море, — продолжал Фишер. — А вот когда поселенцы необдуманно пустили бродить по островам лошадей, коров, свиней, коз и других домашних животных, тут черепахи сразу пошли на убыль. Одичавший скот поедал или давил их яйца, не давал черепахам размножаться. И теперь редко увидишь молодую черепаху. Большинство старики лет по полтораста, по двести, они еще пиратов видели.

— Эх, вот бы жить в то время! — сказал Суматоха, впинаясь зубами в поджаристый черепаший бифштекс.

— А мне и в наше время хорошо, — возразил Ниссе, глотая здоровенный кусок. — По-моему, в этой части света и теперь немало увлекательного, даже пиратов можно найти. Да возьми хоть все, что было с нами за эту неделю!

— Верно, здорово было, но теперь-то уж всё, конец нашим приключениям... — Суматоха глубоко вздохнул.

В ту же секунду за его спиной один за другим грянули два выстрела. Суматоха тотчас бросился на землю, а Ниссе от неожиданности окаменел, только глазами хлопал. Осторожно повернув голову, Суматоха увидел, что Бомбасто лежит за деревом с винтовкой и целится. На взволнованные вопросы ребят, что случилось, он слегка презрительно ответил:

— Опыт меня научил — когда к тебе подкрадываются

вооруженные незнакомцы, лучше сперва стрелять, а потом выяснять, что это за типы.

— А я никого не вижу, — сказал Ниссе. Он сидел у костра, и вся площадка простиралась перед ним.

— Они спрятались вон за тем большим камнем.

— Все равно так не годится, — вступил Фишер. — Разве можно судить на таком расстоянии, что у них на уме? Я уверен, вы ошибаетесь. Попробуем сперва поговорить с ними.

Он смело выпрямился во весь рост и помаhal руками над головой, показывая, что у него нет оружия.

Одна за другой в воздухе просвистели три пули. Фишер мигом укрылся за поваленное дерево. Суматоха и Ниссе, присоединились к нему. Чико уже давно спрятался за камень поодаль.

— Может быть, в другом месте ваш способ хорош, но в Южной Америке, вы уж поверьте, лучше действовать по-моему, — ухмыльнулся Бомбасто и выпустил наугад несколько пуль по противнику.

— Совсем как в американском кино! — ликовал Суматоха.

Им овладел боевой пыл, как это бывало, когда он видел хорошую потасовку в кино или по телевизору. Но когда Суматоха, подняв пистолет, высунулся из-за ствола, на него вдруг напала странная дрожь и почему-то неприятно засосало под ложечкой. Ниссе тоже слегка побледнел. Он попытался свалить все на черепашье мясо, но это объяснение никого не убедило.

Зато Бомбасто чувствовал себя превосходно. Не переставая разговаривать и смеяться, он лихо палил по незримому врагу. Кончились винтовочные патроны, тогда он взял у ребят пистолет. Противник рьяно отстреливался.

— Пожалуй, лучше поберечь боеприпасы, — немного погодя сказал Бомбасто, опуская пистолет.

Остальные давно пришли к этому выводу.

— Обдумаем положение, а заодно восстановим силы, —

добавил Бомбасто, подцепляя острой палочкой огромный кусок жареного мяса.

У его товарищей совсем пропал аппетит, и они не поддерживали генерала, только смотрели, как он набивает брюхо.

— Ну, придумали выход? — нетерпеливо спросил Фишер, когда Бомбасто наконец управился с мясом.

— Подождите, не торопитесь, — пробурчал Бомбасто.

Лишь после того, как он невозмутимо поджарил и съел еще один черепаший бифштекс, они услышали наконец, какой великолепный план сложился в его голове.

— Когда фронт вот так скован, надо идти в обход и наносить удар либо по флангам, либо в тыл, — важно начал генерал. — Лучше всего, конечно, атаковать одновременно оба фланга, зажать противника в клещи. Эту стратегию я и решил применить. Итак, Фишер и Чико, вы заходите, применяясь к местности, слева, пока не поравняетесь с противником, после чего поворачиваете вправо на девяносто градусов. Одновременно Суматоха и Ниссе, применяясь к местности, заходят справа и, поравнявшись с противником, поворачивают на девяносто градусов влево. Ясно? Очень важно, чтобы удары были нанесены одновременно.

Отдавая распоряжения, Бомбасто размахивал прутиком, будто маршальским жезлом, теперь он этим же прутиком начертил план боя.

— А сами вы что будете делать? — язвительно спросил Фишер.

Бомбасто чуть не обиделся на глупый вопрос Фишера, однако сдержался и с достоинством ответил:

— Я сам? Разумеется, буду руководить атакой с моего командного поста здесь за деревом. Вы должны быть благодарны, что располагаете для столь трудной задачи таким сведущим офицером.

— У меня есть лучшее предложение, — слегка улыбаясь, сказал Фишер. — Пошлем парламентаря. Уверен, тут чистое недоразумение. Эти бедняги за камнем боятся не меньше нашего.

— Мы боимся? — фыркнул Бомбасто. — Говорите за себя.

— Хорошо, скажем иначе: им так же, как и нам, не терпится утрясти это недоразумение. А так как начал перестрелку генерал Бомбасто, предлагаю доверить ему провести мирные переговоры.

На сей раз Бомбасто не на шутку возмутился:

— Ни за что! Моим девизом всегда было: «Победить или умереть». Буду сражаться дальше в одиночку.

Он подчеркнуто повернулся спиной к Фишеру и пересчитал оставшиеся патроны.

— Погодите-ка, — сказал Ниссе, который, пока они спорили, по своему почину наблюдал за полем боя. — Смотрите, кажется, противнику пришла в голову та же мысль, что ми стеру Фишеру!

Все посмотрели на камень, за которым укрылся враг. Прямо к ним оттуда шли четыре человека. Фишер хотел поспешить навстречу, но Бомбасто его удержал.

— Осторожность никогда не мешает, — сказал он. — Может быть, это военная хитрость. Так и есть, у последнего в руках оружие.

— Точно, и это Чико! — радостно воскликнул Суматоха. — Он захватил их в плен и ведет сюда.

— Ай да молодец! — подхватил Фишер. — То-то, я гляжу, он куда-то пропал.

Больше нечего было опасаться, поэтому они покинули укрытие и окружили маленькую группу. Чико был весь обвешан пистолетами, винтовками, патронташами, да еще держал по пистолету в каждой руке. Три пленника были страшно худые и грязные. На Чико посыпались вопросы, как он ухитрился их одолеть.

— Это было совсем просто, — скромно ответил юный индеец. — Я спрятался под черепаший панцирь и медленно пополз через траву. И покачивался, как настоящая черепаха. Сделал большую дугу и оказался у них за спиной. Потом на правил на них пистолет и велел бросать оружие. На всякий случай я не вылезал из-под панциря, пока они не послушались.

— Ты самым похвальным образом осуществил мою стратегию. — Бомбасто милостиво кивнул. — В награду получишь медаль за храбрость. Первой степени. Как только я опять стану президентом.

— А можно мне вместо медали рубашку получить, чтобы я в воскресенье мог ходить на главную площадь? — попросил Чико. — У меня недавно украли рубашку. И потом, куда я повешу медаль без рубашки?

— Рубашку получишь сейчас, — снисходительно сказал Бомбасто. — Не совсем чистую, может быть, но если ты ее постираешь, на первое время сойдет.

И он тут же велел пленному в самой приличной рубашке снять ее и отдать Чико.

— Как я и думал! — воскликнул Бомбасто, увидев на спине пленного выжженный номер. — Знаете, что означают эти цифры? Перед нами каторжник. Очевидно, бежал с Сан-Кристораля вместе с этими двумя голубчиками.

Он приказал остальным пленным обнажить спину и убедился, что у них тоже выжжены номера.

— Все ясно, — заключил Бомбасто. — Сейчас мы их расстреляем.

— Ни в коем случае, — возразил Фишер. — Даже если они хотели нас ограбить, а это еще не доказано, все равно нельзя их просто взять и расстрелять. Я отказываюсь участвовать в таком беззаконии. И я уверен, ребята, вы меня поддержите.

Бомбасто побагровел от гнева. Однако увидев, что ребята заодно с Фишером, он смирился и махнул рукой:

— Тихо, тихо, не будем ссориться из-за такого вздора! Что правда, то правда, нам они не сделали ничего плохого.

Повернувшись к пленникам, он продолжал по-испански:

— Любой другой офицер, схвати он вас на месте преступления, сами понимаете, немедленно покарал бы негодяев. Но у меня мягкое сердце, и я решил вас помиловать. На всякий случай оставляю ваше оружие себе. А теперь ноги

— Я сделал большую дугу и оказался у них за спиной. Потом направил на них пистолет и велел бросать оружие.

в руки и убирайтесь, пока я не передумал! Нет, по стойте. .. На тот случай, если вы меня не узнали, запомните: вашего благодетеля зовут генерал Бомбасто. Может быть, вам захочется ответить мне добром, когда начнется переворот и мне понадобятся меткие стрелки, готовые постоять за свободу. Пока!

Не говоря ни слова, три беглеца скрылись между деревьями. Бомбасто, очень довольный, навесил на себя их оружие и сказал:

— К сожалению, тяжелый груз не позволяет мне участвовать в дальнейших вылазках. Вот мое предложение: я останусь здесь охранять мясо, а вы подниметесь на вершину и осмотрите окрестность.

Как ни странно, Фишер согласился с таким разделением труда, и ребята безропотно пошли за ним.

— Ловко этот Бомбасто устраивается, — тяжело дыша, проговорил Суматоха, когда они полезли вверх по крутой осыпи.

— Он еще ловчей, чем ты думаешь, — сказал, отдуваясь, Ниссе.

В отличие от Суматохи, он понял великодушную речь, с которой Бомбасто обратился к пленникам, но объяснять не стал — слишком трудно было подниматься. Полчаса они карабкались на четвереньках и огибали опасные выступы, наконец ступили на вершину. На севере и на западе они увидели большие острова.

— Так я и думал, — обрадовался Фишер. — Мы на Эспаньоле. Вон там, на западе, — Флореана, а прямо на север — Сан-Кристоваль, с маленьким городом Прогресс. Доберемся туда, и можете связаться по радиотелефону с домом. Если посчастливится, застанем судно, которое сразу отвезет вас в Гваякиль. А то и самолет за вами вышлют. Так что давайте вернемся на плот и будем ждать попутного ветра. Еще несколько румбов к югу, и можно рискнуть. Что с тобой, Суматоха?

Пока Фишер говорил, Суматоха смотрел в прямо проти-

воположную сторону. И то, что он увидел, заставило его разинуть рот и вытаращить глаза. Наконец он вымолвил через силу:

— Плот...

Фишер, Ниссе и Чико перевели взгляд на маленький залив, где был причален плот. Несмотря на расстояние, они сразу различили на нем три фигуры.

— Бьюсь об заклад, это те самые беглые каторжники, они задумали угнать наш плот! — крикнул Фишер. — Хорошо, что нам под горку. Скорей туда!

И они помчались вниз, то бегом, то кувырком, сталкиваясь то друг с другом, то с камнями. Ух ты, как они бежали! Бомбасто все еще уписывал жареное мясо, когда они, топая не хуже стада одичавших коров, поравнялись с ним.

— Говорил же я, надо было пристрелить этих негодяев! — укоризненно сказал он, когда услышал, что случи лось.

Он так набил брюхо, что с трудом поднялся на ноги. И пока собирал оружие и патронташи, Фишер с ребятами уже очутились в той самой теснине, где их чуть не затоптало стадо. Первым на берег выскочил Чико, всего на несколько шагов отстали от него Суматоха и Ниссе. Когда ребята увидели, что беглецы успели отчалить и рьяно гребут досками, они так вспыхнули, что недолго думая открыли огонь. А так как на плоту негде было укрыться от пуль, преступники поспешили прыгнуть в воду и поплыли к мысу.

— Пусть уплывают, бедняги, — сказал Суматоха, пряча свой пистолет в кобуру. — Они нам больше не страшны.

Опасаясь за свою жизнь, беглецы то и дело меняли направление, даже подолгу плыли под водой. Наконец они исчезли за скалистым мысом. Между тем плот все дальше относил в море.

— Надо что-то решать, и решать быстро, — вымолвил взмокший от бега Фишер. — Попробуем догнать плот вплавь или будем ждать здесь, на острове, пока нас спасут?

— Нам надо скорее домой, — сказал Ниссе.

— Значит, плывем за плотом, — заключил Суматоха.

— Ладно. — Фишер снял с себя патронташ. — Оружие нам больше не нужно. Бросим его в море, чтобы каторжникам не досталось.

Они тотчас выполнили совет Фишера и прыгнули в воду. Однако, вынырнув, ребята увидели, что Чико остался на берегу. Они крикнули ему, чтобы он не медлил.

— Я жду Бомбасто, — спокойно ответил юный индеец.

— К черту Бомбасто, пусть сам на себя пеняет! — рявкнул Фишер.

Но Чико только покачал головой и не двинулся с места. Как ни беспокоились Фишер и ребята за Чико, ждать они не могли. До плота было метров двести по холодной воде, и они совсем вымотались, пока настигли его. Ветер был слабый, но, судя по тому, как быстро плот удалялся от острова, его явно подхватило сильное течение.

— Хоть бы Бомбасто скорей появился, — тревожно произнес Суматоха, в десятый раз измеряя взглядом расстояние до берега.

Они уже потеряли всякую надежду, когда наконец показался Бомбасто. Но, вместо того чтобы живо сбросить оружие и прыгнуть в воду, он затеял какой-то разговор с Чико. Фишер и ребята не могли расслышать, о чем они там толкуют, и еще больше рассердились. Но и это было не все. Закончив свою беседу, Бомбасто и Чико забегали среди тюленей и пингвинов, что-то разыскивая на берегу. Оказалось, им было нужно бревно. Они осторожно положили его на воду, ухватились за него и так же осторожно отчалили.

Поначалу все шло хорошо, но когда они одолели половину расстояния до плота, он, видимо, прибавил ходу, потому что как ни работали оба пловца ногами, им больше не удавалось сократить расстояние.

— Бросьте бревно, дурни, плывите так, быстрее будет! — кричал Фишер.

Но Бомбасто и Чико словно не слышали его.

— Что за глупость — рисковать жизнью из-за каких-то дурацких винтовок! — возмущался Фишер.

Суматоха и Ниссе были с ним согласны. Но ведь так можно потерять две пятых команды! Необходимо принять срочные меры. И, выждав еще две-три минуты, они решительно прыгнули с плота в воду.

— Бросайте бревно! — выпалил Суматоха, когда они с Ниссе, достигли цели.

И он навалился на один конец бревна, чтобы Бомбасто и Чико съехали в воду.

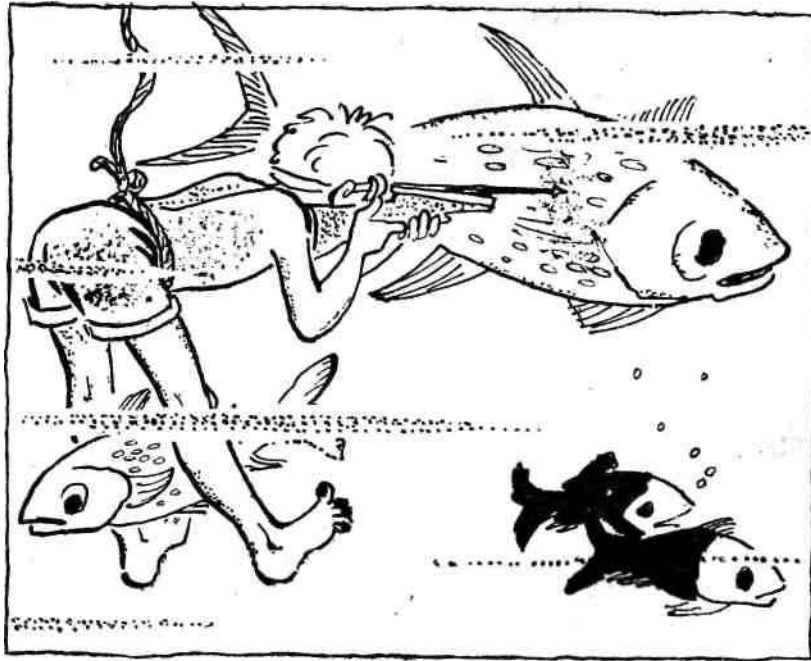
— Стой, стой, Чико говорит, что не умеет плавать! — кричал Ниссе.

Это в корне все меняло.

Разве можно оставить в беде славного Чико, который недавно спас им жизнь. Ребята уперлись руками в бревно и что было мочи заработали ногами. Бомбасто честно трудился вместе со всеми, однако наотрез отказался расстаться с оружием, и они махнули на него рукой.

Дело шло туго, но все-таки расстояние до плота сокращалось. Последние пятьдесят метров были всего труднее, и если бы им не помог Фишер, они бы не справились.

Торжествующе улыбаясь, Бомбасто забросил на плот свои винтовки и пистолеты, потом вскарабкался сам и сразу, даже не снимая мокрой одежды, принялся чистить и протирать оружие. Ребята втащили на палубу тяжелое бревно, взяли ножи и наколоди побольше щепок. Они здорово прозябли после холодного купания и мечтали погреться у огонька.

Четвертая глава

ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛ «КОН-ТИКИ»

Вовремя они добрались до плота! Сразу после этого ветер посвежел, и хотя они шли без паруса, его отчасти заменяла каюта, и плот сразу прибавил ходу.

Ветер дул почти строго с востока, так что лежащий далеко на севере Сан-Кристобаль отпадал. Зато на западе, на фоне полетному синего неба, четко выделялся большой высокий остров. Все вопросительно посмотрели на Фишера: ведь он один знал Галапагос.

— Это Исабелла, самый крупный остров архипелага, —

объяснил американец. — Шестьдесят английских миль в длину, это будет целых сто километров.

— И он, наверно, обитаем, я вижу дым во многих местах! — воскликнул Суматоха.

Фишер покачал головой.

— Дым идет из пяти вулканов острова, а единственные его обитатели — одичавшие коровы, свиньи и козы. Иногда туда добираются беглые каторжники. Да вы не пугайтесь, извержения бывают редко, и они совсем безопасные. Так что предлагаю попробовать высадиться на Исабелле... Второй раз мы не совершим такой промах. Высадимся, спокойно подождем, и через несколько дней подойдут спасатели с Сан-Кристобалья. Мой друг с морозильни и эквадорские власти, наверно, уже разыскивают меня. А если мне удастся починить радиостанцию, нам и вовсе не придется ждать.

Все согласились, что Фишер предлагает дело. И плотогонцы снова подняли маленький парус, чтобы еще увеличить скорость. Они прошли только половину пути до Исабеллы, когда стемнело. Но ветер дул с прежней силой, а зарево над вулканами подтверждало, что курс верный. Все пятеро так волновались, что не могли уснуть. Поминутно кто-нибудь влезал на крышу каюты или на мачту; им казалось, что оттуда лучше видно. До острова было рукой подать, когда из моря на востоке вынырнуло солнце. Но радость мореплавателей быстро сменилась разочарованием. Перед ними вздымались крутые утесы, нигде не было видно ни залива, ни хотя бы расщелины. У самых скал, где с ревом и грохотом разбивался прибой, бурлящие гребни взлетали выше плота. Если затянет — конец...

— Только одно нас может спасти: мы должны убрать парус и грести что есть мочи! — крикнул Фишер.

Пока ребята снимали парус, Бомбасто и Фишер собрали доски, которые заменяли каторжникам весла, и еще две выломали из палубы. Затем все пятеро взяли по доске, заняли места вдоль борта на носу — Бомбасто и Фишер слева, ребята справа — и начали грести. Сидеть было неловко,

доску держать неудобно, ломило спину, болели ноги... Бомбасто предложил грести в лад, и они заработали веслами по его команде: раз-два, раз-два...

Сперва и в самом деле стало легче, но постепенно усталость взяла верх, гребцы всё чаще стали сбиваться. Тогда Бомбасто придумал новое средство: подбодрил приунывших товарищей такой лихой руганью, словно они были туповатые новобранцы, а он — речистый и вспыльчивый сержант. От смеха Суматоха забыл про боль и усталость — что и требовалось. Еще лучше подействовало это средство на Фишера и Ниссе. По-настоящему обижаясь на меткие прозвища и бранные слова, они давали выход своей ярости, налегая на весла. Впрочем, Суматоха тоже здорово рассердился, когда увидел, что сам Бомбасто бессовестно отлынивает. И только невозмутимый Чико все время греб ровно и сильно.

Когда они совсем были готовы сдаться, Бомбасто придумал новую хитрость. Теперь он с жаром воскликнул, что спасение близко: еще немного, еще каких-нибудь пять минут, и они пройдут последнюю скалу. Лишь обнаружив, что у Бомбасто нет часов и он по-прежнему больше делает вид, чем гребет, остальные — будь что будет! — тяжело дыша, повалились на палубу. Однако они недаром потрудились, и пятнадцатиминутный спурт сделал свое — плот был вне опасности.

Никто из плотогонов не знал, сколько они пролежали в полузабытьи, но когда они наконец отдышались и пришли в себя, Исабелла осталась за кормой далеко на востоке.

Чико первым встал, сходил за бурдюком с водой и даже сыграл на флейте веселую песенку, чтобы ободрить товарищей.

— Да, еще бы чуть-чуть, и... — Ниссе посмотрел на остров и скроил рожу.

Суматоха, как всегда, был оптимистом:

— Ничего, в следующий раз нам больше повезет. Третья попытка всегда решающая.

— Следующего раза не будет, — строго сказал Фишер. — За Исабеллой нет островов — пустое море. Наше счастье, что у нас есть радиостанция. Пусть я провожусь с ней день или два, но не будь я Фиш Фишер, если не налажу ее! По ложитесь на меня. Сейчас нас несет строго на запад, скорость дрейфа рассчитать легко. Так что мы сможем до вольно точно указать нашу позицию, когда свяжемся с Сан-Кристобалем. Им только знать, где мы, и они быстро нар подберут.

Не сомневаясь в успехе, Фишер принес радиостанцию и тут же начал ее разбирать. Хотя Бомбасто, Ниссе и Суматоха не смыслили в радиотехнике, они внимательно, стараясь ничего не упустить, следили за его работой. Один Чико не присоединился к ним; он прилежно колол дрова и чистил кукурузу. Сняв заднюю крышку, Фишер вздрогнул и нагнулся над аппаратом. Долго и сосредоточенно он изучал схему, затем обвел взглядом Бомбасто и ребят и, вместо того чтобы сразу объяснить, в чем дело, задал им никчемный вопрос:

— Знаете, что случилось?

Естественно, они этого не знали.

— Лампы разбиты пулей. Кто-то из вас, ребята, попал в передатчик, когда стрелял по каторжникам. Видите, вот на передней стенке дыра, я ее сразу и не заметил.

Бомбасто посмотрел сперва на пробоину, потом на Суматоху и Ниссе и строго сказал:

— Кто вас растил, ребята? Так промахнуться! В вашем возрасте я с двухсот метров одним выстрелом укладывал человека наповал.

Они попробовали утешить друг друга тем, что плот не так уж быстро относит от острова, их все равно найдут. Но говорилось это без особой уверенности, словно они уже и не верили, что их вообще ищут. Обед, приготовленный Чико, не развеял мрачного настроения. Немного кукурузы на дне кастрюли... Чико долго извинялся, хотя его никак нельзя было винить в том, что не осталось сушеного мяса.

Каждый старался подольше растянуть свою крошечную порцию, ел буквально по зернышку.

Так или иначе, плотгоны заморили червячка. К тому же накануне они съели столько черепашьего мяса, что не успели по-настоящему оголодать. Но все мышцы до сих пор ныли после усиленной гребли, поэтому они решили, что надо хорошенько отдохнуть. Кто лег в каюте, кто на палубе В ее тени, однако сперва бросили жребий, кому когда нести вахту. Все были согласны, что нужно дежурить круглые сутки, без этого о спасении нечего и мечтать. На беду, пропал фонарик. То ли его прихватил кто-нибудь из каторжников, то ли они его сами уронили за борт в разгар поединка с прибором. Правда, дров было вдоволь благодаря бревну Чико и Бомбасто. Условились наколоть побольше щепок и сложить их возле бочки на палубе, чтобы, как только покажется какое-нибудь судно, сразу разжечь костер. А если это будет днем, можно плеснуть на огонь воды, и получится огромный столб дыма. Бомбасто, кроме того, предложил, чтобы вахтенный всегда был вооружен, — сможет, когда понадобится, произвести сигнальные выстрелы.

Ночь прошла без происшествий, и только громкий храп товарищей помогал вахтенному не уснуть. Утром все проснулись бодрые и безумно голодные.

— Давай, Чико, готовь завтрак, — распорядился Бомбасто.

— Сперва проверим все наши запасы, — предложил Фишер.

— Уже сделано, — отозвался Суматоха, на долю которого выпала первая утренняя вахта. — Вот наш провиант, с точностью до грамма: сушеного мяса — ноль килограммов, кукурузы — ноль килограммов. Если хотите, могу и дальше перечислять, чего нет. Например, жареных сосисок, яичницы-глазуньи, бутербродов с сыром...

— Кончай говорить про еду, — простонал Ниссе, зажимая уши.

— А с водой как? — спросил Фишер.

— Дня на два хватит, если беречь.

Тем временем Бомбасто встал и вытащил один из своих пистолетов. Подходя к двери, он с победной улыбкой заметил:

— Ваше счастье, что на борту есть приличный стрелок, который настоял на своем и захватил оружие.

И генерал вышел на палубу, чтобы высматривать птиц. Последовав за ним, Фишер и ребята тоже устремили в воздух алчные взгляды. Суматоха даже влез на мачту. Но проходили часы, а птицы не показывались. Должно быть, их отпугнули серный дым и зарево над вулканами Исабеллы.

— Эх, если бы я догадался взять хоть одну удочку, когда мы столкнулись! Теперь наловил бы вам сколько угодно рыбы, — вздохнул Фишер. — Это же самые рыбные места во всем мире.

— У меня есть удочка, я ее сделал, когда мы еще только подходили к Галапагосу, — сказал Суматоха. — Но от нее никакого толка, все равно наживить нечем.

Фишер резко выпрямился:

— Что же ты раньше не сказал! Есть уйма рыб, которых можно ловить без наживки.

Суматоха не очень-то в это верил, однако поспешил достать свою самодельную удочку с крючком из гвоздя.

— Отличная работа, — похвалил Фишер. — А пары белых перышек не найдется? Два белых пера на крючок, и ручаюсь, что сразу клюнет тунец.

— Знать бы раньше, у нас было столько пеликаньих перьев, — посетовал Суматоха.

— Может, еще остались между бревен на корме, где мы оципывали птицу, — сказал Чико.

Они в два счета очутились на корме и стали на четвереньки. Но поиски были напрасны, волны давно всё смыли. На всякий случай ребята осмотрели палубу вокруг каюты и на носу, все коленки стерли и ничего не нашли. Может быть, годится что-нибудь другое, похожее на перья? Как и следовало ожидать, выход придумал Суматоха.

— Поглядите на Бомбасто, — призвал он остальных. Они послушались, хотя не понимали, что он подразумевает. Бомбасто сердито отвернулся.

— Отлично, теперь еще лучше видно! — воскликнул Суматоха.

— Что видно? — не выдержал Ниссе.

— Седые локоны у него на затылке. Честное слово, они вполне сойдут за перья.

Выдумка Суматохи всем показалась блестящей. Всем, кроме Бомбасто, который заявил, что ему каждая волосинка дорога — слишком их мало осталось. Но Суматоха так красноречиво описал, какие чудные рыбные филе его ожидают, что он смягчился и пожертвовал один локон. Впрочем, недоверие генерала к столь необычным способам рыбной ловли не развеялось, и когда Фишер с ребятами поспешили с удочкой на корму, он остался сидеть на носу, высматривая птиц.

Только крючок с небывалой приманкой погрузился в воду, как леска натянулась и начала разматываться, да так быстро, что руки обжигала.

— Приормаживайте немного, но пока рыбу не тяните, — посоветовал Фишер.

Совет был хороший, однако выполнить его не удалось. Леска была коротка, она вдруг дернулась, потом сразу ослабла. Когда ее выбрали, оказалось, что она лопнула посередине.

— Тут нужна снасть покрепче, — сказал Фишер и сходил за швартовым линем.

— Вот этот должен выдержать, даже если мы побьем мировой рекорд. Самый большой тунец, какого поймали до сих пор, весил девятьсот двадцать семь фунтов. Небось вы этого не знали?

Тем временем Суматоха выдернул из столба каюты трехдюймовый гвоздь и согнул его с помощью Ниссе и Чико. Осталось уговорить Бомбасто поступиться еще одним седым локоном.

— С вами совсем облысеешь, — заныл он, когда Суматоха атаковал его все теми же красноречивыми доводами.

С кислым лицом он еще и еще раз обвел взглядом пустынное небо и в конце концов уступил. Опять рыба клюнула почти сразу и, можно сказать, к сожалению: она была такой крупной и сильной, что первым рывком чуть не сдернула рыбаков в воду. Упираясь ногами в перекладыны, они медленно подтянули рыбину к плоту. Но втащить ее, на палубу им оказалось невмочь.

— Придется резать линь! — простонал Фишер.

Взяв нож, Суматоха лег на живот и перерезал лесу возле огромной пасти с рядами острейших зубов.

— Главное, линь сохранили, — заключил Фишер. — А рыбы тут хватит. Попробуем снова, только сделаем крючок поменьше.

Пришлось чуть не силой добывать у Бомбасто еще один седой локон. Но вот новый крючок изготовлен и заброшен в воду. На этот раз им больше повезло — клюнула не слишком крупная рыба. Фунтов на пятьдесят, решил Фишер. Он уверял, что по сопротивлению рыбы может определить ее вес с точностью до нескольких фунтов. Они уже выбрали половину лесы, вдруг она резко ослабла.

Рыболовы решили, что добыча опять сорвалась, но, когда вытянули всю лесу, увидели на крючке голову тунца. Увы, только голову, остальное сожрала акула...

Усевшись в круг около рыбьей головы, помрачневшие плотогоны устроили совет.

— Это что-то новое для меня, — задумчиво произнес Фишер. — До сих пор я всегда стремился поймать самую крупную рыбу. А теперь мы должны избегать крупных! Но с такой удочкой ничего не сделаешь. Надо применить другой способ. Самое лучшее — нырять и вручную бить подходящую нам рыбу. Но чем ее бить?

— Деревянным копьём! — воскликнул Суматоха. — Снимем с крыши одну перекладину и сделаем копьё, очень Просто. Полинезийцы здорово бьют копьями рыбу. Ныр-

нут — и рукой вот так! Да я знаю все их приемы, положитесь на меня...

— Полагаемся, — перебил его Фишер. — Но ты забываешь: чтобы видеть под водой, нужны плотно прилегающие очки или маска.

Что верно, то верно... Долго все молчали, вдруг Суматоха щелкнул пальцами и юркнул в каюту. Он вышел оттуда с круглым зеркалом Чико в руке и, посвистывая, принялся соскребать с него амальгаму перочинным ножом. Чико слегка опешил, но Фишер и Ниссе одобритительно кивнули.

— Ну что, годится для маски? — спросил Суматоха, гордо подняв в руке прозрачное стекло. — Дело за оправой, а ее мы как-нибудь вместе выстругаем из дерева.

Все похвалили Суматоху за находчивость. Общими усилиями удалось смастерить не только оправу, но и несколько копий. Они долго ломали голову, как вставить в оправу стекло, чтобы не было течи. Эту задачу решил Фишер, достав из кармана жевательную резинку. Разжеванная резинка оказалась лучше любой замазки. Наконец Суматоха выдернул из стены бамбуковый прут и отрезал от него кусок для дыхательной трубки. Не хватало лишь ластов. Но без резины и заменяющих ее материалов их нельзя было сделать. Ничего, в крайнем случае обойдется без ластов. Конечно, он будет плавать не так быстро, но это не страшно, вон сколько тут рыбы!..

На все эти дела ушло немало времени, и когда водолазное снаряжение было готово и испытано, уже наступила ночь. Волей-неволей пришлось отложить подводный лов до следующего дня.

Все плохо спали: очень уж есть хотелось. И как только выглянуло солнце, плотогонны были на ногах. Бомбасто по-прежнему больше полагался на свое оружие, чем на самодельные снасти Суматохи, и опять занял место на носу плота, чтобы высматривать птиц. Зато Фишеру не терпелось поскорее приступить к рыбной ловле. Он справедливо заметил, что, учитывая его опыт, ему следовало бы поручить

поимку первой рыбы. Но Суматоха считал, что раз он смастерил гарпун и маску, это право принадлежит ему. И он так строго поглядел на Фишера, что тот уступил.

Птицы не показывались, ничто не отвлекало Бомбасто от его размышлений и он решил изложить Суматохе, до чего додумался, как раз когда тот, взяв свое немудреное копье, приготовился прыгнуть в воду.

— С таким снарядам ты ничего не добудешь, парень, — заявил он. — Тем более, что ты еще и целиться не научился. Послушай лучше, что я предложу. Здесь рыба то и дело подходит к самой поверхности, ее ничего не стоит подстрелить. Тебе останется только живо прыгнуть в воду и схватить подстреленную добычу, пока ее не снесло.

И, чтобы все могли убедиться, как здорово он придумал, Бомбасто тут же подошел к краю плота и прицелился в темное пятно, до которого было метров двадцать.

— Нырять за Подстреленной рыбой слишком рискованно и трудно, — возразил Фишер. — Дело в том...

Его перебил выстрел. Фишер немного подождал и закончил свою мысль:

— Дело в том, что она сразу тонет, как вы это только что сами видели.

Тем не менее неудачный выстрел Бомбасто подсказал Суматохе новую идею. А что, если все-таки использовать его винтовку. Взять да переделать ее на подводное ружье!

Услышав про этот замысел, Бомбасто закричал, что не согласен, винтовка нужна ему для охоты на птиц и чтобы защищать команду от бандитов. В ответ на это Фишер, которому идея Суматохи безумно понравилась, с неумолимой логикой напомнил, что:

1. Птиц нет.
2. Бандитов нет.
3. И тех и других вполне можно стрелять из трех пистолетов, которые есть у Бомбасто.

И протест генерала был отклонен четырьмя голосами против одного.

Вместе Фишер и Суматоха сняли с винтовки казенную часть и смастерили деревянные стрелы. И тут вдруг обоих осенила удручающая мысль. Они молча глядели друг на друга с глупым видом. С некоторым опозданием до них дошла простая истина, что без тугого резинового шнура не выпустишь стрелу в цель, а шнура, естественно, никто не припас. Однако недаром говорят: нужда научит. Снова — и опять с великой неохотой — их выручил генерал Бомбасто. Он сам нечаянно подсказал им выход, когда принялся рассеянно щелкать подтяжками — дурная привычка, которая означала, что генерал не в духе. Если непременно нужно придавать какое-то значение привычкам.

— Подтяжки Бомбасто! — выпалил Фишер.

— Вполне заменят нам резиновый шнур, — договорил за него Суматоха.

С предельной учтивостью они попросили у Бомбасто его подтяжки. Генерал так возмутился, что начал заикаться. Переговоры грозили затянуться, но Бомбасто вдруг сорвал с себя подтяжки и исчез в каюте, ворча себе что-то под нос и придерживая штаны.

Приладить подтяжки к необычному подводному ружью было минутным делом. Выстрелив для пробы несколько раз в стену каюты и убедившись, что конструкция работает, Суматоха сел на край плота, свесил ноги в воду и попросил Ниссе помочь ему привязать маску.

— Разве ты не боишься акул? — удивился Ниссе, припомнив вчерашнего тунца, от которого осталась одна голова.

— Акул? Да это самые трусливые твари на свете, — презрительно фыркнул Суматоха. — Я сколько раз плавал среди акул. Достаточно замахнуть рукой, и они наутек!

— Это верно, — подтвердил Фишер. — Акулы редко нападают на человека, причем только в тех случаях, когда в воде есть кровь или какие-нибудь объедки. Да и то они кусают человека скорее по ошибке.

— Сожрет тебя акула, потом утешайся, что она ошиблась, — протянул Ниссе.

Тем не менее Суматоха невозмутимо лег на живот и соскользнул в воду.

— Постой! — окликнул его Фишер. — На всякий случай не мешает обвязаться веревкой.

И он принес лить, который они перед тем использовали для удочки.

— Зачем мне спасательная веревка? Плот идет тише, чем я плаваю, — возразил Суматоха.

— Не зарекайся, нас несет быстрее, чем ты думаешь. Ты не видишь течений, вот и думаешь, что нечего бояться, а они подчас очень коварны.

И хотя Суматоха ворчал, что только запутается в этой веревке, пришлось ему плавать на привязи. Гораздо больше понравилось ему другое предложение Фишера: привязать один конец проволоки к стреле, другой к мачте, — все равно антенна не нужна. Благодаря этой хитрости Фишер, Ниссе и Чико могли помочь Суматохе в самом трудном деле — вытащить добычу на плот. (Бомбасто дулся и не хотел ничего делать, ссылаясь на то, что у него обе руки заняты, он должен поддерживать штаны.)

По-прежнему вода была довольно прохладной, и Суматоха весь покрылся пупырышками. Но замечательное зрелище, которое он увидел под водой, заставило его забыть о холоде. Кругом, сколько хватал глаз, море кишело тунцами. Они носились взад-вперед и круто сворачивали, охотясь за рыбой поменьше, которая испуганно бросалась наутек. Эта мелюзга не уступала крупным рыбам в скорости, и ей частенько удавалось спастись. Потому-то тунцы и проявляли такую прыть.

Такие огромные рыбины, так близко и так много! Суматоха в жизни не видел ничего подобного. Выбирай, какая понравится. Высунув голову из воды, он радостно закричал друзьям на плоту:

— Скорей разводите огонь, не пройдет и минуты, как я подстрелю тунца!

— Не больно-то хвастайся, — предостерег его Ниссе.

Но эти дельные слова не дошли до Суматохи, который уже нырнул, чтобы взять на мушку упитанного тунца. В последнюю секунду тунец презрительно дернул плавниками и удалился за пределы досягаемости ружья. Суматоха осторожно пошел следом за ним. Тунец отступил еще на несколько метров. Тут у Суматохи кончился воздух, и пришлось всплыть.

— Огонь разведен, — встретил его ехидный голос Ниссе.

— Самых больших не бери, — не менее ехидно посоветовал Фишер.

Выставив из воды дыхательную трубку, Суматоха плавал возле плота. Надо же так опозориться! Нет, лучше сперва присмотреться к повадкам рыб.

Он не сомневался, что все дело в отсутствии ластов. Но если выбрать спокойно стоящую внизу рыбу и пойти прямо на нее, наверно, можно ее настичь, ведь собственный вес прибавит ему скорости. К тому же он застанет добычу врасплох, чего не сделаешь, преследуя ее по горизонтали. Суматоха вдохнул побольше воздуха и нырнул отвесно вниз. Держа ружье перед собой на вытянутой руке, он пронизал воду, будто снаряд.

Еще две-три секунды, и Суматоха поразил бы ничего не подозревающего тунца, но вдруг что-то дернуло его за пояс. Кончилась спасательная веревка... Он все равно выстрелил и промахнулся самую малость. Кипя от злости, Суматоха всплыл. На этот раз Ниссе и Фишер ничего не сказали. Первый прикрыл рот рукой, не очень тщательно пряча улыбку, а второй удивленно поднял брови.

Чтобы не видеть укоризненных лиц, Суматоха нырнул под плот и высунул дыхательную трубку между двух бревен. Оказалось, что так даже удобнее наблюдать тунцов. И он сразу заметил, что всего успешнее охотятся те из них, которые терпеливо стоят на месте, пока не усыпят бдительность жертвы, потом бросаются на нее с открытой пастью и хватают, прежде чем она успеет пошевелить плавником. «Ну-ка и я так попробую», — решил Суматоха и замер.

Вскоре к нему приблизился подходящий по величине тунец, сделал круг и, ничего не подозревая, остановился боком к охотнику, как раз на линии прицела.

Между тем Ниссе и Фишер начали волноваться. Они ведь не знали, что Суматоха дышит, просунув трубку между бревнами. И, видя, что время идет, а Суматохи все нет, они испугались за него и потянули веревку. Как назло, они надумали его спасти в ту самую минуту, когда он прицелился в тунца. Рывок потащил подводного пловца прочь от добычи, и стрела пролетела мимо цели. Последнее, что увидел Суматоха, когда сильные руки извлекли его из воды, как тунец с любопытством обнюхивает стрелу, висящую на конце антенного канатика. Негодуя, он объяснил непрошеным спасителям, что они натворили, но те только расхохотались в ответ, и он еще больше надулся.

Сердито приказав больше ему не мешать, Суматоха снова прыгнул в воду. Он попал прямо в косяк здоровенных тунцов, а они, вместо того чтобы испуганно броситься враспынную, с разинутыми пастьями ринулись к нему. Все это произошло так быстро, что Суматоха даже не успел испугаться. Вдруг перед самым носом у него очутилась целая толпа тунцов. Он осторожно попятился. Во-первых, захотелось отойти подальше от этих нахалов, во-вторых, нужно было прицелиться. Но сзади, очевидно, тоже были тунцы; что-то холодное ткнулось ему в шею, потом медленно заскользило вниз по спине. Можно подумать, что рыба ищет самое мягкое и лакомое место, куда впустить зубы.. А если это акула, которая приняла его за тунца? Дикий страх обуял Суматоху, и он закричал, забыв, что находится под водой. Естественно, он сразу захлебнулся и живо полез по веревке вверх. Голова отчаянно кружилась, а Фишер и Ниссе, помня его выговор, не тянули веревку; в итоге прошло несколько секунд, прежде чем Суматоха смог судорожно глотнуть воздуха. Увидев, как ему плохо, Фишер и Ниссе тотчас пришли на помощь и даже подержали Суматоху вниз головой, чтобы вылить из него воду.

— Вот что. .. — начал Суматоха.

Он хотел сказать: пусть теперь кто-нибудь другой попробует половить рыбу, но его перебил Фишер:

— Молодец, Суматоха! Правда, рыба все-таки велико вата. Мы еле-еле ее вытянули.

И он одобрительно похлопал его по спине. Суматоха, совершенно сбитый с толку, повернул голову и увидел на палубе у своих ног здоровенного тунца с деревянной стрелой в голове. Должно быть, он нечаянно нажал курок в ту самую секунду, когда Фишер и Ниссе выдернули его за ноги из воды. Да еще тунец оказался как раз перед дулом... Однако Суматоха не стал вслух разбирать, как могло случиться такое чудо, а только милостиво ответил довольной улыбкой на похвалу.

— Эй, парень, да у тебя на спине прилипала! — вдруг воскликнул Фишер.

— Прилипала?

— Ну да, рыба такая, она присасывается к более крупным рыбам и живет паразитом.

Он оторвал прилипалу и показал ее Суматохе. Неказистая, серая, от силы десять сантиметров в длину, на голове овальное углубление — присосок. Стыдно, конечно, испугаться такой мелюзги, но Суматоха был ей благодарен. В конечном счете, это ее заслуга, что он вовремя выстрелил. И, осторожно взяв прилипалу, он отпустил ее обратно в море.

Тем временем Фишер и Ниссе принялись чистить тунца, а Чико развел огонь в кухонной бочке. Бомбасто все еще дулся, сидя в каюте, но запах жареной рыбы, распространившийся по всему плоту, выманил его. А так как генерал не хотел показаться слабохарактерным, он сделал вид, что случайно вышел на палубу и ему ничуть не интересно, чем они заняты. Даже когда рыба изжарилась и Чико учтиво пригласил Бомбасто к столу, он заставил себя упрасивать. Но отведав чудесного тунцового филе, он уже не мог больше притворяться, жадно проглотил свою порцию и тотчас попросил добавки.

— Здорово, — сказал Ниссе. — Одна беда: от нее страшно пить хочется. Хоть бы по глотку на человека.

— Точно, — промышчал Бомбасто с полным ртом.

— Поскорее бы дождь пошел... — Суматоха с тоской поглядел на хмурое небо.

Чико, как обычно, промолчал.

— Не такое уж у нас отчаянное положение, как вы думаете, — выдержав паузу, сказал Фишер с хитринкой в глазах. — Мы можем прямо сейчас добыть освежающий напиток из тунца, если захотим.

— У него, как у галапагосской черепахи, тоже есть пузыри с водой? — поразился Суматоха.

— Нет, пузырей у него нет, тут совсем другой способ.

Лукаво усмехаясь, Фишер достал перочинный нож и наклонился над оставшейся половиной тунца. Раз, два! — он вырезал четырехугольное углубление. Остальные обступили его, сгорая от любопытства. Бомбасто даже забыл на несколько минут о еде. Ямка медленно наполнялась рыбьей кровью.

— Пейте! — повелительно сказал Фишер, когда жидкость сровнялась с краями.

Однако никто не спешил выполнить его команду. Наконец Суматоха опустил на четвереньки и медленно втянул в себя губами жидкость. У нее был солоноватый вкус, но не противный.

— Часто люди, которые попали в кораблекрушение, целыми неделями пьют одну только рыбью кровь, и она их спасает, — сообщил Фишер.

Остальные живо вырезали в рыбьем боку еще ямки и утолили жажду по примеру Суматохи.

Остаток дня плотогоны удобно устроились в тени каюты и без конца ели и пили. Правда, вечером они опять долго не могли уснуть, но теперь уже не от голода, а от обжорства. Больше всех страдал Суматоха. Остальные кое-как задремали, а ему все не спалось. И даже уснув наконец, он при каждой смене вахтенных просыпался. В конце концов

Суматохе уже хотелось, чтобы скорее наступила его вахта, и он то и дело поглядывал на светящиеся стрелки своих часов. А когда он, вздремнув, проснулся в двадцатый или тридцатый раз, то обнаружил, что его вахта давно наступила, и потихоньку выбрался на палубу, чтобы проверить, куда пропал дежуривший перед ним Бомбасто. Наверно, спит как убитый, набив свое брюхо... Небо заволокли темные тучи, но Суматоха сразу заметил знакомую фигуру. Генерал сидел, опираясь спиной о кухонную бочку, и вовсе не спал, судя по звукам, а опять ел за милую душу.

— Я подумал и решил, что не стоит тебя будить, пока с ужином не управился, — добродушно доложил Бомбасто. — Хочешь холодного тунца? Тут еще осталось два куска.

Суматоха со стоном ответил, что видеть не может тунцового филе, а хочет поскорее заступить на вахту. Не вставая с места, генерал молча передал ему пистолет и невозмутимо продолжал есть.

— Эти вахты вернули мне молодость, — неожиданно сообщил Бомбасто, отрываясь от филе; в его голосе звучала легкая печаль. — Я тогда был сержантом. . . Чудесное было время: никаких забот, никакой ответственности. Нет, слишком рано я стал президентом. Мне было всего двадцать пять лет.

— А как вы стали президентом? — заинтересовался Суматоха.

— Это вышло нечаянно. Генерал, которому я был подчинен, устроил переворот и попросил нас, военных, помочь ему захватить президентский дворец. Я был порасторопнее моих товарищей, мне удалось раньше всех проникнуть через окно и застрелить диктатора, прежде чем он успел бежать. Я стал народным героем, и меня сделали президентом. А генерала, который затеял переворот, одолела зависть, и пришлось его тоже застрелить. На всякий случай я взял себе пост верховного главнокомандующего. И сразу из сержанта превратился в генерала. После того я еще три раза был

парус и поскорее добраться до какого-нибудь солнечного полинезийского острова. Туда часто заходят торговые шхуны, они нас отвезут в цивилизованные края. Если вы непременно хотите вернуться к цивилизации. Я бы предпочел остаться...

Фишер протестующе поднял руку:

— А я за то, чтобы держаться в этих водах, пока нас не подберут спасатели. Уверен, что мой друг из Сан-Кристобаля кого-нибудь выслал на поиски. Мне надо поскорее вернуться домой. Я не могу задерживаться, дела никак не позволяют. Подходит срок возвращать заем, и самое позднее через две недели я должен быть в Чикаго, чтобы не прозевать большие заказы.

— Подумаешь, какая-то там несчастная частная коммерция, — презрительно бросил Бомбасто. — Вот у меня в самом деле беда: судьба целой страны зависит от того, вернусь я до конца месяца или нет. День переворота назначен, мне никак нельзя подводить своих приверженцев. Как без меня устроят победный парад и кто произнесет победную речь при вступлении в Кито?

А Ниссе полагал, что заслуживает сочувствия ничуть не меньше, чем Фишер и Бомбасто, и он справедливо напомнил им:

— Вам хорошо — ни школы, ни сердитого папы с ремнем.

Суматоху беспокоило только одно: говоря по радио с мамой, он так и не смог ей объяснить, где находится. Что до Чико, то он, как всегда, был доволен и весел. И это вполне понятно. Он был дома, на своем плоту, вместе со своей семьей — Фишером, Бомбасто, Суматохой и Ниссе. Юный индеец успел к ним привязаться так, словно это были его родители и братья.

По воле большинства — Фишера, Бомбасто и Ниссе — они еще несколько дней, надеясь кого-нибудь встретить, не поднимали парус. Однако стоило бросить щепочку в воду, и по ее сносу сразу было видно, что плот с каждым днем все

быстрее дрейфует через Тихий океан. Его подгоняли не только океанские течения, но и заметно окрепший пассат. Круглые сутки плотогоня не сводили глаз с горизонта, но суда не показывались.

Суматоха продолжал твердить, что они попусту теряют время, лучше поскорее плыть в Полинезию. Остальные возражали — правда, всё более вяло. И когда Суматоха в один прекрасный день вовсе не услышал ответа, он решительно взял красное шерстяное одеяло Чико и сам привязал его к рее. Никто и не подумал ему мешать — напротив, все заметно повеселели, когда парус наполнился ветром и плот прибавил ходу. Правда, вечером Ниссе отозвал Суматоху в сторонку и озабоченно спросил, далеко ли до ближайшего полинезийского острова. Дескать, в те дни, когда в классе проходили Полинезию, он прогулял, охотился за ядовитыми пауками.. . Ответ друга только удручил его. Не скрывая своей радости, Суматоха заявил:

— До Полинезии самое малое три тысячи пятьсот морских миль. Столько же, сколько от Гётеборга до Нью-Йорка. Мы идём по стопам «Кон-Тики»!

Пятая глава

ОПАСНЫЕ ГОЛОСА

Расставшись с надеждой, что их вот-вот спасет какая-нибудь экспедиция с Галапагосских островов, плотогоня сразу сбросили с себя апатию. Каждому было ясно, что впереди не одна неделя, а то и не один месяц плавания, поэтому для них же лучше наладить жизнь на плоту как можно более разумно и удобно. Особенно переменялся генерал Бомбасто; он стал таким предприимчивым, что засыпал Фишера и ребят градом непрошенных советов и никчемных распоряже-

ний. Но главная неожиданность подстерегала их, когда Бомбасто после ужина встал и произнес речь:

— Сопутественники на этом эквадорском плоту!

Как достойные преемники конкистадоров, мы выходим теперь на просторы величайшего океана мира. В том, что нас ждет впереди, мы знаем не больше, чем знали Писарро, Гамбба и другие герои, когда они четыреста лет назад начинали свои знаменитые плавания. Ведь и у нас нет никакой карты которая указывала бы нам путь. К счастью, есть лучезарное солнце, этот древнейший эквадорский символ жизни, и мы можем править по нему. Давайте же верно следовать за ним, и в один прекрасный день из лазурного моря, будто сказочное видение, возникнет райский остров.

— Вот это оратор! — с явным восхищением прошептал Ниссе, нагибаясь к Суматохе.

Суматоха ничего не ответил, но через четверть часа он, в свою очередь, наклонился к Ниссе и прошептал:

— Да, оратор редкостный. Но я бы предпочел, чтобы он говорил покороче.

Видно, Бомбасто заметил, что слушателей покидает терпение. Он заговорил быстрее и дошел наконец до главного, что его волновало:

— Храбрые спутники в этой новой одиссее!

Не теряйте надежды! Я буду вас опекать, словно отец, и позабочусь о том, чтобы вы достигли надежной гавани. Взамен я требую лишь одного — беспрекословного повиновения. Мой приказ номер один касается вахтенной службы. Двадцать четыре разделить на четыре будет шесть. Итак, каждый из вас дежурит по шести часов — три часа днем, три часа ночью. Одновременно я назначаю Чико начальником караула и трубачом. Его обязанность каждое утро и вечер трубить подъем и отбой.

— Вот негодяй, сам дежурить не собирается, — прошептал Суматоха Ниссе.

— Он будет нами командовать хуже, чем папа! — про-

стонал Ниссе так громко, что Бомбасто остановился, и все посмотрели в их сторону.

Воспользовавшись случаем, Фишер сухо спросил Бомбасто, кто его назначил командующим на плоту.

— А кому же еще быть командующим? — Бомбасто широко улыбнулся. — Ведь плот мой. Чико только что отдал его мне. Точнее, он подарил плот отечеству, которым правлю я. Или буду править вскоре.

Все удивленно повернулись к Чико, и тот подтвердил, что отдал плот Бомбасто.

— В жизни не слышал такой нелепости, — фыркнул Фишер. — Я отказываюсь подчиняться самозванному руководителю, которого никто не избирал.

Суматоха и Ниссе кивнули, соглашаясь с Фишером.

— Если каждому разрешить выбирать, будут избраны одни бездельники и лстецы, — сердито сказал Бомбасто. — Управлять должен лучший. Это всем на благо.

Фишер не остался в долгу:

— Красиво сказано. Но как узнать, кто лучший?

— В данном случае лучший тот, у кого больше опыта в руководстве другими людьми.

Не трудно было догадаться, что он подразумевает самого себя.

— У меня свое представление о том, кто здесь лучший, — едко заявил Фишер.

— У меня тоже, — чуть не в один голос сказали Суматоха и Ниссе.

Воцарилась тягостная тишина. Ее нарушил Бомбасто.

— Что же вы предлагаете взамен? — подозрительно спросил он.

— Обойтись без всяких главнокомандующих, — ответил Фишер. — До сих пор мы отлично обходились. Это совсем ни к чему. Достаточно время от времени устраивать совет. Каждый раз, когда надо что-то решать, проводим голосование и делаем, как постановит большинство.

Бомбасто боялся, что Фишер, опираясь на ребят, сам

попытается стать начальником. Но получалось, что он избавлен от постыдной необходимости кому-то подчиняться. И, поразмыслив, генерал неохотно согласился:

— Ладно, пусть будет по-вашему. Но это никудашный порядок, вы в этом скоро убедитесь. Кто из вас слышал про корабль без капитана?

— У нас не обычный корабль, и никто не нанимался до бровольно, — возразил Фишер. — Но не будем больше спорить, лучше отдохнем. В одном я согласен с генералом Бомбасто — пора разумно наладить жизнь на борту, так как впереди у нас долгое плавание. Что вы скажете насчет того, чтобы завтра утром, как только проснемся, устроить совет и всё как следует обсудить?

Все были согласны.

Когда Суматоха и Ниссе на следующее утро вышли из каюты, Фишер уже сидел на палубе и полным ходом писал что-то в своей записной книжке.

— Составляю повестку дня, — объяснил он. — Небось больше никто об этом не подумал.

Но это объяснение мало что сказало ребятам, а так как Фишер явно засел надолго, Суматоха сходил за подводным ружьем и маской и нырнул под плот за рыбой для завтрака.

Когда он наконец подстрелил рыбу и с помощью Ниссе втащил ее на плот, Бомбасто и Чико нетерпеливо ждали его. Не дав даже ребятам обсохнуть как следует, Фишер открыл совещание такими торжественными словами:

— Итак, добро пожаловать на заседание нашего совета! Первый пункт повестки дня — выборы председателя. Прошу предлагать подходящую кандидатуру.

— Фишер, — сказал Суматоха.

— Бомбасто! — крикнул Чико, боясь, как бы не обошли его кумира.

Бомбасто с досадой замахал обеими руками:

— Я ничего не смыслю в этих демократических штучках и охотно отказываюсь от такой чести.

— Остается один кандидат, — удовлетворенно заключил Фишер. — Кто за предложенную кандидатуру?

Суматоха и Ниссе живо подняли руки, Бомбасто лишь пожал плечами. Фишер истолковал этот жест как согласие, и Чико тоже, судя по тому, что он поспешил поднять вверх руку.

— Фишер избран единогласно, — сказал Фишер и записал это в протокол. — Ниссе, дай, пожалуйста, полено. Оно будет пока служить председательским молотком... Спасибо.

А так как Фишер отлично справлялся и с секретарской должностью, было решено подавляющим большинством, чтобы он и впредь вел протокол.

— Ну вот, теперь можно приступить к делу, — объявил Фишер, ударив молотком и зафиксировав в протоколе новую победу.

— Давно пора, — заметил Бомбасто.

— Просите слова, если хотите что-то сказать, — предупредил его Фишер.

— Я уже взял слово без спроса и буду говорить ровно столько, сколько мне надо. Я считаю, что мы прежде всего обязаны дать плоту имя.

В самом деле, никто не подумал об этой важной детали. И все единодушно поддержали Бомбасто.

— Раз плот ваш, вы и предлагайте имя, — язвительно сказал Фишер. — Полагаю, оно у вас давно придумано.

— Точно. Кстати, имя само напрашивается — «Экваториана».

Ребята закричали «браво!», Фишер внес в протокол название плота и приветственные возгласы.

Дальше совет перестал интересовать Бомбасто. Зато Фишер был в ударе и произнес небольшую речь:

— Итак, мы подошли наконец к главному вопросу повестки дня, а именно — как лучше устроить жизнь и работу на плоту. Надеюсь, все со мной согласны, что надо и впредь дежурить круглые сутки. К числу постоянных дел относятся также ловля рыбы и приготовление пищи. Вероятно, вы со-

гласитесь, что все без исключения (эти три слова председатель произнес особенно громко и пристально поглядел на Бомбасто) готовы выполнять свой долг. Я составлю расписание, чтобы у каждого труд равномерно чередовался с отдыхом. Конечно, мы сделаем небольшое исключение для Чико, освободим его от рыбной ловли, так как он не умеет плавать. Зато Суматоха, наверно, готов лишний раз половить рыбу, вместо того чтобы стряпать. Да и я тоже. Кто хочет что-нибудь добавить или возразить?

— Я хочу, — всем на удивление объявил Чико. — Я буду стряпать и делать любую работу во все будние дни, только освободите меня в воскресенье. В воскресенье работать грех.

— Это можно, — пошел ему навстречу Фишер. — Конечно, так будет труднее справедливо распределить работу. К счастью, я давно привык составлять сложные графики. Что скажут остальные?

Все кивками подтвердили свое согласие. Даже Бомбасто, который во время речи Фишера делал вид, будто высматривает птиц. Удар молотка подтвердил, что решение принято. Он еще не отзвучал, а Бомбасто уже был на ногах.

— Погодите, заседание не окончено! — строго воскликнул Фишер. — Есть еще одно важное дело — наш стол.

На лице у каждого был написан вопрос. Фишер нарочно дождался, когда Бомбасто опять сядет, и продолжал:

— Да-да, наш стол, А точнее, беда в том, что в дальнейшем мы не сможем так часто готовить рыбу. Подумайте сами, и вы согласитесь, что наших дров не хватит навечно. Значит, рано или поздно придется есть сырую рыбу. .. Да вы не пугайтесь! Сырая рыба очень вкусная — во всяком случае, тунец. Вы попробуйте.

Он достал ножик и вырезал несколько кусков из спины тунца, выловленного Суматохой как раз перед началом заседания. Оказалось, что главное — управиться с первым куском. У темно-красного мяса был свежий привкус морской воды, который им даже понравился.

Один Бомбасто твердил, что он в рот не возьмет сырую

рыбу — слишком противно. Откуда он это взял, если еще никогда и не пробовал? Но генерал не захотел ничего объяснять. И вид у него был такой сердитый, что ребята не решились допытываться.

— Если будем есть жареную рыбу через день, дров хватит еще недели на две, — примирительно произнес Фишер. — А за это время мы привыкнем к новой диете.

Но Бомбасто не хотел с этим мириться и презрительно отпарировал:

— Вот что значит торгаш — экономит и скаредничает без всякой нужды. У нас на борту куча топлива, его можно использовать, когда кончится бревно. Между прочим, если вы помните, это я его раздобыл, когда мы уходили с Эспаньолы. К тому же, я уверен, в море найдется вдоволь плавника. Надо только больше полагаться на судьбу и поменьше трусить.

Фишер вспыхнул от гнева и уже хотел высказать свое (далеко не лестное) мнение о Бомбасто, но разговор о дровах напомнил ему, что председательский молоток как-никак лучшее оружие в борьбе против генерала. И, взяв свою дубинку в руки, он потребовал провести голосование. Чико не уловил, о чем идет речь, и машинально проголосовал против, потому что так поступил Бомбасто. Но Суматохе и Ниссе слова Фишера показали очень мудрыми. И предложение председателя было принято тремя голосами против двух. Победным ударом председательского молотка Фишер завершил первое заседание совета.

Однако Бомбасто не был сокрушен. Он оказался куда хитрее и коварнее, чем думали Фишер и ребята. Генерал заявил, что из-за их дурацкой выдумки будет есть только через день, а именно — когда будет жареная рыба. Ни Фишер, ни ребята не видели причин мешать ему осуществить столь героическое решение, и они ограничились тем, что подтолкнули друг друга в бок и обменялись выразительными взглядами. Но когда Бомбасто за обедом преспокойно начал откладывать себе жареное тунцовое филе в запас на сле-

дующий день — день сырой рыбы, — они, конечно, возмутились. Однако у Бомбасто был приготовлен отличный ответ:

— Если вы не дадите мне откладывать рыбу в запас, я съем все сразу. У меня большой живот, места много. Мне все равно, где хранить пищу, итог будет один и тот же.

Фишеру пришлось в голову ввести норму на жареную рыбу, каждый раз давать строго определенную порцию. Но тут даже ребята сказали, что это чересчур. Тем более, что в рыбе нехватки не было и они на этом почти ничего не выигрывали. (А в душе они еще побаивались, что Фишер, отмеряя паек, даст волю своей скупости.) И ведь все равно Бомбасто рано или поздно придется капитулировать. Кончатся дрова, и он поневоле согласится есть сырую рыбу, чтобы не умереть с голоду.

Прошло две недели. Встречных судов не было. Медленно, но верно плот «Экваториана» шел через Тихий океан. Ветвь рожденного Антарктикой холодного течения, в которую они попали, все больше смешивалась с теплыми водами и прогревалась тропическим солнцем, и цвет моря постепенно от тусклого, серо-зеленого переходил в мерцающий ярко-синий. В это время появились другие рыбы и внесли приятное разнообразие в их стол, который доселе состоял только из жареного и сырого тунца. Новым блюдом стали летучие рыбы, выскакивавшие из воды будто стрелы, выпущенные из подводного ружья неким морским божеством. Размером и видом они напоминали сельдь, но, в отличие от сельди, расправляли плавники и летели по воздуху, словно планер. Высота полета была небольшая, всего метр-другой над поверхностью моря, зато дальность вполне приличная — подчас свыше ста метров.

— Смотри, как разыгрались! — воскликнул однажды Суматоха, провожая восхищенным взглядом стайку летучих рыб, которая легко и изящно пронеслась мимо плота.

— Да, совсем как ласточки весной, — сказал Фишер. — Но ты ошибаешься, если думаешь, что они летают для за-

бавы или чтобы поразмяться. Летучие рыбки спасаются в воздухе от хищников. А конец обычно тот же, что у людей, которые в бегстве ищут спасения от своих проблем... Видишь, вот тебе и пример! Спустилась прямо в пасть к тунцу.

По предложению Фишера в дни жареной рыбы они стали разводить огонь в бочке и стряпать уже вечером, как стемнеет. Пламя, словно магнит, привлекало летучих рыб, и они десятками приземлялись на палубе. Раз, когда коком был Суматоха, произошел случай, который вызвал всеобщее ликование, — в ту минуту, когда он ставил на огонь сковородку, прямо на нее опустилась летучая рыба! ..

А когда и эта рыба начала им приедаться, вдруг появился новый вид. Первым с ним познакомился Суматоха; он в это время нес вахту, а все остальные прилегли вздремнуть в тени каюты. Если летучая рыба, описав в воздухе изящную дугу, уходила в воду с чуть слышным всплеском, то эта после прыжка шлепнулась в море так тяжело, что во все стороны полетели брызги. И она была намного крупнее. Представьте себе мирно спящих людей, которых внезапно окатывают водой, и вы поймете, почему команда вскочила на ноги и принялась бранить Суматоху. Лишь когда вторая рыба (а может быть, та же самая) выскочила с другой стороны плота, стало ясно, что Суматоха ни при чем.

— Да это дорада, она же золотая корифена! — радостно крикнул Фишер.

Он живо достал подводное ружье и маску, нырнул в море и всего через две-три минуты вернулся на плот с плоской, тупоголовой рыбой длиной больше метра. Сразу было видно, откуда она получила свое имя: сине-зеленые бока исчертили широкие, отливающие золотом полосы.

— Какая красивая! — восхищенно сказал Чико и погладил ее.

— Весит что-нибудь двадцать восемь — тридцать фунтов, — деловито заметил Фишер, взвешивая добычу на руках.

Любимый спорт Фишера — угадывать вес пойманных

рыб — давно уже надоел ребятам, и они только вяло кивнули. Но их равнодушие его не обескуражило, он подвесил корифену на самодельном безмене и гордо заявил:

— Я верно сказал, двадцать девять с половиной фунтов! Корифены никак не могут тягаться с тунцами. Мировой рекорд — всего-навсего шестьдесят семь с половиной фунтов.

Тем временем золотая корифена, к великому огорчению Чико, медленно побелела. Но Фишер заверил, ребят, что это ровным счетом ничего не значит.

— Она всегда теряет свои краски, когда умирает. На вкусе это никак не отражается, а это самое главное. Я не знаю рыбы вкуснее золотой корифены. Ладно, отменим на сегодня наши ограничения, зажарим несколько хороших филе.

Его слова были приняты с трогательным единодушием. Однако это единодушие царило лишь до тех пор, пока Фишер вдруг не озадачил их такими словами:

— Кстати, пора нам начинать есть кальций.

На аппетит Бомбасто это загадочное заявление никак не повлияло. Зато Суматоха и Ниссе сразу перестали жевать и поглядели сперва на Фишера, потом друг на друга, Кальций? Но ведь это какой-то химический элемент, а откуда его взять на плоту? Фишер не спешил их просветить, он попросил Чико принести ступку.

Ступкой служил попросту плоский камень, на котором Чико каменной каталкой растирал кукурузу в муку. Зачем Фишеру понадобилась ступка, если кукурузы давно нет? Ребята ничего не могли понять, да и Бомбасто тоже; впрочем, его это, похоже, вообще не занимало. Еще больше мальчики удивились, когда Фишер собрал в кучку рыбы кости и положил их на гладкий камень. Чико, хотя и не знал, в чем дело, ловко растер рыбы кости в мелкий порошок. Наконец Фишер милостиво объяснил:

— В рыбьих костях есть кальций. Без кальция человек заболевает. Весь скелет размягчается, вываливаются зубы. Обычно мы получаем необходимый кальций, когда пьем мо-

локо и едим сыр. А без молока и сыра попробуем обойтись тем, что нам могут дать рыбы. Французский врач Бомбар несколько лет назад прошел один на надувной резиновой лодке через Атлантический океан от Франции до Вест-Индии. Он не взял с собой ни ступки, ни мельницы, чтобы молоть рыбы кости. У него пострадал позвоночник, и он до сих пор прихварывает. Чтобы с нами не случилась та же беда, надо теперь постоянно есть муку из рыбьих костей.

Фишер посыпал кусок филе несколькими щепотками костяной муки, и ребята последовали его примеру. Мука была почти безвкусная, терпеть вполне можно ради того, чтобы уберечься от болезни. Но Бомбасто в высшей мере недоверчиво отнесся к гастрономическим теориям Фишера. Он даже на несколько секунд оторвался от еды, чтобы предостеречь ребят:

— Бедняги, вы не знаете, что едите, но я вам расскажу. Это же удобрение! Я сам удобряю костяной мукой почву на своей гасиенде в Эквадоре. Очень хорошо для картофеля и пшеницы. А для людей удобрение — тьфу!

Он зажал нос двумя пальцами и чудовищной гримасой изобразил свое отвращение. И хотя вкус присыпанных костяной мукой филе ничуть не изменился, ребятам почему-то стало труднее их есть. Впрочем, предостережение Фишера сделало свое, и они храбро продолжали уписывать рыбу.

Теперь они чаще всего ели корифену, иногда тунца, бо-ниту, летучих рыб, даже акулу. У каждого сорта свой вкус, поэтому рыбный стол был не таким однообразным, как может показаться. Здоровью он явно не вредил. Даже Бомбасто, который упорно ел только жареную рыбу и наотрез отказывался приправлять ее мукой, не собирался болеть. Напротив, он заметно поправлялся и с каждым днем выглядел все свежее. (Правда, Фишер уверял, что недостаток кальция скажется со дня на день.) Ловить рыбу было проще простого. А так как Ниссе тоже овладел приемами подводной охоты, они добывали больше, чем могли съесть, несмотря на непомерный аппетит Бомбасто.

Все было бы просто замечательно, если бы Фишер и генерал ладили между собой. Увы, всякий раз, когда они обсуждали политику, философию или коммерцию — а это случалось довольно часто, — у них оказывались прямо противоположные взгляды. Правда, ребята были избавлены от необходимости участвовать в этих никчемных спорах, которые чаще всего перерастали в шумную ссору, после чего спорщики сердито расходились в разные концы пюпитра. Но когда речь шла о том, что касалось всех на борту — скажем, о распределении вахт и работы, — поневоле приходилось включаться в спор, чтобы как-то примирить двух задир. Чико всегда безоговорочно был за Бомбасто. Так же непреклонно Ниссе стоял за Фишера. Все зависело от Суматохи, а он часто колебался, кому отдать предпочтение. Сегодня ему казалось, что прав один, завтра — другой. Фишер был на диво находчив и изобретателен, мог помочь в любом деле, зато Бомбасто отличался веселым нравом, без конца шутил и знал бездну песенок и анекдотов. В Фишере только одно не нравилось Суматохе: уж очень он был непоседлив, всегда его раздражала жажда деятельности, он без конца придумывал всякие замысловатые графики и всех заставлял выполнять никому не нужные работы. Бомбасто, на взгляд Суматохи, страдал прямо противоположным недостатком: как надо работать — отлынивает и помощи от него не дождешься.

Но совсем тягостно стало жить на борту после того, как Бомбасто рьяно, не жалея сил и времени, принялся сочинять серию речей, которые собирался произнести, когда вернется в Эквадор, чтобы устроить очередной переворот. Почему-то вдохновение осеняло его как раз тогда, когда ему полагалось ловить рыбу или стряпать. Правда, от этого никто не страдал, потому что Чико охотно готовил за него, а Суматоха и Ниссе радовались случаю лишней раз отправиться на подводную охоту. Тем не менее Фишера страшно раздражало отлынивание Бомбасто; наверно, потому, что генерал нарушал столь тщательно разработанные им графики.

Еще больше Фишер возмутился, когда Бомбасто превратил Чико в своего денщика, заставляя юного индейца то принести ему жареную рыбу, то растянуть тент. Бомбасто оправдывался тем, что сочиняет особенно важную речь о «свободе, равенстве и братстве» и сбивается с мысли, когда его отрывают от писания и заставляют делать всякую ерунду. Фишер язвительно замечал, что Бомбасто живет не так, как учит жить других, и Ниссе с Суматохой эти слова казались довольно справедливыми. А впрочем, если Чико так восхищается генералом, что готов безропотно ему служить, это его личное дело.

Фишер не прочь был призвать Бомбасто к порядку, но он отнюдь не был уверен, что ребята всецело его поддержат, а потому разумно воздерживался от крайних мер. Но он не уставал донимать Бомбасто колкостями и во всеуслышание проповедовал, как это важно, чтобы все без исключения выполняли свой долг. И во время очередного совета, когда Фишер брюзжал особенно много, Бомбасто вспыхнул и покинул заседание, не дожидаясь, когда председатель подведет итог повестке дня своим новым, великолепным молотком, над которым трудился целую неделю.

Ребята страшно удивились, когда немного погодя увидели, что Бомбасто лежит на животе на кормовой палубе и почему-то дрыгает ногами, как лягушка. Чико стоял рядом, внимательно глядя на генерала. Затем они поменялись местами. Чико дрыгал ногами, разводил руками, потом выполнял это одновременно, а Бомбасто считал вслух.

— Знаешь что? — сказал Суматоха Ниссе. — По-моему, он учит Чико плавать.

Суматоха оказался прав. Когда они собрались вместе за ужином, Бомбасто любезно сообщил, что во имя более справедливого распределения работ начинает учить Чико плавать. И добродушно уточнил:

— Таким образом, Чико сможет не только стряпать, но и ловить рыбу за меня. И никто не будет мне гудеть в уши, что, мол, я увиливаю от своих обязанностей.

— Какое же это справедливое распределение! — возмутился Фишер.

— А что? Я только что нанял Чико слугой до конца плавания и щедро ему заплачу. Когда вернемся в Эквадор и я свергну своих врагов. Кстати, вот и трудовое соглашение!

Он торжествующе поднял в руке лист бумаги.

— Не говорите «нет», не говорите «нет»! — взмолился Чико. — У меня никогда не было такой хорошей работы и такого жалованья!

Фишер несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, в точности как тунец под плотом. Так и не вымолвив ни слова, он повернулся к ним спиной, взял подводное снаряжение и прыгнул в воду. Долгий опыт научил его, что это лучшее средство остудить свои чувства.

Бомбасто прилежно обучал Чико приемам плавания, и юный индеец быстро преуспевал. Скоро ему было милостиво разрешено плескаться в воде у плота. Для верности генерал обвязывал своего ученика веревкой вокруг пояса. Сам он только расхаживал по палубе и командовал. Зато Суматоха и Ниссе часто плавали рядом с Чико и помогали ему добрым советом. Но вот однажды, когда Чико под руководством Бомбасто упражнялся в море возле плота, Фишер вдруг вышел из каюты и решительно потребовал, чтобы генерал немедленно отдал ему спасательную веревку, которой тот почему-то обвязался сам. У Фишера была веская причина: он собирался добыть рыбы на обед.

— Займите очередь и ждите, когда я кончу свое дело, оно не менее важно, — высокомерно ответил Бомбасто.

Тут Фишер не выдержал. Взревев от ярости, он подошел вплотную к генералу и толкнул его так, что тот плюхнулся в воду. Боясь, как бы не дошло до беды, Суматоха схватил американца за руку, увел его в каюту и принялся успокаивать. Ему это удалось, Фишер даже обещал извиниться перед Бомбасто; казалось, все улажено.

Когда Суматоха вышел из каюты, Чико уже выбрался на плот. Ниссе стоял с ним рядом, озадаченно глядя на

С превеликим трудом они втащили Бомбасто на палубу.

спасательную веревку Бомбасто, которая уходила отвесно в воду.

— Он пошел вниз как камень и с тех пор не всплывает, — растерянно доложил Ниссе. — Что он там делает?

— Может быть, на него напала акула? — захныкал Чико.

— Так чего вы ждете? — крикнул Суматоха и ухватился за веревку.

Ниссе сбросил с себя оцепенение, подоспел Фишер, и вместе они подтянули Бомбасто к поверхности. Генерал отчаянно фыркал и плевался, но, кажется, был невредим. С превеликим трудом они втащили его на палубу. Вода била фонтаном у него изо рта, поэтому они перевернули генерала на живот. Это помогло.

— В чем дело, что случилось? — спросил Суматоха, когда из Бомбасто перестала течь вода.

— Я.. я... не... умею... плавать, — простонал генерал, перемежая слова какими-то странными утробными звуками.

— Хорош учитель плавания, — сказал Ниссе. — А мы-то думали, что он о Чико заботится и о своем оружии, когда он так упорно цеплялся за бревно у Эспаньолы.

Не зная почему, Суматохе вдруг захотелось заступиться за Бомбасто. И он важно произнес:

— Бывает, человек хорошо изучил что-то теоретически, но не может сразу применить на деле свои знания. Например, я точно знаю, как управлять самолетом, читал об этом в «Мире техники», но я не ручаюсь, что смогу взлететь на реактивном самолете, если сяду на место летчика.

— Тебе, наверно, тоже не мешает искупаться, — только и ответил Ниссе.

Фишер сдержал слово — извинился перед Бомбасто. В свою очередь, генерал заверил, что все забыто. Но в глубине души они больше прежнего злились друг на друга. Это особенно бросалось в глаза на заседаниях совета. Стоило одному что-то предложить, как второй тотчас предлагал совсем противоположное. Чико по-прежнему голосовал только за то, что одобрял Бомбасто. Ниссе не менее упорно дер-

жался за Фишера, не мешкая и не раздумывая, поднимал руку вместе с ним. Суматоха старался сам соображать и голосовал так, как ему подсказывал рассудок. Поэтому между заседаниями Бомбасто и Фишер по очереди отводили его в сторонку, чтобы очернить противника и расхвалить собственное предложение. Понятно, ему скоро надоела эта мышиная возня, которая всем мешала насладиться в полной мере чудесной жизнью на плоту.

И однажды, когда очередной совет совсем зашел в тупик из-за простейшего вопроса: какой из двух ящиков раньше пустить на дрова, — Суматоха так разозлился, что ярость высекла из его мозга блестящую мысль. Голоса разделились поровну, 2 : 2, и все повернулись к нему — чью сторону он возьмет? А Суматоха возьми да скажи:

— Надоели мне все эти ссоры да раздоры. Я воздерживаюсь от голосования. Как хотите, так и договаривайтесь. Теперь я всегда буду так делать, когда вы затеете много шуму из ничего.

— Ты воздерживаешься? — растерянно спросил Фишер и вытаращил глаза от удивления. — Но это же совсем недемократично.

А Бомбасто возмущенно фыркнул:

— Это что еще за idiotские демократические штучки! Получится ведь ничья. Только трусы бросают оружие в разгар боя.

— А почему я не могу воздержаться? — возразил Суматоха, — Это принято во всех парламентах мира. И в Эквадоре, наверно, тоже. Как я сказал, так и будет.

Только он договорил, поспешил взять слово Фишер:

— По действующим правилам, если голоса разделились поровну, решает голос председателя.

— Ничего подобного, — возразил Бомбасто с злоецей усмешкой. — По правилам, которым меня учили, решает голос лучшего стрелка.

И он погладил правой рукой торчащий из-за пояса пистолет. Долго царил тишина, потом Фишер вяло стукнул

по палубе председательским молотком и, не скрывая гнева, сказал:

— Заседание откладывается до тех пор, пока не будет возможности возобновить его в более мирной обстановке.

Как и ожидал Суматоха, вечером, когда все легли спать, Бомбасто и Фишер принялись его обрабатывать. Бомбасто первым зазвал его в свой угол каюты и без околичностей предложил свергнуть Фишера. Дескать, тому только дай волю, он совсем тираном станет.

— У меня три пистолета, и мы с тобой будем заправлять на плоту, — горячо шептал он. — Спать и дежурить будем по очереди, и они ничего не смогут нам сделать. Эх и заживем! Заставим остальных выполнять за нас всю работу.

Суматоха возмущенно отверг это предложение, а всего через несколько минут Фишер потянул его за другой рукав. Он долго разглагольствовал об острой необходимости отстоять свободу и дать отпор проишкам Бомбасто, а в заключение предложил Суматохе стать председателем, лишь бы он всегда поддерживал его, Фишера. Американец страшно удивился, когда Суматоха беззлобно, но твердо попросил оставить его в покое.

Тревожные мысли не давали уснуть Суматохе, он ломал голову над тем, как выбраться из трудного положения. Результат не заставил себя долго ждать. Возглас: «Какой же я дурак!» — прозвучал в темноте так громко, что лежавший рядом с ним Ниссе проснулся.

— Выйдем на палубу, — сказал таинственным шепотом Суматоха.

Они сели на носу, рядом с вахтенным Чико, который добросовестно созерцал даль. Красная луна озаряла волны и небо, высоко над головой плыли причудливые облака.

— Смотрите, какое красивое облако! — восторженно сказал Чико. — Правда, похоже на большой цветок? А вон то — на позолоченный дворец. Да вы не смотрите!

Он был прав. Суматоха и Ниссе увлеченно беседовали, не видя и не слыша ничего вокруг.

— Мы были дураками, — говорил Суматоха, — круглыми дураками. Если разобраться, это мы виноваты, что на плоту сплошные раздоры. Да-да, мы — я, ты и Чико. Мы всегда становимся на сторону одного из двух старших. А кто нас заставляет это делать? Взять да составить втроем свою партию! Будем всегда заодно, тогда только от нас зависит выиграть голосование, даже если Бомбасто и Фишер вдруг поладят между собой.

— Bravo, ты почти гений, — сказал Ниссе. — Почему раньше этого не придумал?

Суматоху так и подмывало спросить Ниссе, почему тот преспокойно завалился спать, вместо того чтобы придумать какое-нибудь гениальное решение. Но он разумно воздержался. Сейчас не время затевать перебранку.

Вместо этого Суматоха попросил Ниссе объяснить Чико их план. К великому огорчению ребят, юный индеец заколебался. Напомнил, что Бомбасто его хозяин, а хозяина нельзя подводить. Если он совершит такое предательство, на которое не способен ни один честный индеец в Эквадоре, если проголосует против хозяина, тот его немедленно уволит. Мысль об этом глубоко опечалила Чико, и он чуть ли не со слезами на глазах заявил, что ему никогда не найти такого доброго и щедрого хозяина, как Бомбасто.

— Но вы сделали мне еще больше добра, вы мне все равно что братья, так что можете положиться на меня, — добавил он, как следует поразмыслив.

От радости Суматоха и Ниссе крепко обняли Чико, после чего все трое торжественно поклялись впредь всегда быть заодно.

— А теперь мы с Ниссе пойдем поспим, чтобы быть в форме завтра, когда начнется генеральное сражение, — бодро сказал Суматоха.

— погоди, — остановил его Ниссе. — Ты забыл одну важную вещь. Бомбасто вооружен. Его три пистолета прозвучат громче наших трех голосов.

Что верно, то верно.

— Я знаю, где он ночью прячет пистолеты, — сказал Чико, услышав, о чем идет речь. — Под доской, на которого он лежит, есть тайник. Но ничего, он крепко спит, его можно перевернуть и взять пистолеты, потом положить его на место, и он даже не заметит.

Не желая посвящать Фишера в свою тайну, они подождали, пока американец не заступил на вахту. Как и предсказывал Чико, генерал преспокойно храпел в то время, когда они откатывали его в сторону и доставали пистолеты.

— Вот так, теперь на нашей стороне и право, и сила, — довольно сказал Суматоха и отдал пистолеты Чико, который живо перепрятал их на носу.

Утром Фишер и Бомбасто с опозданием явились к завтраку. Оба были в прескверном настроении. Первый не говорил ни слова и мрачно глядел в палубу, а второй непрерывно что-то бормотал себе под нос и зловеще поглядывал на противника. Должно быть, Бомбасто заметил пропажу пистолетов и был уверен, что их стащил Фишер. Зато ребята чувствовали себя отлично, шутили и говорили без умолку. В конце концов Суматоха не удержался, лукаво спросил Бомбасто и Фишера, в чем дело. Генерал буркнул что-то неразборчивое, а Фишер тоном обвинителя заявил:

— Я только что предложил Бомбасто помириться, но он сегодня еще упрямее, чем всегда. Так что если ты будешь стоять на своем, будешь требовать, чтобы мы заключили мир, а иначе ты не станешь голосовать, нам останется только разобрать плот по бревну и плыть врозь.

— Ладно, обещаю голосовать, — хитро улыбнулся Суматоха.

Обрадованный этим неожиданным обещанием, которое он воспринял как личную победу, Фишер бросился в каюту за своим замечательным председательским молотком. Они еще не убрали после завтрака посуду, а он уже открыл заседание ударом молотка и объявил:

— От вчерашнего прерванного заседания нам осталось

рассмотреть вопрос, какой из двух ящиков первым пустить на дрова.

До сих пор Бомбасто вел себя так, будто ничего не слышал, но тут его вдруг прорвало:

— Охота вам, дурням, снова затевать волюнку! Неужели еще не поняли, что эта система никуда не годится? Верьте моему слову, есть только один способ избежать в будущем пустых споров и раздоров — надо раз и навсегда назначить капитана, я уже сто раз об этом говорил.

— Капитана, который будет один все решать?! — негодуя воскликнул Фишер. — Но ведь это самая настоящая диктатура! Я уверен, ребята, вы поддержите меня и решительно отвергнете такое опасное предложение.

Слушая его, ребята потихоньку переглядывались и с трудом сдерживали смех. То, что «сто раз» предлагал Бомбасто, отлично согласовывалось с их новыми планами. И они, к великому испугу и огорчению Фишера, поддержали Бомбасто.

— Постойте, вы как следует подумали? — воззвал американец, придя в себя. — Вы же сами из демократической страны.. .

Бомбасто, который вообразил, что ребята вполне с ним согласны, остановил тираду Фишера меткой репликой:

— Демократия — это когда решает большинство. Верно? Почему же вы в этом случае против большинства? Выходит, вы сами не больно-то демократичны.

а Фишер покраснел и несколько раз растерянно глотнул. Но никто не пришел ему на помощь. Тогда он ударил по палубе дубинкой и слегка дрожащим голосом объявил:

— Итак, четырьмя голосами против одного решено избрать капитана и возложить на него всю ответственность и власть до конца плавания.

Строго глядя в глаза каждому из ребят по очереди, он продолжал:

— Осталось только договориться, кто будет нашим капитаном. Надеюсь, вам всем ясно, как важно сделать правильный выбор. Нам нужен прежде всего человек, чуждый эго-

изма, думающий больше о благе других, чем о своих удобствах. Примерный работник, хороший рыбак и мастер чинить всякие сломанные вещи.

Не успел он закончить эту предвыборную речь в свою пользу, как слово взял Бомбасто:

— Только остерегайтесь, чтобы не выбрать мелочного педанта, который заставит вас делать кучу никчемной работы исключительно потому, что ему очень нравится составлять графики. Вам нужен человек сильный и мужественный, способный заменить вам отца. И чтобы он еще был искусным стрелком, защищал вас от всевозможных врагов, которые могут нам еще встретиться в нашем плавании.

От этой похвалы самому себе Бомбасто так расчувствовался, что у него выступили слезы на глазах. Испугавшись, что и ребята расстрогаются, если генерал будет говорить слишком долго, Фишер грубо прервал его речь:

— Перейдем к голосованию. Кто за генерала Бомбасто?

Ни одна рука не поднялась. Онемев от удивления, Бомбасто уставился на ребят. Наконец он подтолкнул Чико:

— Чико, ты забыл, что надо голосовать!

— Не пытайтесь оказывать давление на мальчиков, — предупредил его Фишер.

Потом он победно посмотрел вокруг и сказал:

— Кто за меня?

Никто из ребят не пошевелился. Фишер побледнел, как простыня, но тут же лицо его опять порозовело, и он с надеждой спросил:

— Что это значит? Вы передумали? Хотите, чтобы все было по-старому, хотите принимать решения сообща?

Совершенно неожиданно ему ответил Ниссе:

— Нет, мы считаем, что на море должен быть капитан. При условии, что им станет действительно самый справедливый, самый знающий и самый уважаемый. Но вы почему-то забыли спросить перед голосованием, нет ли еще кандидатов. Мы не голосовали за ваши кандидатуры просто потому, что они нас не устраивают. А теперь позвольте мне

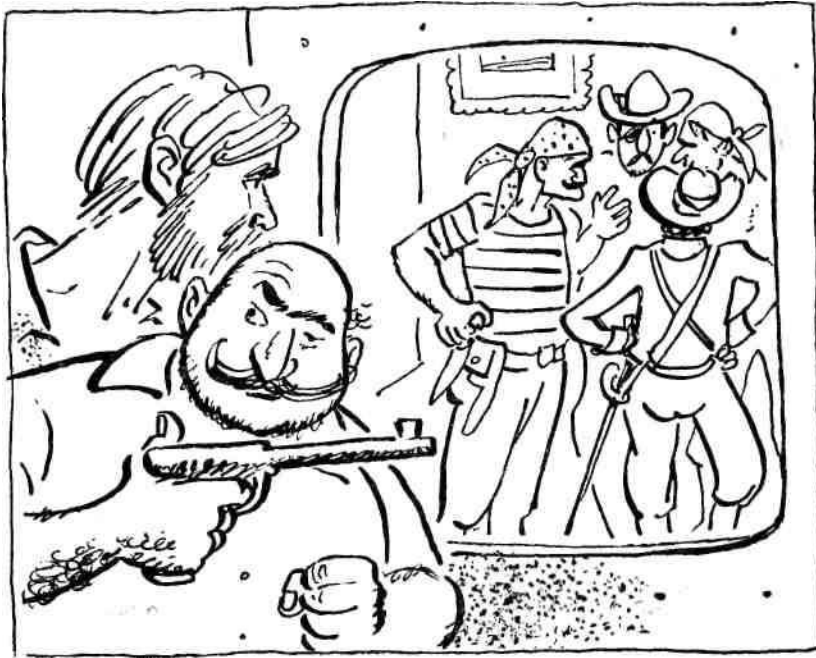
назвать другого кандидата. Ему доверяет большинство, и, кроме того, он знает полинезийские острова, к которым идет наш плот... Итак, я предлагаю Суматоху.

— Голосуем, — тускло произнес Фишер.

Ниссе и Чико не медля подняли обе руки. Через несколько секунд, широко ухмыляясь, поднял свою ручищу и Бомбасто. Все смотрели на Фишера. Медленно-медленно его губы растянулись в улыбку, потом он вдруг громко рассмеялся и кивнул в знак согласия.

— Да здравствует капитан Суматоха! — звонко крикнул Чико.

И все от души прокричали «ура!», радуясь, что наконец достигли полного согласия.

Шестая глава ОБМАНЧИВАЯ ВИДИМОСТЬ

С того дня, как Суматоха принял командование, работа и вахты шли гладко. Не было никаких замысловатых графиков, и кончились нудные споры. А ведь по сравнению с тем, что делал Фишер, Суматоха не ввел почти ничего нового. Прежде чем решать что-нибудь важное, он непременно советовался с остальными. Правда, советовался с глазу на глаз с каждым в отдельности, общего собрания не созывал. Благодаря этому ребятам не надо было участвовать в ссорах Бомбасто и Фишера. Кстати, те всё реже ссорились, а в од-

ном вопросе так и вовсе были согласны: оба считали, что сидеть на плоту и ждать спасения — возмутительная трата драгоценного времени. Им так не терпелось поскорее добраться до островов, что они даже пожертвовали своими рубашками и подвесили их на мачте над красным одеялом Чико. Оба были абсолютно уверены, что это намного увеличило ход плота, и без конца вычисляли, сколько миль он покрывает за день да каким курсом идет. А это было совсем не просто без секстанта, компаса и карты.

Жажда и голод им не грозили. Часто шел дождь, море кишело рыбой. Но хотя чем дальше, тем больше появлялось разных лакомых сортов и по-прежнему через день можно было жарить рыбу, все-таки однообразный стол начал надоедать. Поэтому все страшно обрадовались, когда Бомбасто однажды в конце июля ворвался в каюту, где дремала команда, и закричал, что увидел птицу. Они выскочили на палубу, чтобы взглянуть на крылатый обед, и Суматоха велел Чико достать из тайника пистолет и вручить его снайперу Бомбасто. Птица летела с запада. Сражаться с пассатом было нелегко, и порой она не могла продвинуться ни на сантиметр, хотя отчаянно махала крыльями.

Ожидая, когда птица приблизится к плоту, Бомбасто нетерпеливо облизывался и нежно гладил рукой пистолет. Послушать, так его, генерала, больше радовала возможность поохотиться, чем сама добыча.

— Вы забываете самое главное, — весело сказал Фишер, похлопывая Бомбасто по спине.

— Самое главное?

— Ну да, мы скоро будем у цели, скоро конец путешествию! Эта птица из морских ласточек, а они не улетают далеко от суши. Значит, где-то совсем близко есть остров. Точно! Я вовремя успею в Чикаго и улажу все свои дела.

— И я поспею в Эквадор на парад победы! — Сияющий Бомбасто расцеловал Фишера, потом всех ребят по очереди.

Однако их радость была не только преждевременной, но и слишком бурной. Шум на плоту испугал птицу, она

повернула кругом и ушла с пассатом туда, откуда прилетела.

— Ура, мы идем тем же курсом, что морская ласточка! — воскликнул Фишер. — Вот это удача! Должно быть, нас несет прямо на ее остров.

— Не кричи «гоп», пока не перепрыгнешь, — медленно произнес Ниссе. — Рискнешь сорваться. Помнишь матч с Кристинской школой? — обернулся он к Суматохе.

Помнил ли он? Что за вопрос! За десять минут до конца второго тайма они вели со счетом 2 : 1 и начали тянуть время. Тогда кристинцы поддали жару и забили два гола. Причем последний — из-за него, Суматохи, потому что он прозевал пас. Он до сих пор так стыдился своей оплошности, что предпочитал не вспоминать об этом.

— Конечно, может случиться так, что мы промахнемся по первому или второму острову, — сказал он. — Но не по всем же. В Южных морях тысячи островов.

Однако Фишер и Бомбасто не сомневались, что плавание все равно что окончено. Усевшись на бочке на носу, они, с жаром толковали друг другу, какой отменный порядок наведут у себя — один на радиозаводе, другой в своем отечестве. Правда, Бомбасто все-таки огорчился, что не пришлось отведать мяса. Это было видно по тому, как он, разговаривая, рассеянно крутил в руках сковородку и время от времени с тоской поглядывал на небо. Вид сковородки подхлестнул воображение ребят.

— Что бы ты сейчас заказал на завтрак, если бы сидел в ресторане, а в меню все что хочешь? — вдруг спросил Ниссе.

— Гуляш с яичницей из пяти яиц и со свеклой, я очень люблю такое сочетание, — тотчас ответил Суматоха. Было видно, что этот вопрос у него основательно продуман заранее.

Ниссе вздохнул и мечтательно сказал:

— А я взял бы жареную ветчину и омлет с двумя большими свежими помидорами.

— А на обед?

— Погоди, не спеши. До обеда мы еще не дошли. Во всяком случае, я сначала съем хороший бутербродик с сыром и запью его стаканом молока.

— Тогда уж лучше бутерброд с паштетом и лимонад. Но только один, незачем перебивать аппетит перед обедом.

— Что же ты возьмешь на обед?

— Котлеты с картошкой, с морковкой и цветной капустой.

— Ну нет, мой заказ будет лучше — антрекот с молодым картофелем, огурцом и брусникой.

— И шоколадное мороженое на третье.

Насчет сладкого у Суматохи и Ниссе не было расхождений. Да и Чико знал изо всех блюд, которые они назвали, только шоколадное мороженое. С блаженным лицом он снова и снова повторял чудесные слова, радуясь, что может поддержать разговор.

Вся команда до того увлеклась грезами, что они даже забыли поймать рыбу, а когда спохватились, уже стемнело и было поздно. Впрочем, все как-то спокойно отнеслись к этому упущению. Плотогонов гораздо больше занимало, как бы поскорее открыть остров и помочь островитянам открыть их. Они единодушно постановили наложить в кухонную бочку побольше дров, быть повнимательнее на вахте и на всякий случай почаще лазить на мачту, чтобы дальше видеть.

В эту ночь Суматоха спал беспокойно. Ему снилось, что он пригласил к себе на дачу на день рождения всех ребят из СКФК (Спортивный клуб футбольных корсаров). Только они принялись за шоколадное мороженое, украшенное марципановыми птицами, вдруг кто-то закричал: «Пожар!» Суматоха вскочил на ноги и побежал тушить. И лишь ударившись об стену, он понял, что ему все приснилось, он не на даче, а на плоту в Тихом океане. Но что это? Кто-то продолжал кричать по-шведски: «Пожар! Пожар!» Сон как рукой сняло, он рванулся к двери. Неужели вахтенный Ниссе не уследил за сигнальным огнем и поджег плот?!

— В чем дело, Ниссе? — крикнул Суматоха.

— А что, а что? — испуганно отозвался за его спиной сонный голос.

Ниссе тихо-мирно спал в каюте, пока его не разбудил своим криком капитан.

— Это, наверно, Чико кричал, — объяснил он Суматохе, который никак не мог прийти в себя.

Как бы в подтверждение его слов с палубы донесся голос Чико:

— Пожар! .. Пожар! ..

Фишер тоже вскочил и впопыхах наступил на живот Бомбасто, после чего даже этот завзятый соня проснулся. На беду, все четверо разом очутились в тесных дверях. И когда они наконец протиснулись на палубу, то соображали довольно плохо. Было темно, как в угольной шахте, но прежде чем они успели спросить Чико, что случилось, небо на западе озарилось желтыми, зелеными, красными и голубыми огнями.

— Смотри, пожар! — сказал голос Чико.

Только теперь Суматоха понял, что его способный ученик сидит на мачте. Он облегченно вздохнул:

— Разве можно так пугать людей! Опять ты слова перепутал. Надо было сказать: «Огни!». «Пожар» и «огни» — это разные вещи. К счастью.

Чико слез с мачты, однако не смог внести ясность, что это за огни.

— Похоже на фейерверк, — сказал Фишер, когда небо опять озарили разноцветные вспышки. — Должно быть, впереди большой остров и там отмечают какой-нибудь праздник.

Весьма правдоподобная догадка. И так как ничего лучшего они не могли придумать, то продолжали молча созерцать светящийся пестрый рой. Нос плота смотрел как раз в ту сторону, но хотя пассат трудился честно, скорость все-таки была невелика, и они успели приблизиться всего на несколько миль, когда фейерверк прекратился. Суматоха

влез на мачту и стал наблюдать. Так прошел час, другой, третий. .. Бомбасто давно уже храпел опять, когда Суматоха вдруг свистнул.

— Что ты там увидел? — Ниссе быстро вскарабкался на крышу.

— Огни, много огней в ряд над самым горизонтом. Пропали. .. Опять видно! ..

Невзирая на протесты Суматохи, Ниссе тоже влез на мачту, потеснил его и уселся рядом на крестовине.

— Корабль, — заключил он, присмотревшись к таинственным огням. — Это светятся иллюминаторы кают.

Суматоха согласился с ним, но Фишер возразил, что так могут светиться и окна большого дома. А когда они подошли ближе, стало отчетливо видно, что огни колеблются. Даже Фишер вынужден был признать, что дома обычно не качаются. Еще через час они смогли различить очертания большого пассажирского лайнера, который стоял на одном месте.

— Теперь я все понимаю! — воскликнул Ниссе.

— Голова! — похвалил его Суматоха.

— Ну конечно, а ты что, не сообразил? Это были сигналы бедствия! Либо у них машина отказала, либо течь открылась, вот и все.

Бомбасто, которого Чико только что разбудил, не сомневался, что Ниссе прав, и радостно выпалил:

— Мы же будем настоящие герои: спасем команду и пассажиров такого большого парохода! Все газеты мира напечатают наши фотографии и поместят на первых страницах большие статьи про наш подвиг!

— Кстати, страховые компании платят крупное вознаграждение тому, кто спасет судно, терпящее бедствие, — с надеждой в голосе сказал Фишер.

И то и другое весьма понравилось Суматохе. Он миглом опустил на палубу, попросил у Фишера обложку от записной книжки и в два счета сделал из нее рупор. В книгах, где речь шла о кораблекрушениях, все капитаны непременно

пользовались мегафоном или рупором. Поэтому Суматоха взобрался на каюту, приставил ко рту рупор и воззвал к своему коллеге на лайнере:

— Алло, алло, на корабле! Здесь парусный плот «Экваториана», предлагаем свою помощь. Алло, алло, «Экваториана» предлагает свою помощь!

И добавил, обращаясь к своим друзьям:

— Надеюсь, их там не слишком много, а то где я всех размещу?

Но сколько ни окликал Суматоха таинственный корабль, ему никто не отвечал. И в этом не было ничего странного, ведь не меньше десяти метров отделяло плот от нижнего ряда иллюминаторов. К тому же его голос заглушался плеском волн и страшным шумом на борту. В конце концов они разглядели веревочный трап, который оканчивался примерно на уровне мачты плота.

— Подойдем туда, я поднимусь на борт и разберусь, в чем дело, — самонадеянно сказал Суматоха и тут же пожалел о своих словах.

Отвага покинула его; к счастью, команда дружно закричала на разных языках:

— И я пойду! И я!

Поломавшись немного для виду, Суматоха милостиво уступил:

— Ладно, швартуем плот вон за ту скобу и поднимаемся на борт все вместе. Кто хочет, пусть возьмет пистолеты у Чико.

Ему стало легче на душе, когда он увидел, что не только Бомбасто, но и Фишер с Ниссе не замедлили воспользоваться его советом.

Как только они пришвартовались, Суматоха первым полез вверх по трапу. Поравнявшись с палубой, он осторожно высунул голову. Пусто... Тогда он жестом позвал остальных, вот уже все пятеро растерянно стоят на безлюдной палубе, не зная что делать дальше.словно заблудившиеся овцы, они побрели на корму и остановились перед освещен-

ным иллюминатором. Там, внутри, был салон, и в середине салона, что-то горячо обсуждая, стояли пираты! Четыре пирата в сапогах и тельняшках, за поясом пистолеты и шпаги... Глаз одного из них скрывала черная повязка. Никакого сомнения, самые настоящие пираты!

— Сто крон за хороший совет, — сказал Ниссе.

— Даю бесплатно: отвоюем корабль у пиратов, — ответил осмелевший Суматоха.

— Да я их всех четверых одним выстрелом... — Бомбасто прицелился. — Они стоят почти в ряд. Только бы вон тот, самый коротенький, сделал один шаг вправо...

— Погодите, — вмешался Фишер. — По-моему, сперва надо бы...

В эту секунду на палубу из двери по соседству вышли, громко смеясь, двое — шейх в белой чалме и тореадор в плотно облегающих черных штанах. Суматоха и его друзья разинули рты и оцепенели при виде столь странной пары.

— Молодцы, отлично придумали, — одобрительно сказал им по-английски шейх, проходя мимо.

— Превосходные костюмы, — подтвердил тореадор и сделал рукой лихой испанский жест.

Тут же какой-то оркестр в недрах корабля заиграл веселую танцевальную мелодию.

— Эх вы, не могли догадаться сразу! — Фишер язвительно усмехнулся. — Здесь идет маскарад! С фейерверком. И это значит, что мы спасены! Слышите? Спасены!

Он похлопал каждого по спине, как бы вдалбливая в них чудесную истину, и все пятеро принялись друг друга поздравлять и обнимать. Две пожилые дамы в костюмах легкомысленных танцовщиц остановились возле них и удивленно вытаращили глаза. Лучше бы они этого не делали, потому что Фишер подхватил их и закружил в ликующем танце. Танец стал еще более бурным, когда в него включился Бомбасто. Наконец запыхавшиеся дамы вырвались и, издавая испуганные вопли, обратились в бегство. Лишь после этого Фишер и Бомбасто утомонились настолько, что здраво-

мыслящему Суматохе удалось перекричать своих ошалевших спутников:

— Пойдем доложим о себе капитану!

Они встретили капитана на трапе, ведущем на мостик.

— Мы жертвы кораблекрушения, — начал Суматоха.

— Вижу, вижу, — перебил его капитан. — А я капитан Блад! Ха-ха-ха!

— А где же настоящий капитан? — сердито спросил Суматоха.

— В большом салоне. Но форму у него просить нет смысла, он мне отдал последнюю.

И лжекапитан с громким хохотом протиснулся мимо них.

Друзья поспешили дальше. Им попадались паши и гусары, гейши и негритянские вожди, римляне и космонавты, марафонцы и балерины, троглодиты и эскимосы, которые посылали их то вправо, то влево, то вверх, то вниз по очередному трапу. И когда они наконец отыскивали большой салон, от всей этой беготни по трапам у них с непривычки ноги подкашивались.

Салон был битком набит выряженными пассажирами. Все смотрели на эстраду в дальнем конце зала. На эстраде, разговаривая с двумя штурманами, стоял лихой моряк в ослепительно белой, отутюженной форме. Ну, уж это точно капитан, никакого сомнения! Друзья собрались с духом и устало побрели к нему. Дойдя, приосанились, стали навтыжку, и Суматоха торжественно доложил:

— Я капитан «Экваторианы», а это моя команда.

— Отлично, отлично, почему вы не зарегистрировались раньше? — недовольно произнес элегантный капитан, заглянув в список, который ему протянул один из штурманов.

— Раньше?.. Постойте, вы что — думаете, мы шутим? Да нас уже два месяца носит...

Протест Суматохи заглушила труба из оркестра. Не успели они опомниться, как капитан подтолкнул всех пятерых на освещенный пяточок и громогласно объявил:

— Теперь уже точно последняя группа: пятеро спасшихся с «Экваторианы»!

Зал дружно зааплодировал, от криков «браво!» у друзей заложил уши.

Казалось бы, надо радоваться и радоваться, а Суматоха почему-то так растрогался, что с трудом сдерживал слезы. Когда же гул наконец утих и они соскочили с эстрады, капитан и штурманы успели исчезнуть. Друзья решительно направились к выходу. Во что бы то ни стало надо отыскать капитана и заставить его выслушать их! Они покажут ему плот в подтверждение своих слов! Но едва плотогоня сделали несколько шагов, как их окружили восхищенные пассажиры. Каждый спешил их поздравить с удачными костюмами. Особенно восторгалась полная женщина, рядом с которой стояли невообразимо тощий и хилый муж и две дочери, сверстницы Ниссе и Суматохи. Семейство было выряжено под ковбоев «Дикого Запада»: сапоги со шпорами, кожаные куртки с бахромой и широкополые шляпы. Девочки явно пошли в маму, и костюмы были им заметно малы.

— Странно, мальчики, почему я вас не видела раньше? — не унималась женщина. — Вы из какого класса?

— Из низшего! — с вызовом ответил Суматоха.

Но ковбойскую мамашу трудно было обескуражить. Мило улыбаясь, она выдвинула вперед девочек и представила их:

— Вот мои дочери, Дейзи и Эдна. Вы не хотите с ними потанцевать?

К счастью, в это время показался капитан. Толпа учтиво расступилась, пропуская его, и ребята воспользовались случаем, чтобы улизнуть от американок.

— Дейзи — какое-то коровье имя, — буркнул Суматоха.

— А Эдна? Разве так зовут девочек? — подхватил Ниссе. — Это же название швейной машинки.

И они стали протискиваться к капитану. Однако он был расторопнее и, прежде чем ребята его догнали, успел подняться на эстраду и попросить тишины. Участники бала при молкли, и капитан объявил:

— Дамы и господа! В небывало короткий срок жюри обсудило кандидатуры и единогласно постановило присудить первый приз за лучший костюм последней группе — «Пятерке спасшихся с «Экваторианы». Можно без преувеличения сказать, что все вы одинаково способствовали огромному успеху нашего маскарада. Многие костюмы, которые мы сегодня здесь видим, настоящие шедевры. И все-таки я уверен, все согласится со мной, — самый достоверный, самый убедительный, самый удачный наряд создан этой пятеркой. Тут ни к чему нельзя придраться, все кажется подлинным, от длинных ногтей до косматых волос. Прошу вас, дорогие спасшиеся, подойдите сюда и примите заслуженную награду!

Их вытолкнули на эстраду, капитан вручил им по серебряному кубку и каждого обнял.

— Теперь ты не уйдешь! — произнес властный женский голос за спиной Суматохи, и чья-то мощная рука потащила его в сторону.

Его захватила в плен энергичная ковбойская мамаша. И Суматоха не успел вырваться, как не менее энергичная Дейзи схватила его за пояс и закружила в танце. Почему-то саксофоны смеялись с подчеркнутым ехидством. Суматоха присмотрелся и увидел Чико. Стоя между средневековым рыцарем с банджо в руках и негром в смокинге, юный индеец упоенно дул в чей-то саксофон. Оставалось утешаться тем, что Ниссе тоже очутился в плену и под водительством Эдны уныло выписывал ногами что-то несусветное.

— Да отставь ты этот кубок, если он мешает тебе танцевать, — сказала Дейзи после первого тура.

Тотчас Суматох) осенило.

— Верно, — смиренно произнес он. — Я только отнесу его в каюту и сразу вернусь.

Партнерша выпустила его, и он с места развил подозрительную скорость. Тут же у Ниссе «закружилась голова», и он следом за Суматохой выскользнул из салона. Друзья

Стоя между средневековым рыцарем с банджо в руках и негром в смокинге, юный индеец упоенно дул в чей-то саксофон.

бегом одолели три трапа и целый лабиринт переходов, поднялись на лифте на прогулочную палубу и только после этого почувствовали себя в безопасности. Здесь было множество столиков, за которыми сидели пассажиры и ели мороженое. Показался официант с подносом, на котором стояли огромные порции чудесного мороженого.

— Шоколадное, — восхищенно вымолвил Суматоха.

— Хочу есть, — сказал Ниссе. — Мы со вчерашнего утра не ели.

От его слов голод Суматохи возрос ровно вдвое. Шоколадное мороженое! Он уже хотел подозвать официанта, но вовремя спохватился и с досадой пробормотал:

— Чуть не забыл... Мы же вернулись к цивилизации. Тут, если хочешь поесть, платить надо.

Ниссе толкнул его локтем в бок.

— Разве ты не видел, что лежит на дне кубка?

Суматоха сунул руку внутрь кубка и извлек из него пачку бумажных денег.

— По полсотне на брата, — довольно произнес Ниссе и похлопал себя по животу. — Ешь шоколадное сколько влезет.

Они так и поступили. И с каждой новой порцией на душе становилось легче.

— А знаешь, пожалуй, незачем спешить и добиваться, чтобы капитан узнал правду, — сказал Суматоха, в третий раз заказывая «последнюю порцию». — Все равно, когда рассветет, кто-нибудь увидит плот и доложит ему.

— А если веревка оборвется? Обрати внимание, машина лайнера работает, — подсказал ему Ниссе. — Если плот пропадет, капитан решит, что мы зайцы, и засадит нас до конца рейса чистить картошку. Нет, по-моему, лучше еще раз попытаться с ним переговорить. Пошли?

— Погоди, у меня другое на уме. Почему-то мне кажется, что наши папы и мамы беспокоятся, куда мы подевались. .. А? Не плохо бы послать им радиogramму. На таком большом лайнере должна быть радиорубка.

Ниссе кивнул:

— Блестящая идея! Давай составим радиogramмы.

Они попросили у официанта бумагу и карандаш и принялись за дело. Суматоха минут пятнадцать сочинял, потом отложил карандаш.

— Нет, в радиogramме всего не скажешь. Да и никаких денег не хватит передать все, что я тут написал.

Ниссе, не мешкая, предложил ему выход:

— А ты не вдавайся в подробности.

Что верно, то верно... В итоге был составлен текст, который можно было отправить в оба адреса:

ПРОДОЛЖАЕМ ПОУЧИТЕЛЬНУЮ ИНТЕРЕСНУЮ
ЭКСКУРСИЮ ТЧК СОЖАЛЕНИЮ ПО ПУТИ МАЛО ПОЧТ
ТЕЛЕГРАФОВ ТЧК ДАЛЬНЕЙШЕМ БУДЕМ ПИСАТЬ ЧАЩЕ
ТЧК СКОРО ВЕРНЕМСЯ ТЧК СУМАТОХА

НИССЕ

Они медленно перечитали этот шедевр краткости, набираясь сил для поединка с очередной порцией мороженого.

— Может быть, все-таки сообщить, где мы, — сказал Ниссе.

«Отличное предложение», — решил Суматоха и вежливо спросил официанта, как называется судно.

— Плывете больше месяца и не знаете, как называется? — Официант хитро подмигнул. — Ладно, я вам скажу по секрету, только обещайте больше никому не говорить.

Он наклонился над столиком и прошептал:

— «Летучий Голландец»!

Еще раз подмигнул и, посмеиваясь, пошел дальше между столами.

— Пойдем лучше к радиотелеграфисту, — предложил Ниссе. — И вообще главное — координаты, а не название корабля.

Друзья отправились искать радиорубку. Они плутали довольно долго, наконец им попался полицейский. Не стоящий, конечно, переодетый, но он объяснил, куда и как идти. Выполняя его совет, ребята поднялись на самую верхнюю палубу, где висели шляпки. Здесь в шезлонгах, ведя

тихую беседу, сидели два человека. Один был одет ковбоем. Он сидел к ним спиной и заслонял второго, поэтому они не могли разобрать, что на том надето. Хотя ребята до сих пор не видели ничего хорошего от лжековбоев, они храбро подошли поближе, чтобы спросить, где радиорубка.

— Что такое! — воскликнул Суматоха и остановился.

Удивление Ниссе выразилось иначе, он схватил друга за руку и ахнул:

— Да это же...

— Бомбасто и Фишер, — договорил за него Суматоха.

— И что мы не сообразили... Давно бы надо раздобыть себе одежду получше да почище, — пробурчал Ниссе.

Окруженные со всех сторон бутылками, их принарядившиеся спутники вяло кивнули ребятам и снова понурились. Было видно, что они нашли применение своим кубкам.

— Вам не удалось узнать, как называется судно и где мы находимся? — обратился к ним Суматоха.

— Мы на американском лайнере «Тропикана», находимся к северу от Маркизских островов, — ответил Фишер. — Как раз сегодня судно пересекло экватор, и сегодня же пройдена половина пути от Панамы до Австралии, вот капитан и устроил праздник с фейерверком.

Но Фишер и Бомбасто почему-то вовсе не были настроены на праздничный лад.

— Что это с вами? — спросил Суматоха. — Или вас тоже преследуют дамы с «Дикого Запада»? Вы же так радовались, что нас спасли.

Бомбасто поднял руку, в которой был зажат скомканный номер судовой газеты.

— Переворот подавлен. Без меня ничего не вышло, как я и опасался. Все мои друзья кто в тюрьме, кто в изгнании.

— Мои дела не лучше, — подхватил Фишер. — Фирма прогорела. Все пропало.

— Откуда вы это знаете? — удивился Суматоха. — Неужели судовая газета даже такие новости печатает?

Фишер сделал добрый глоток из кубка, потом ответил:

— На лайнере есть радиотелефон. Я слышал своего компаньона из Чикаго так же ясно, как если бы он стоял рядом... Скорей позвоните своим родителям. Вход в радиорубку вон там.

— Спасибо, я думаю, мы лучше пошлем радиограмму, — сказал Ниссе.

— Нам не нужен срочный ответ, — объяснил Суматоха.

Они вышли из радиорубки, став беднее на семнадцать долларов двадцать центов.

Бомбасто и Фишер, заметно повеселев, ходили взад-вперед по палубе и о чем-то оживленно переговаривались. Заметив ребят, они подошли и взяли их за руки.

— Бомбасто и я одинаково пострадали, — дрожащим от волнения голосом заговорил Фишер. — Нам надоела жизнь, которую мы вели до сих пор, надоели все эти тревоги и хлопоты. И мы только что приняли смелое решение. Расстанемся с цивилизацией и поселимся на райском островке здесь, в Южных морях. Карта показывает, что поблизости есть много островов и к ним вполне можно подойти на плоту. Если оставаться на борту, нас задержат, как зайцев, и отправят домой из Австралии. Вот только запасемся необходимыми припасами и отчалим. Спасибо за все, ребята, до свидания!

И еще раз крепко пожав руки Суматохе и Ниссе, они удалились. Ребята до того опешили, что сели в освободившиеся шезлонги, чтобы хорошенько поразмыслить.

Наконец Суматоха сказал:

— Надо преподнести им прощальный подарок — примус и консервы, не то в первый же день они передерутся из-за еды. Пошли, найдем судовую лавку. На всех лайнерах есть буфеты. У нас еще куча денег.

Они легко отыскали буфет, но он, конечно, был заперт. Средневековый рыцарь, которого они встретили в переходе, не снимая шлема, глухим голосом сообщил, что буфетчик в большом салоне, и ребята снова храбро окунулись в толпу. Чико все еще сидел в оркестре и с блаженным лицом дул

в чужой саксофон. На беду, ковбойская мамаша и ее дочери тоже оказались тут; они взяли ребят в кольцо, точно пастухи, загоняющие скот. По крепкой хватке юных любительниц танцев друзья поняли, что теперь им не ускользнуть. Лишь после третьего или четвертого тура ребята приблизились друг к другу настолько, что сумели обменяться несколькими словами по-шведски.

— Кажется, мне тоже скоро надоест цивилизация, — простонал Суматоха.

Их тут же развели, и Ниссе ответил только через три минуты:

— Да, мы влипли...

Спустя два танца со множеством туров Суматоха доверительно сказал своему товарищу по несчастью:

— Знаешь, что мне пришло в голову? Ведь Фишер и Бомбасто без нас не справятся, пропадут.

— Ты угадал мои мысли. Бежим с ними! — прокричал Ниссе, прежде чем его увела неутомимая партнерша.

Итак, решено! Но не бросать же в беде Чико. И Суматоха, танцуя, ухитрился подойти к эстраде. В двух словах он поделился своим замыслом с юным индейцем.

— Конечно, поеду, капитан! — как всегда охотно и весело, ответил Чико.

— Отлично! Попроси Бомбасто и Фишера подождать нас на плоту, — распорядился Суматоха и повел Дейзи прочь от эстрады.

Однако его партнерша уже заподозрила что-то неладное и следила за своим кавалером в оба. А Суматоха, как назло, ничего не мог придумать. Он перебрал в памяти все, что прочел о побегах, но там речь шла о тюрьмах, крепостях, концентрационных лагерях, подвалах, запертых комнатах, и ни в одной книге не было сказано, как спастись от юной любительницы танцев с железной хваткой. Просто возмутительно, до чего все эти авторы отстают от жизни!

А Ниссе смеялся и шутил, словно все трудности уже были позади. Он явно считал, что дело начальства приду-

мать план бегства. И когда они снова сблизились, Суматоха вместо совета услышал:

— Вот только от шоколадного мороженого жаль уплыть.

Идея! Сам того не зная, Ниссе назвал единственную приманку, которая могла заставить девочек покинуть салон. Главное — выйти за дверь, а там уже будет легче...

— Ты любишь мороженое? — спросил он Дейзи с самой приветливой улыбкой.

Оказалось, что не только Дейзи, но и Эдна обожает мороженое.

— Тогда пошли в бар! Мы угощаем, сколько съедите, — щедро предложил Суматоха.

Девочки захлопали в ладоши от радости и вышли с мальчиками в переход. На всякий случай обе крепко держали своих кавалеров за руку. Суматоха с ужасом подумал, что, может быть, придется затеять потасовку с девчонками. Хуже всего то, что он далеко не был уверен в своей победе.

— Толкнем их в плавательный бассейн, когда будем проходить мимо... — прошептал Ниссе.

Неплохая мысль, да только как бы им самим не очутиться в бассейне.

В довершение ко всему девочкам вдруг приспичило полюбоваться морем, и они остановились у борта. Суматоха даже зажмурился от отчаяния. Они стояли как раз над плотом!..

— Там внизу плот, — удивилась Дейзи.

— Правда? — Суматоха заставил себя посмотреть вниз.

— Это так в темноте кажется, — заверил Ниссе. — На самом деле это просто старые бревна, случайно зацепились за корпус. А может быть,дохлый кит.

— Бьюсь об заклад, что это плот! — решительно заявила Эдна.

— Я тоже бьюсь об заклад, что это плот, — подхватил Суматоха. — На сколько спорим, Ниссе? Десять долларов, идет?

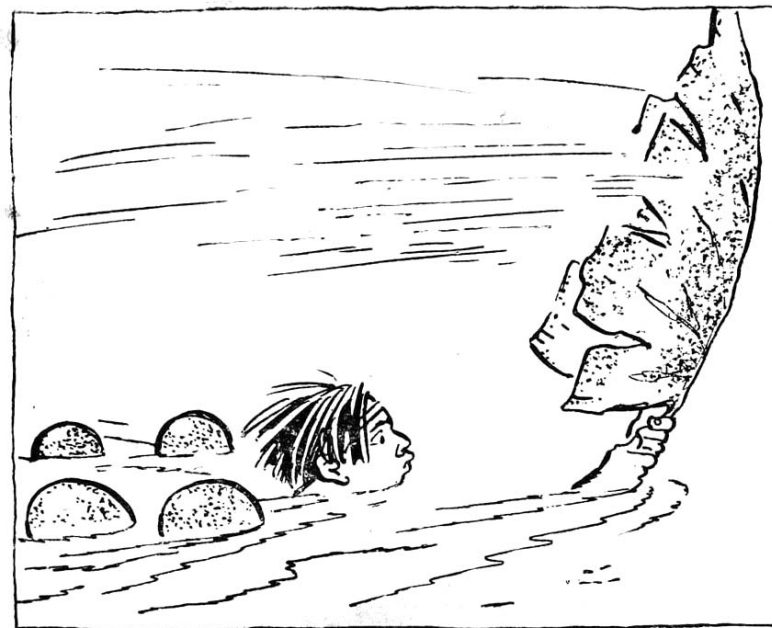
Потрясенный предательством Суматохи, Ниссе издал лишь какой-то булькающий звук. На что его товарищ не замедлил сказать:

— Всё, поспорили. А теперь спустимся и проверим. Не испугаешься?

Ниссе вдруг изменил свое отношение к пари и даже прежде Суматохи очутился на трапе.

— Какие вы храбрые! — Девочки восхищенно захлопали в ладоши, провожая взглядом спускающихся по трапу ребят.

Внизу Суматоху и Ниссе с нетерпением ждали Бомбасто, Фишер и Чико. Лайнер успел развить немалую скорость, и плот трещал и трясся так, что они боялись, как бы он не рассыпался. Едва ребята ступили на палубу, Фишер, облегченно вздохнув, перерезал чалку. Плот неожиданно остановился, и все попадали. А когда они наконец разобрались, где чьи ноги и руки, и встали, «Тропикана» уже была далеко. На фоне открытой двери салона, словно марионетки в кукольном театре, прыгали и махали руками Дейзи и Эдна. Радостно улыбаясь, Ниссе и Суматоха вежливо помахали им в ответ.

Седьмая глава

КУЧА ОТКРЫТИЙ

Как только ночной мрак поглотил «Тропикану», Фишер зажег штормовой фонарь, который ему любезно уступил маскарадный капитан. И Суматоха увидел, что на палубе у ног Фишера лежат секстант, компас, морская карта и несколько мореходных справочников. Похвалив его за предусмотрительность, он справился, далеко ли до ближайшего острова.

— На это я смогу ответить только завтра, когда возьму

высоту солнца, — сказал Фишер, — Но вы не тревожьтесь. Прямо по курсу у нас куча островов.

— Мне кажется, лучше передать вам командование, — неохотно произнес Суматоха.

Но Фишер не хотел и слышать об этом. Сказал, что Суматоха официально избран капитаном на весь рейс и что рейс еще не окончен. Его, Фишера, вполне устраивает должность штурмана.

Бомбасто, Ниссе и Чико тоже заявили, что до сих пор Суматоха был хорошим капитаном, пусть и дальше остается в этой должности.

— А что еще вы захватили? — спросил Суматоха.

Снова почувствовав себя капитаном, он решил безотлагательно произвести учет всех запасов.

Чико поднял с палубы рыцарский шлем, который капитан Суматоха сперва не заметил, и подал ему.

— На что нам эта старая железка? — с явным разочарованием осведомился Суматоха.

— Лучше бы выменял себе костюм аквалангиста, — укоризненно сказал Ниссе. — Я видел один в салоне, как раз подошел бы.

Но Чико только молча улыбнулся и продолжал держать шлем перед носом Суматохи. Ноздри капитана расширились, на лице появилось блаженное выражение, и он вдруг воскликнул:

— Шоколадное мороженое!

Ему сразу страшно захотелось съесть что-нибудь. Нет, не что-нибудь, а именно шоколадное мороженое!

Ниссе дернул шлем к себе и поднес к свету. Точно — чудесное мороженое! Внезапно он тоже проголодался. Ничего удивительного, если вспомнить, сколько сил он истратил понапрасну, кружась в танцевальном зале.

— На остальные деньги я купил лимонад, — гордо доложил Чико, показывая на большой ящик, на котором он сидел.

Суматоха горячо его похвалил и начал было подсчиты-

вать, сколько бутылок в ящике. Однако тут же взгляд его опять обратился на шлем, он нахмурился и сказал:

— Да, но ведь мороженое долго не продержится.

— Стойте, где это видано — начинать с третьего! — воскликнул Бомбасто и предостерегающе поднял руки.

Впрочем, он их сразу опустил и, хитро улыбаясь, исчез во мраке. Через минуту генерал появился вновь, держа огромный серебряный поднос, на котором стояли блюда с бифштексами, цыплятами, паштетами, семгой, спаржей, артишоками и зеленым салатом.

Суматоха поочередно осмотрел каждое блюдо и наконец бодро произнес:

— Как раз то, что нам надо. Надеюсь, капитан «Тропиканы» не кинется за нами в погоню, когда узнает, что мы увезли весь праздничный ужин.

— Так ведь это он нас и угощает, — рассмеялся Бомбасто. — Капитан лично сказал мне, чтобы я шел в столовую и не стеснялся. А приказ капитана — закон. Жаль, что я мог унести только один поднос. Но не будем больше тратить время на болтовню. Приступайте! Хорошо бы очистить все блюда до рассвета, а то в тропической жаре такая роскошная еда без холодильника и двух часов не выдержит.

Впервые за два месяца — что-то нерыбное, и к тому же у них разыгрался страшный аппетит. Правда, ребята сомневались, что им удастся до конца выполнить мудрый совет Бомбасто, но генерал показал такой отличный пример, что развеял их колебания. К тому же можно было запивать еду лимонадом, который припас Чико. Блюда опустошались с поразительной быстротой, и так же быстро поднималось настроение. Бомбасто только поспевал удовлетворенно кряхтеть между глотками. Но Фишер на несколько секунд оторвался от своего бифштекса и мечтательно произнес:

— Ничего не скажешь, трудно придумать лучший способ отметить расставание с цивилизацией. Нам, наверно, будет недоставать многих привычных удобств и предметов. Зато какая чудесная жизнь нас ожидает! Мы станем по-настоя-

щему вольными людьми. Никаких тебе будильников по утрам. Не надо следить за временем. Не надо никуда торопиться и спешить. Никаких налогов. Никаких просроченных счетов. Никакой толкучки. Никакого шума. Ни холода, ни мрака...

— Ни школ, ни уроков, — чуть слышно добавил Суматоха, жуя цыпленка.

— Все это очень здорово, — согласился Ниссе. — Но вы не знаете моего папу. Он меня под землей найдет. И вообще. ..

Он долго вертел в руках обглоданную косточку, вместо того чтобы попросту выкинуть ее в море, потом перевел взгляд на Суматоху и негромко продолжал:

— А ты совсем не скучаешь по дому?

— Почему же, я часто вспоминаю и папу, и маму, и бабушку, даже Ленализу, — признался Суматоха. — Но ведь мы, наверно, скоро встретимся.

Видя, как удивленно глядит на него Ниссе, он объяснил:

— Понимать надо, им ведь тоже не вредно перебраться в Южные моря! Папа всю зиму жаловался на переутомление, а мама не может без вздоха пройти мимо шкафа, где лежат за стеклом тихоокеанские раковины. Ленализа до дыр докрутила наши пластинки с полинезийскими мелодиями, — бабушка только и толкует, что про сокровища и клады на островах. Уверен, они сразу примчатся, как только узнают, где мы.

— Твой папа не такой, как мой, — возразил Ниссе. — Мой не усидит на острове. У него только коммерция в голове, без газеты он не может дня прожить.

— Ты так думаешь? Возьми Фишера, он поначалу тоже все о коммерции думал, а теперь разве не доволен? Глядишь, и дядя Ролле прогорит, на наше счастье.

От такой перспективы у Ниссе сразу поднялось настроение. И он совсем приободрился, когда Суматоха добавил:

— Доберемся до места, первым делом отправим бутылочную почту, сообщим, где мы и что им надо взять с со-

бой. Бутылок у нас вдоволь, спасибо Чико. Теперь надо их поскорее опустошить. Твое здоровье!

И он подал Ниссе бутылку, а вторую откупорил сам.

Общими усилиями плотогоны справились с роскошным угощением. Поворачиваясь с боку на бок и постанывая, они искали положение, чтобы усвоить пищу, когда Чико напомнил, что еще есть полный шлем мороженого. Разумеется, оно успело растаять. Но Бомбасто бодро заявил, что это только к лучшему, так с ним легче управиться. В доказательство он разлил содержимое шлема по кубкам и осушил свой одним глотком. Уже светало, когда они благополучно справились и с этим делом и удобно вытянулись на спине (на живот они, понятно, никак не могли лечь).

Суматоху разбудил какой-то ровный гул, напоминающий рокот судовой машины, и он живо сел. Неужели капитан «Тропиканы» все-таки явился за ними? Однако море было пусто, зато на палубе в нескольких шагах от него весело гудел примус. Рядом с примусом стоял на коленях Бомбасто и помешивал что-то на серебряном блюде.

— Как, разве были остатки? — Суматоха непроизвольно взялся за живот, до сих пор болевший после вчерашнего пира.

— Э, нет, это не остатки, — весело ответил Бомбасто, жадно облизываясь. — Я же захватил с «Тропиканы» не сколько ящиков консервов. Ты только подумай, я чуть не проспал обед! Уже первый час. Ничего, сейчас мясо будет готово. Понюхай, пахнет-то как!

И он поднес блюдо к самому носу Суматохи.

— Ой, уберите, меня мутит от одного вида еды, — взмолился Суматоха, отворачиваясь.

Его взгляд остановился на Фишере, который сидел, удобно прислонившись спиной к каюте, и что-то писал. Сложные расчеты заняли целый лист в его записной книжке. Рядом с ним на палубе лежал секстант и справочные таблицы.

— Только что взял высоту солнца, — сказал он, подведя

итог. — До следующего острова на нашем пути триста двенадцать миль.

— Хорошо, успеем как следует выспаться. — Суматоха облегченно вздохнул и опять закрыл глаза.

Но совесть не давала ему уснуть. Как-никак он капитан, отвечает за судьбу команды! Вдруг они наскочат на какое-нибудь судно? В этой части Тихого океана движение гораздо оживленнее. Днем опасность не так велика, а ночью, если не вывесить топовый огонь, можно попасть в беду. Молодец Фишер, что захватил штормовой фонарь. Лучше всего укрепить на крестовине мачты блок, можно будет поднимать и опускать фонарь на веревке, не влезая на мачту. Но, конечно, сначала надо смастерить блок!

Суматоха обожал такие технические задачи. Спать ему совсем расхотелось, и, забыв про боль в животе, он встал, отыскал подходящий кусок дерева, собрал весь наличный инструмент и принялся строгать. Странное изделие, которое у него получилось, меньше всего напоминало блок. Ничего, лишь бы работало!

Суматоха вскарабкался на мачту и тщательно привязал на крестовине корявый блок. Закончив это нелегкое дело, он вяло посмотрел вдаль и вдруг свистнул от удивления.

— Тихо, чего расшумелся! — донесся снизу сердитый голос Фишера, который, по примеру Бомбасто, Ниссе и Чико, лег досыпать. — Ну скажи, зачем ты меня разбудил?

Но Суматоха, вместо того чтобы молчком сползти вниз, неожиданно громко спросил:

— Как выглядит мираж?

— Какая-нибудь там пальмовая роща, — пробурчал Фишер.

— Но миражи бывают только в больших пустынях. Скажем, в Сахаре... Ну, хватит, спускайся с мачты, поспи.

— Если это не мираж, значит, я вижу впереди настоящие пальмы, — ответил Суматоха.

Его слова заставили Фишера сесть. Но лишь вскарабкавшись на крышу каюты и внимательно осмотрев горизонт на западе, он неохотно признал правоту Суматохи.

— Видно, я где-то ошибся, когда рассчитывал нашу позицию, — озадаченно произнес он.

Достав свои таблицы, Фишер три раза повторил свои выкладки, потом еще более озадаченно сказал:

— Да нет же, расчет верен. Но если перенести мои координаты на карту, там ничего нет. До ближайшего острова триста двенадцать миль, как я и говорил.

— Тогда, выходит, мы открыли новый остров, — заключил Суматоха.

Весь этот шум разбудил Бомбасто, Ниссе и Чико, и они страшно обрадовались неожиданному открытию. А ветер нес плот прямо к острову, и он становился все больше и больше. Километров пять в длину, не меньше... Наконец они разглядели, что это низкий атолл, поросший кокосовыми пальмами и лиственными деревьями. Берег был выстлан мягким белым песком. С мачты Суматоха отчетливо видел внутреннюю лагуну и полоску суши за ней. Людей нигде не было видно.

— Вот рай, вот рай! — ликовал Чико.

Остальные тоже так считали. Одно только их смущало: перед островом, весь в белой пене от разбивающихся волн, тянулся в обе стороны зубастый коралловый риф.

— Это даже хорошо, что остров труднодоступен, — задумчиво сказал Фишер, рассмотрев могучую преграду. — Меньше опасности, что нас кто-нибудь потревожит.

— Что же тут хорошего? — возразил Ниссе. — А вдруг мы не сможем причалить?

— Смелость города берет! — отчеканил Бомбасто. — Идем через прибой напрямик. Ради такой цели стоит рискнуть. В рай всегда трудно, попасть. Райские уголки забронированы для счастливых, которые их достойны. Будь они открыты для всех, туда набилась бы столько народу, что это был бы уже не рай.

Все взгляды обратились на Суматоху, а он медленно сполз по мачте на палубу и буквально окатил их холодным душем:

— Сквозь прибой-то можно пройти. Я сам видел, так островитяне идут на гребнях куда повыше этих. На плоту даже гораздо меньше риска, чем на лодке, плот не боится пробоин. Но вдруг остров на деле совсем не такой райский, каким кажется? И останемся мы с носом. Ведь плот придется сажать на риф, а потом его не снимешь.

— Чего же ты все-таки боишься? — удивился Фишер.

— Чем тебя не устраивает остров? — сердито спросил Бомбасто.

Сидя на мачте, Суматоха успел все продумать, и теперь он в ответ произнес чуть ли не целую речь.

— Во-первых, на коралловом острове мало плодов и овощей. Пока что я из полезных деревьев разглядел только кокосовую пальму, а на одних кокосовых орехах долго не просидишь. Во-вторых, на коралловых островах почти не бывает родников. Можно собирать дождевую воду, но кувшинов-то у нас раз, два и обчелся. К тому же на многих архипелагах Южных морей подолгу стоит засуха. В-третьих, нам не известно, можно ли есть здешних рыб. Бывают очень ядовитые рыбы. В-четвертых, на острове может оказаться столько комаров, что они нас съедят. В-пятых, возможно, он кишит крабами — не успеешь прилечь, как тебя ущипнут за ноги и за нос. И никакая ограда не спасет, они пророят,, ходы под ней. Может быть, остров потому и необитаем, что на нем попросту нельзя жить. Так что вернее всего сходить туда на разведку, а потом уж решать, останемся мы на нем или нет. Из всех нас один я раньше бывал в Южных морях, поэтому назначаю разведчиком самого себя. Помогите мне снять дверь с каюты, попробую проскочить на ней. Я быстро осмотрю остров, а вы идите дальше вдоль рифа. Ветер ко-сой, так что прибой легко будет обойти, если примостить на корме весло. Для весла можно выломать две-три доски из настида. Если остров годится, я помашу одной рукой — вот так. Тогда идите напрямик и сажайте плот на риф. А если остров не годится, я делаю руками крест, вот так, и быстро возвращаюсь к вам.

Здорово он говорил, совсем как настоящий капитан с золотыми галунами и в фуражке с «крабом».

Верный друг Суматохи, Ниссе, сразу сказал:

— И я пойду с тобой.

— Я тоже, если разрешите, — попросился Чико.

— Может, в самом деле лучше, чтобы на разведку пошло несколько человек? — Суматоха нерешительно посмотрел на Фишера и Бомбасто.

Оба кивнули. А генерал добавил:

— Я заряжу все пистолеты и буду вас защищать, если нападут бандиты или акулы.

— Спасибо, только не открывайте огня, пока мы не попросим, — сказал Суматоха, который еще помнил случай на Галапагосских островах.

Ребята живо сняли дверь с каюты, спустили ее на воду, и сами прыгнули в море. По команде Суматохи Ниссе и Чико легли животом на дверь рядом с ним и приготовились работать ногами.

— Пошли медленно вперед, будем ловить вон ту большую волну, — распорядился Суматоха.

В ту самую секунду, когда могучий вал с пенным гребнем настиг их, Суматоха крикнул друзьям: «Полный вперед!» — и сам первый принялся отчаянно колотить ногами в воде. Он верно рассчитал, они поймали волну, и она их подвезла до самого рифа. И снова его расчет оправдался; высокий гребень перенес всех троих невредимыми через острые зубцы.

Когда волна спала, дверь была уже в лагуне, и ребята спокойно дошли вброд до берега. Здесь раскаленный песок заставил их бегом домчаться до пальм, окруженных благодатной тенью.

Суматоха тотчас влез на гибкую кокосовую пальму, сорвал два зеленых ореха и привычно проколол в них дырки острой палочкой. Утолив жажду, он втер немного кокосового сока себе в руку и вытянул ее в сторону.

— Зачем ты так делаешь? — удивился Ниссе.

— Проверяю, есть ли комары. Они сразу прилетят на запах.

Друзья зашагали дальше. Суматоха то и дело останавливался и вытягивал руку, но комары не появлялись. И крабы тоже. Зато им преградили путь густые заросли.

— Пойдем прямо, — предложил Суматоха. — Если и в кустах нет комаров и крабов, можно быть спокойным.

Ребята протиснулись в заросли. Комары их не кусали, крабы не щипали, но они почувствовали, что почва стала совсем сырая. За кустарником открылась поляна с большой лужей посередине. Они нагнулись, попробовали — отличная вода, вполне можно пить!

За поляной росли высокие деревья с многодольными листьями, как у клена. Суматоха остановился и, широко улыбаясь, сказал:

— Если мы останемся на этом острове, нам не нужно беспокоиться о хлебе.

— Почему это? — спросил Ниссе.

— Это же хлебное дерево. Правда, плодов еще нет, но вы поглядите, завязей сколько! Семян они не дают, размножаются ростками. Так что человек проницательный сразу догадается, что на острове раньше жили люди.

Пройдя еще немного, они увидели глубокие заросшие борозды.

— Гляди-ка, ревень! — воскликнул Ниссе.

— Нет, это таро. Такой корнеплод, его разводят на всех островах Южных морей. Таро не уступает картошке. Видите, как запущен участок — значит, его давно забросили.

Продолжая разведку, ребята быстро вышли из-под пальм на берег внутренней лагуны и спугнули полчища морских птиц. Их были тут сотни, если не тысячи, — мальчики очутились словно в сплошном облаке машущих белых крыльев.

— Придется отвыкать от каши, зато яйца на завтрак есть. — Посмеиваясь, Суматоха подобрал и разложил на ладони три-четыре яйца в зеленую крапинку.

— А их можно есть? — спросил Ниссе.

— Еще как! Не хуже куриных. Если в лагуне столько же хорошей рыбы, сколько на берегу яиц, то мы с голоду не помрем.

Он поднял с песка несколько обломков коралла и метнул их в лагуну. С десяток рыб одновременно выскочило из воды.

— Ух ты, сколько тут рыбы! — обрадовался Суматоха. — И я заметил старых знакомых. Пальчики оближешь... Не знаю, как вам, а мне кажется, что лучший остров трудно найти. Как по-вашему?

Ниссе и Чико думали точно так же.

— Тут и построим себе дома, самое подходящее место, — одобрительно сказал Суматоха, хорошенько осмотрев берег. — Эта часть острова лучше защищена от штормов и циклонов, чем внешний берег. Источник рядом, а если пророем канаву, то и вовсе не надо каждый день воду таскать.

И он начал измерять шагами расстояние до источника, а друзьям дал другое поручение:

— Вы с Чико пока осмотрите вон ту прогалину. По моему, вполне выйдет футбольное поле.

При слове «футбол» Ниссе просиял и с похвальной прытью выполнил приказ капитана. Однако итог его почему-то не обрадовал.

— Сто шагов на пятьдесят, места вполне хватит, — мрачно доложил он. — Но ты забыл, нас всего пятеро. Что за удовольствие играть вчетвером в одни ворота... Да и мяча нет.

Суматоха нисколько не был обескуражен. — Мой милый Ниссе, — спокойно ответил он, — да ведь мы пригласим сюда всю нашу компанию! Я просто уверен, что Калле и Черный, Клас и Юкке, Ниссе-маленький и Венка — словом, все, кроме Эдгара, конечно, сразу согласятся сюда приехать. Каждый день играть в футбол, ловить рыбу, нырять, лазить по деревьям!.. Как только соберется побольше народу, можно основать свое вольное государство, с правительством и президентом, а тут будет столица.

— Всех ребят привезти — сколько денег надо! Откуда ты их возьмешь? — возразил, подумав, Ниссе.

— Это проще простого. Вольное государство может выпускать свои почтовые марки. Все коллекционеры в мире набросятся на наши марки для бутылочной почты. Деньги потекут со всех сторон. Хватит не только на дорогу ребятам, но и на футбольные мячи, подводные ружья — все, что надо.

— И хитрец же ты! Я бы ни за что не додумался, — восхищенно произнес Ниссе.

Суматоха с видом полководца продолжал:

— Я считаю...

Но они так и не узнали, что он считал, потому что в эту самую секунду с моря донесся выстрел.

— Плот, плот, мы совсем забыли про плот! — спохватился Ниссе.

Суматоха от стыда вообще ничего не сказал, а развил с места рекордную скорость и помчался через остров.

— Это, наверно, Бомбасто, — пропыхтел он, когда Ниссе поравнялся с ним. — Хотел бы я знать, по кому он стреляет на этот раз? Надеюсь, не по островитянам!

— Может, просто птицу подстрелил, — попытался его успокоить Ниссе. — Если только это не сигнал тревоги...

С барьерного рифа они сразу увидели, в чем дело. Плот слишком далеко отнесло от острова. Не иначе он попал в коварное течение, идущее против ветра. Фишер возился с парусом, а Бомбасто стоял на крыше каюты и собирался повторить сигнальный выстрел. Но тут он заметил ребят и, сунув пистолет за пояс, замахал им руками. При этом он что-то кричал. Что именно, не разобрать, слишком далеко, да они и так поняли: просит их поскорее вернуться на плот.

— Было бы лучше всего, если бы они бросили плот и плыли к острову. — Суматоха говорил с трудом, еще не отдышался после бега.

— Но так как Бомбасто не умеет плавать, надо придумать что-то другое, и побыстрее, — добавил Ниссе.

Чико, как обычно, промолчал.

— Чертовски обидно из-за какого-то Бомбасто оставлять такой райский остров, — горько сказал Суматоха. — Но капитан не бросает в беде свою команду и судно.

— А подводное ружье, ножи и все остальное ты забыл? Их тоже не стоит бросать, — добавил Ниссе. — Я уже не говорю про карандаш с бумагой и бутылки. Как ты без них отправишь бутылочную почту ребятам? И как позовешь на помощь, когда нам надоест тут торчать одним?

Пока они говорили, Чико сходил на берег и принес дверь.

— Нет, дверь мне нужна для другого, — остановил его Суматоха. — Мы обойдемся — добежим по рифу поближе к плоту и догоним его вплавь, так даже быстрее. Вы бегите, я сейчас...

— А почему не с нами? — справедливо удивился Ниссе.

— Потом скажу. Выполняйте. Живо.

Ниссе нехотя затрусил вдоль рифа, и Чико последовал за ним, а Суматоха выхватил из кармана свой ножик и принялся торопливо вырезать на досках буквы. Нельзя сказать, чтобы они вышли красивыми или хотя бы ровными, но в целом получилась вполне разборчивая надпись:

ЭКВАТОРИАНА
НОВЫЙ ОСТРОВ
ОТКРЫТ КАПИТАНОМ
ВИЛЬГЕЛЬМОМ ЗАЛЬДЕМАРОМ БУТМАНОМ
И ЕГО КОМАНДОЙ:
ОМБАСТО, ФИШЕРОМ, ЧИКО, НИССЕ

В двери торчало много загнутых гвоздей. Суматоха выпрямил их щепкой, подбежал к ближайшей пальме и большим камнем приколотил к стволу объявление. С гордой улыбкой он бросил последний взгляд на свое творение и побежал на риф. Однако он быстро перестал улыбаться, увидев, как далеко до плота. Риф был скользкий и весь

изрытый волнами, бежать босыми ногами было неудобно и дико больно. Но капитан стиснул зубы и прибавил ходу. Больше всего его беспокоило, что Ниссе и Чико, не одолев и половины пути, на глазах замедляли бег.

Приблизившись к ним, он сердито крикнул:

— Бегите скорее, вы, тихоходы!

Чико испуганно оглянулся на крик, всего на миг обернулся, но этого оказалось достаточно, чтобы он оступился и упал. Когда Суматоха подбежал к ним, Ниссе уже установил диагноз:

— Ногу вывернул, да как здорово!..

Юный индеец храбро попытался встать, но поврежденная нога не держала его. Суматоха и Ниссе растерянно глядели друг на друга. Что делать? Вдруг раздался голос Чико:

— Оставьте меня здесь, скорее плывите к плоту. На острове все есть, я не пропаду. Дождусь какого-нибудь парохода. ..

— Ерунда, — возразил Суматоха, у которого почему-то сжалось горло. — Или добираемся до плота втроем, или все остаемся здесь.

Воцарилось томительное молчание.

— Если мы будем стоять так и зевать, последний шанс упустим, — заговорил наконец Ниссе. — Попробуем плыть к плоту вместе с Чико, живей! Будем по очереди его тащить. Пусть ляжет на спину и дышит носом, а мы будем поддерживать его за подбородок, как утопающего.

Суматоха еще раз смерил взглядом расстояние до плота и решительно сказал:

— Нет, так мы не поспеем. Знаешь что? Положим Чико на поплавок и приладим к нему парус!

— Парус?

Но Суматоха уже сорвался с места и побежал в пальмовую рощу. Вернулся он оттуда, неся четыре сухих коричневых ореха и большой пальмовый лист. Ловко надрезав волокнистую кожуру орехов, Суматоха связал их попарно.

— Туземные ребятишки на таких поплавках учатся плавать, — объяснил он сторающему от любопытства Ниссе. — Один поплавок под лопатки, второй под колени, и наш Чико будет держаться на воде, как пробка... Ну, чего стоишь, бери его за ноги, помоги спустить на воду!

Пройдя через прибой, они осторожно опустили Чико. Он отлично держался на воде, не только нос, но и рот был свободен.

— Теперь бери в руки лист и поставь, словно парус, — велел ему Суматоха.

Юный индеец послушно выполнил приказ. Он радостно заулыбался, когда ветер наполнил его «парус». Через минуту «фрегат» Чико развил такую скорость, что Суматоха и Ниссе едва за ним поспевали, хотя плыли кролем. Бомбасто и Фишер до того опешили, что стояли разинув рот, вместо того чтобы прийти на помощь. Наконец Фишер опомнился, привязал к самой длинной веревке доску и бросил ее в воду. Ребята выиграли на этом полсотни метров, потому что как только они поймали доску, Бомбасто и Фишер живо их подтянули.

Выбравшись на плот, Суматоха и Ниссе сразу принялись, как умели, врачевать Чико. Фишер помогал им, а Бомбасто поспешил открыть целую гору консервных банок и поставил на примус сковородку. Дескать, необходимо «поскорее восстановить силы».

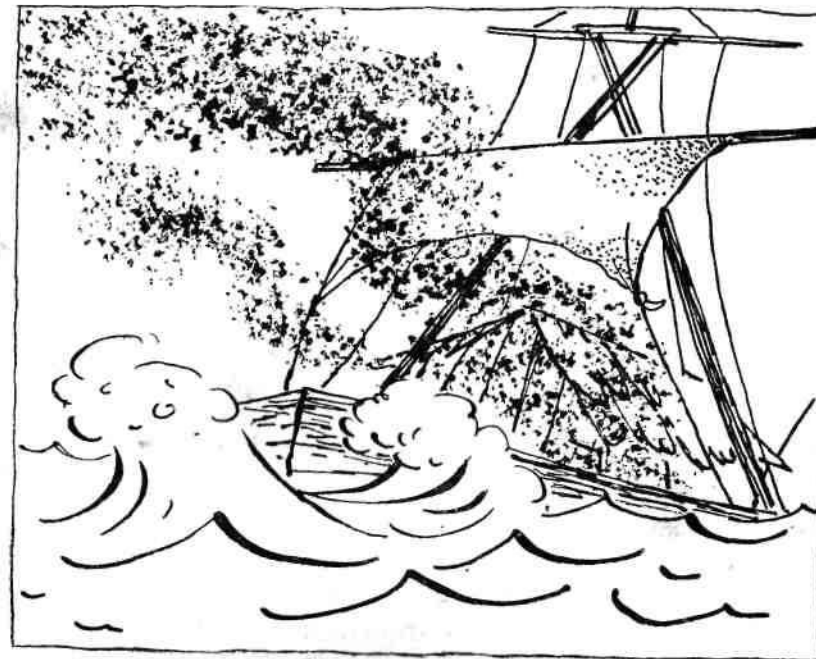
Уплетая мясо, ребята описывали остров такими яркими красками, что у Бомбасто и Фишера выступили слезы на глазах, когда райский клочок земли затерялся в океане.

— Ладно, хоть сделали новое открытие, — вздохнул Суматоха. — Теперь во всех учебниках истории и географии наши имена будут стоять в одном ряду с знаменитыми исследователями. Колумб, Магеллан, капитан Кук, Нурденшёльд, Свен Хедин, Вильгельм Вальдемар Бутман, Ниссе Ларссон...

Однако Фишер, вместо того чтобы разделить гордость Суматохи и упиваться мыслью о бессмертии, чуть улыбнулся. И перебил тираду капитана:

— Очень жаль, Суматоха, но я тебя должен огорчить. Пока вы исследовали остров, я сделал другое открытие. Оказывается, секстант был неисправен, когда я брал высоту солнца. Должно быть, я его стукнул ночью, когда прыгал с «Тропиканы» на плот. Пустяковая неисправность, одна железка сдвинулась на несколько градусов, я в два счета его починил. Потом сделал расчет заново и нашел остров на карте. Он называется Мёлден. В справочнике написано, что англичане открыли его еще в 1825 году. Конечно, полинезийские мореплаватели и раньше его посещали, но ко времени открытия остров был необитаем. А теперь держись, читаю заключительный абзац: «Недавно в Америке учреждено акционерное общество с целью построить на Мелдене игорный дом. Правление общества рассчитывает, что по меньшей мере 10 процентов, то есть 50 тысяч из полумиллиона туристов, ежегодно посещающих Гавайские острова, захотят посетить этот игорный дом. Будет организована специальная авиалиния: Гавайские острова — Мелден — Таити. Планы предусматривают постройку отеля на тысячу номеров, торгового центра, плавательных бассейнов; в лагуне будет гавань для моторных лодок». Понял? Выходит, мы должны только радоваться, что нас пронесло мимо!

На сей раз, в виде исключения, Суматоха не нашелся что ответить.

Восьмая глава

ТО ЖАРКО, ТО ХОЛОДНО

Как -только огорчение, вызванное неудачным заходом на Мелден, прошло, друзья опять воспрянули духом и засели изучать карту. Впереди было вдоволь островов, и на сей раз в справочнике ничего не говорилось про игорные дома или отели. Первым островом, к которому они могли подойти через неделю, был атолл Маура, площадью чуть меньше Мелдена, но, в отличие от него, обитаемый.

— Вот и хорошо, — обрадовался Суматоха. — Это то, что

нам надо. Радужные островитяне помогут нам построить хижины и сразу покажут, где лучше ловится рыба.

— А сколько там жителей? — вдруг полюбопытствовал Ниссе.

— В справочнике написано: около семисот, — сообщил Фишер.

— Отлично, наберем ребят на две футбольных команды! Верно, Суматоха?

— Знаешь, я даже не подумал об этом. А ты прав, можно сразу начинать состязания. Вот здорово! Когда еще ребята в Норрчёпинге получат наши письма с бутылочной почтой.

Нога Чико совсем прошла, и он радовался предстоящей встрече с новым островом не меньше, если не больше, чем Суматоха и Ниссе.

Но Фишер и Бомбасто не разделяли восторга ребят. Американец опасался, как бы островитяне не оказались чересчур цивилизованными, тогда прощай мечты о райской жизни. Вдруг там уже живет куча белых? Или островитяне потребуют денег за участок земли, который нужен, чтобы поставить хижину и разбить огород. Как быть тогда? Генерал, в противоположность Фишеру, почему-то был уверен, что они застанут на острове коварных дикарей. Мол, у себя на родине он сталкивался с коренными жителями, и эти, встречи неизменно кончались плохо. Только не подумайте, он ничуть не боится. Бомбасто всегда готов храбро защищать друзей. (Здесь он вытащил из-за пояса пистолеты и стал наводить их на воображаемую цель.) Но ведь всякому ясно: разве это жизнь, если придется строить укрепления и нельзя никуда выйти, не подвергаясь риску?

Затянувшийся спор — идти на Мауру или нет — решила сама природа. С каждым днем ветры и течения несли плот все ближе к острову, и в один прекрасный день плотогоня очутились перед атоллом. На вид Маура казался таким же райским уголком, как Медден, и в рифах было много проходов. Но Бомбасто и Фишер согласились причалить к берегу лишь после того, как Суматоха заверил, что если ост-

ров им придется не по вкусу, они могут выйти через другой проход с подветренной стороны. Капитан полез на мачт) высматривать опасные мели, а остальные вооружились досками и сели у бортов, ожидая команды грести. Однако судьба была к ним милостива, плот сам вошел точно в проход, и глубина внешней лагуны позволила им подойти вплотную к берегу.

— Стоп машина! — весело скомандовал Суматоха; он был страшно рад, что маневр прошел так удачно и долгое плавание наконец завершено.

В душе он твердо сказал себе: что бы ни говорили и ни делали остальные, он дальше никуда не поплывет.

Они живо пришвартовались за кокосовую пальму, которая наклонилась над лагуной, и спрыгнули на берег. От опушки в глубь рощи вела тропа.

Бомбасто подал Суматохе один из своих пистолетов.

— Держи и шагай впереди, а я пойду последним, буду прикрывать тыл, — сказал он.

Фишер и Суматоха считали, что опасения генерала ничем не оправданы. Их тревожило, как бы его страсть к пальбе опять не подвела всех. Однако Бомбасто справедливо возразил, что с той минуты, как они ступили на сушу, командирские полномочия Суматохи кончились, и каждый волен поступать по-своему. Тогда экс-капитан, чтобы предупредить какие-либо опрометчивые поступки со стороны генерала, поспешил вперед.

По протоптанной тропе идти было легко, и множество банановых насаждений и изгородей подсказали Суматохе, что она приведет их прямо в деревню.

— Йо-о-о-хо-о-о-о! — закричал он, увидев первую хижину.

Но хотя полинезийцы именно так кликают друг друга, ему почему-то никто не ответил. И лая не слышно было. В чем дело? Он подошел к хижине. Пусто. И в соседней хижине... и в третьей, и в четвертой тоже никого. На всякий случай Суматоха, продолжая кричать на полинезийский

лад, обошел хижины, минуя посадки бананов, папайи и хлебного дерева. Он почти замкнул круг и остановился в одном саду пощупать плоды папайи, когда чей-то суровый голос вдруг скомандовал из-за дерева:

— Руки вверх!
Суматоха живо юркнул за стол и выхватил свой пистолет, но тут же рассмеялся. Это же голос Бомбасто! Он тоже дошел наконец до деревни и принял Суматоху за туземца из-за этого «йохо». Смеясь, Суматоха поднял руки вверх и вышел на улицу, где стояли его друзья, готовые дать отпор любому врагу.

— Жаль, что вы не поймали настоящего островитянина, — сказал он, когда все устали смеяться. — Нам не пришлось бы ломать голову, куда все подевались. Похоже, что остров покинут совсем недавно. Видите, хижины почти новые. И сорняков в огородах не видно, все чисто, а ведь они очень быстро вырастают.

— Может быть, люди ушли отсюда, потому что пересохли источники? — предположил Фишер. — Бывает же так.

— Бывает, но не здесь. Я видел несколько источников, и в них хорошая, чистая вода.

— Наверно, все утонули. Вышли в море на лодках и погибли, — сказал Ниссе.

— Утонуть, конечно, можно. Но если их ожидало опасное плавание, зачем брать с собой всех стариков и детей, даже скот? Ведь в деревне нет ни души. Ты посмотри, курятники и свинарники тоже пустые.

— Что бы с ними ни случилось, мы тут одни и деревня теперь наша, — подвел итог Бомбасто. — Кому кисло, кому сладко.

И он вошел в ближайшую хижину. А через секунду все услышали его крик и бросились на помощь. Но оказалось, что это был крик радости. Сияя от счастья, Бомбасто сидел на кровати и подпрыгивал. Кровать — из грубых ветвей гибискуса, застеленная простой циновкой, но на ней, во всяком случае, было и мягче, и удобнее спать, чем на голом

: полу каюты, которыми с самого Эквадора служил постелью генералу. Он был вправе радоваться.

— Пройдем по остальным домам, и если там тоже есть кровати, испытаем их. Лучшие отберем и бросим жребий, кому какую занимать, — предложил Бомбасто.

— Нет, сперва надо разгадать тайну, — возразил Суматоха; безразличие Бомбасто вызвало у него досаду. — Подозреваю, что островитяне попросту переселились на другой конец острова. Но ведь должна быть какая-то серьезная причина, чтобы покинуть свою деревню. Мы должны выяснить, что случилось. Если люди отсюда почему-то ушли, то и нам лучше здесь не задерживаться.

— Да ну, ерунда, просто они испугались какого-нибудь своего бога или прорицателя, — сказал Бомбасто. — Эти островитяне ужасно темный и глупый народ.

Суматоха сердито затряс головой:

— Ну нет, они не глупее нас. Пусть даже все дело в суеверии, я должен в этом точно удостовериться. Предлагаю обойти весь остров. Кто со мной?

Все захотели идти с ним. *Все*, кроме Бомбасто. Он считал, что важнее испытать кровати.

«Обойдемся без генералов и без пистолетов», — решили остальные и пошли на разведку вчетвером. Всюду были тропы. Чтобы не пропустить какой-нибудь дом, разведчики ходили зигзагами. Среди пальм тут и там попадались участки таро и хлебного дерева. Судя по коже, островитяне совсем недавно сушили здесь ядра кокосовых орехов; остались даже шалаши, в которых они жили. Но никакой другой деревни ребята не нашли, отдельных хижин тоже не было. И сколько друзья ни гикали, ни аукали, ни йохокали, никто не отзывался. Выходило, что остров совсем заброшен. Суматоха предупреждал, что от сладкого кокосового сока еще больше захочется пить, но его товарищи упрямо осушали один зеленый орех за другим, прежде чем согласились, что он прав. Когда они, усталые и удрученные, наконец вернулись к деревне, то бросились к источнику и долго пили,

стоя на четвереньках. Потом с наслаждением приняли душ, а точнее, облили друг друга водой из высушенных тыкв, висевших на дереве возле источника. Прежде чем стряпать обед, разведчики легли отдохнуть на больших банановых листьях.

— Пока мы ходили, Бомбасто вполне мог бы приготовить обед, — проворчал Ниссе. — А он вместо этого знает себе спит. Слышишь, как расхрапелся, — наверно, нашел отменную кровать.

Еще бы не услышать! Бомбасто в самом деле храпел навсю деревню. Да и Ниссе был не прочь последовать его примеру, но в это время Суматоха сел и убежденно сказал:

— Нет, тут не только храп, еще что-то рокошет.

Все прислушались.

— Ну конечно, мотор, — немного погодя добавил Суматоха.

— Одно из двух, — сказал Фишер, — либо это моторная лодка, либо самолет. Другого быть не может.

Они недолго пребывали в неведении, уже через несколько минут в небе показались два самолета. Очевидно, и летчики заметили людей или, во всяком случае, плот, потому что они заложили крутой вираж и начали снижаться.

— Честное слово, это папа, — дрожащим голосом вымолвил Ниссе и даже побледнел.

— Ерунда, откуда ему знать, что мы здесь. — Суматоха покачал головой, удивляясь глупости друга.

— Но ведь мы отправили радиogramму с «Тропикань». Этого хватит, чтобы он мог нас выследить. Ты плохо знаешь моего папу.

Он говорил так уверенно, что Суматоха заколебался. А может быть, Ниссе прав и, может быть, его папа и бабушка тоже прилетели?

С оглушительным ревом самолеты промчались над самыми пальмами. Это были истребители, и ребята отчетливо различили, что в каждом сидит по два человека. Ни один из них не был похож на их пап, и Суматоха с Ниссе облегченно вздохнули.

Гул моторов разбудил наконец Бомбасто, и он выскочил на улицу, но, в отличие от Фишера и мальчиков, не застыл на месте с разинутым ртом, а принялся махать руками так, будто стонял ворон с огорода. Пусть летчики видят, что они тут нежеланные гости! Глядя на него, и Фишер что-то придумал. Быстро нашел себе палку и написал большими буквами на песке:

GO AWAY

Суматоха поспешил еще более крупно начертить:
WE ARE HAPPY AS WE ARE

Ниссе решил, что тут нужен более веский довод:

PRIVATE PROPERTY

Они объяснили Чико, что это означает: «УБИРАЙТЕСЬ, НАМ И БЕЗ ВАС ХОРОШО, ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ», -и тот приписал единственные английские слова, которые знал:

GOOD BYE!

Судя по сердитым лицам летчиков, они во время следующего захода успели прочесть послание. Однако, вместо того чтобы подчиниться, они тотчас вернулись и сбросили маленький контейнер. Он упал на крышу одной из хижин.

— Не могли уж лучше прицелиться, — бурчал Суматоха, взбираясь вверх по столбу.

Спеша узнать, что это за чудаки и чего им надо, он сразу открыл контейнер и пробежал глазами лежащую внутри записку. И словно окаменел!

— Ну, что там, почему ты молчишь? — нетерпеливо крикнул Фишер.

Громко, но отнюдь не твердо Суматоха прочитал вслух:

— «Вы находитесь в запретной зоне, откуда эвакуированы все жители. На этом острове вскоре будет проведена серия экспериментов с атомными бомбами. Мы только что связались по радио с адмиралом, которому подчинен остров

Рождества и прилегающая военная зона. Он приказывает вам оставаться на месте, пока за вами не придет миноносец».

Дочитав записку, Суматоха скатился по столбу чуть не на голову своей и без того ошарашенной и удрученной команде.

Долго они молчали, собираясь с мыслями, наконец заговорил Фишер:

— Если мы дождемся миноносца, все пропало. Вряд ли адмирал разрешит взять на буксир наш плот. Да «Экваториана» и не выдержит такой скорости — тридцать — тридцать пять узлов, он развалится! А без плота как мы поплывем дальше? Не думаю, чтобы адмирал дал нам что-нибудь взамен. А скорее всего отправит он нас домой.

— Не доверяю я адмиралам, — выразительно произнес Бомбасто.

— Так давайте выйдем в море, пока не поздно! — с жаром сказал Суматоха. — Океан большой, плот маленький — попробуй найди! Честное слово, улизнем. Там в контейнере еще и карта есть, на ней показана вся запретная зона. Нам только выйти из нее, потом никто нам не помешает пристать к любому острову.

Остальные дружно его поддержали.

— Но сперва надо спровадить этих летчиков, — решительно продолжал Суматоха. — Сотри, Ниссе, что мы на писали, пиши вместо этого самыми большими буквами: «ПОНЯЛИ». А мы тем временем соберем побольше кокосовых орехов, бананов и папайи.

Эти слова Суматохи всем пришлись по душе. Команда быстро разошлась, чтобы выполнить приказ, а уже через пять минут все с облегчением увидели, что истребители полным ходом удаляются на север.

— Отлично, тогда мы идем на юг! — воскликнул Суматоха. — Теперь быстрее, каждая минута дорога!

Сгибаясь под тяжестью своих нош, они вышли на берег. Плот нетерпеливо дергал чалку.

— Очень кстати сейчас отлив! — обрадовался Фишер. — Вода из лагуны идет в океан. Течение нас вынесет.

Они живо погрузили на борт фрукты и кокосовые орехи. По совету Чико сбегали еще в рощу за длинными жердями. Он очень верно сказал, что, отталкиваясь шестами, они скорее доберутся до нужного прохода в рифе, чем если пойдут на веслах. В последнюю минуту Суматоху осенила еще одна блестящая идея.

— Помогите перетащить эти бревна на берег! — крикнул он, показывая на лежащие на опушке стволы.

— Зачем? — в один голос воскликнули его спутники.

— Военная хитрость, — пропыхтел он, пытаясь сдвинуть с места бревно. — Мы их подожжем. Когда эти вояки опять прилетят, они подумают, что мы сожгли плот и спрятались где-нибудь на острове. Пока они будут искать нас, пройдет не один день. А мы за это время уйдем далеко.

Фишер и Ниссе довольно холодно отнеслись к этой хитрости, зато Бомбасто пришел в восторг:

— Молодец, парень! Это в моем духе. Не бойся сжигать корабли. Тем более, если их при этом можно сохранить. Ха-ха, славно мы надуем этого адмирала!

Пока Бомбасто поджигал бревна, Суматоха, взяв с собой Ниссе и Чико, побежал с ними вдоль берега, потом вдруг свернул под пальмы и по тропе возвратился через рощу к плоту. Пусть преследователи думают, что команда ушла от плота на север и укрылась в дальнем конце острова.

Когда ребята вернулись, бревна полыхали вовсю. К тому же солнце нещадно палило и было невыносимо жарко. Поэтому Фишер и Бомбасто уже оттолкнулись от берега. Они уперлись в дно шестами и не давали течению раньше времени увлечь плот. С радостными воплями ребята бросились в воду и поплыли к ним. И вот уже плотогоны усердно заработали шестами, поминутно оглядываясь, хотя им пока не грозила никакая опасность. Еще полчаса, и они снова вышли в океан.

Ночь принесла заслуженный отдых, а утром состоялся

военный совет. В нескольких стах милях на юго-западе на карте был обозначен целый рой островов — архипелаг Эллиса. Хорошенько изучив сброшенный с самолета чертеж, друзья убедились, что эти острова лежат за пределами запретной зоны. И они единодушно решили править туда. Долго обсуждали, нельзя ли заставить плот идти быстрее, и с трогательным единодушием заключили, что ничего не поделаешь — не из чего сшить парус. Гениальная мысль Бомбасто, который предложил на военный лад покрасить плот в маскировочный цвет, тоже была неосуществима — откуда взять краску? Зато все одобрили предложение Суматохи: сделать так, чтобы мачту в любую минуту можно было опустить на палубу. Зачем? А затем, что миноносцу (если за ними в самом деле вышлют погоню) тогда будет труднее их обнаружить.

После отличного вегетарианского завтрака — орехи, бананы и папайя — они бодро взялись за дело. Мачты были невероятно тяжелые, да и качка осложняла работу. В итоге целый день ушел на то, чтобы вырубить в палубе канавку и установить блок с веревкой.

— Честное слово, мы заслужили хороший обед! — весело объявил Бомбасто, когда конструкция успешно выдержала испытание. — Что вы предпочитаете? Гуляш или котлеты? Чико, разжигай примус!

Проголосовали за котлеты, и неизменно исполнительный Чико присел возле кухонной бочки, в которую спрятали примус от дождя и ветра. Вдруг он испуганно воскликнул:

— Я не вижу спичек! Кто их взял?

Остальные поклялись, что не трогали спичек с тех пор, как поджигали мнимый плот на берегу. Но только Суматоха собрался с духом и сказал то, о чем думали все: очевидно, спички забыли возле костра на Мауре.

Пришлось и на обед ограничиться плодами и орехами. Плотогоня приуныли. А перед сном Фишер неожиданно попросил у Суматохи часы.

— Но ведь у вас есть часы! — удивился капитан.

— Вот именно. Наше счастье, что на борту двое часов, — ответил тот довольно сухо.

Видя, что Фишер не в духе, Суматоха поспешил дать ему свои часы. Он вспомнил об этом случае только на следующий день, когда в час обеда в кухонной бочке раздался знакомый звук. Фишер накачивал примус, головку которого обрамляло гудящее пламя, а рядом с бочкой на палубе лежала лупа, сделанная из стеклышек от часов Фишера и Суматохи. Все похвалили американца за изобретательность. Бомбасто, который никогда не читал Жюль Верна, даже похлопал Фишера по спине на американский лад и расцеловал в обе щеки на эквадорский лад.

Прошло несколько дней. Никакие миноносцы не показывались. Кажется, удалось обмануть преследователей. Впрочем, даже если те сразу разгадали их военную хитрость, все равно отыскать плот было бы чрезвычайно трудно. Дул свежий ветер, волны поднимались вровень с мачтой, и плот совсем исчезал в ложбинах. Заодно он быстро удалялся от опасного соседства. Команда опять приободрилась, а когда Чико затеял ежедневные концерты на своей глиняной флейте, на плоту стало по-прежнему весело.

К сожалению, чем безопаснее они себя чувствовали, тем хуже становилось с дисциплиной. Капитаном оставался Суматоха, ведь его единогласно выбрали на эту должность на все плавание, но и он заразился всеобщей беспечностью. Чем ближе к островам Эллиса, тем меньше ему хотелось следить за вахтами и графиками. И в один прекрасный день, когда солнце грело особенно ласково, а ветер шелестел особенно усыпляюще, команда улеглась спать, никого не оставив на вахте. Суматоха не представлял себе, сколько они так проспали, когда громкий голос Чико заставил его открыть глаза. И он не сразу понял, в чем дело, а когда разобрал слово «горит», то вспомнил встречу с «Тропика-ной», мигом сел и осведомился:

- Опять огни увидел? Где?

К сожалению, на этот раз Чико не ошибся. На борту

вспыхнул самый настоящий пожар. Большие языки багрового пламени жадно лизали носовую палубу. Команда не слышала запаха дыма и не ощущала жара потому, что ветер дул с кормы, а они спали в каюте. Видно, какой-то раззява оставил лупу на бамбуковой палубе около кухонной бочки. Кто именно, теперь уже нельзя было установить.

За водой недалеко было идти, но впопыхах Фишер и Ниссе, которые первыми добежали до борта со своими кружками, столкнулись. И кружки разлетелись вдребезги, одни ручки остались.

— Живей спускайте парус, попробуем сбить им пламя! — крикнул Суматоха.

Они сорвали с мачты драное одеяло Чико, хорошенько его намочили и бросили на огонь. Но одеяло было мало: потушишь в одном месте, а рядом опять займется. Кончилось тем, что и одеяло вспыхнуло, а тут еще плот, оставшись без паруса, развернулся кругом и ветер метнул пламя прямо на каюту.

— Бросайте вещи в море, пока не сторели! — в отчаянии завопил Суматоха.

Они ринулись в каюту, но только успели схватить по два-три предмета, как она тоже загорелась, и пришлось им самим прыгать в воду. Да и то Бомбасто еще колебался, пока его не обвязали вокруг пояса веревкой и чуть не силой толкнули за борт. В ту же секунду с грохотом рухнула мачта и сокрушила то, что еще оставалось от каюты.

— Кто-нибудь догадался привязать спасенное имущество? — спросил Суматоха своих товарищей; все пятеро находились в воде, держась за крайнее бревно.

Те смущенно признались, что им это не пришло в голову. И уныло поглядев вокруг, команда обнаружила только один ящик, рубашку и расчетную таблицу; они качались на волнах далеко за кормой — не достать... Подводное ружье, секстант, компас и ножи, разумеется, сразу пошли ко дну, их можно было вовсе не искать.

Пожар продолжал бушевать, и они ничего не могли по-

делать. Огонь потух лишь после того, как прошелся от носа до кормы, спалив все, кроме основы — девяти связанных вместе бревен, которые спасла глубокая осадка. Наконец Суматоха и его товарищи по несчастью смогли взобраться на почерневшие бревна. Первым делом проверили веревки. Они во многих местах перегорели, но держали основу достаточно крепко, можно было не бояться, что она расползется. Некоторым утешением для погорельцев было то, что между бревнами они нашли случайно застрявшие нож, бутылку из-под лимонада и две-три палки.

— Надеюсь, у кого-нибудь найдется в кармане бумага и карандаш? Тогда мы отправим бутылочную почту, — сказал Суматоха.

Да, Фишеру удалось сберечь свою записную книжку и карандаш. Вырвав листок и высушив его на солнце, он написал призыв о немедленной помощи и указал примерные координаты. На всякий случай. Суматоха заполнил оставшееся место многочисленными «SOS», после чего они сложили листок и сунули его в бутылку. Горлышко закупорили смолой, запекшейся на бревнах. Напоследок Суматоха воткнул в мягкую смолу щепочку и привязал к ней лоскут от своей рубахи. С гордо развевающимся вымпелом бутылка лихо поплыла по волнам. Плотогоны не сомневались, что благодаря вымпелу их призыв обнаружат гораздо быстрее.

День подошел к концу. Ему на смену спустилась долгая, тоскливая, беспокойная ночь. Было время поразмыслить, как они станут ловить рыбу без ружья и без удочки. Единственное, что они могли придумать, — смастерить своего рода гарпун, привязав нож к палке. Утром Фишер, уверенный в успехе, прыгнул в воду и попробовал подкрасться к рыбе. Но без маски он видел плохо и все время промахивался. Полчаса он бился понапрасну, и был только рад уступить гарпун Суматохе, когда тот вызвался его сменить. Но и у Суматохи ничего не вышло. Зато он случайно открыл, что среди водорослей на подводной части бревен поселились моллюски. Открыл очень просто — оцарапавшись спиной

о ракушки. Вместе друзья собрали достаточно моллюсков, чтобы укротить голод, а на третье все (кроме Бомбасто) по совету Фишера поели водорослей. Все равно что мокрые нитки, сказали ребята. Но Фишер их заверил, что в водорослях есть уйма полезных минеральных веществ. Мол, японцы каждый день едят морскую траву.

Хорошенько раскинув мозгами, Суматоха пришел к выводу, что с палубы он скорее попадет в цель. Крупные корифены и тунцы то и дело поднимались к самой поверхности. Надо было только набраться терпения, подождать, когда рыба подойдет достаточно близко, и пронзить ее гарпуном. Расчет был верный, но Суматоха, боясь потерять драгоценный нож, не хотел рисковать, и только под вечер следующего дня ему удалось поймать корифену. Измученные голодом, а еще больше жаждой, плотогоны ликующими криками приветствовали эту победу. А Бомбасто, забыв про свое отвращение к сырой рыбе, на радостях обнял не только капитана, но и добытую им корифену.

Но их проблемы на этом, увы, не кончились, в чем они очень скоро убедились. Хуже всего допекало их беспощадное тропическое солнце, от него на голом плоту негде было укрыться. Когда становилось совсем невмочь, друзья искали спасения в воде. Но сил было мало; час проплывут, держась рукой за плот, и влезает обратно. А тут еще оказалось, что, если слишком долго лежать в воде, руки-ноги распухают и ногти становятся мягкими. Вот почему команда «Экваторианы» все чаще поглядывала на небо — не видать ли тучи. Когда пошел первый дождик, они радовались ему, как дети Деду-Морозу. Дальше последовали еще дожди, с каждым разом всё сильнее и продолжительнее. Однако плотоводцы уже утолили жажду, и вскоре дождь им опостылел не меньше, чем перед этим солнцем. Будь у них градусник, он показал бы 17—18 градусов тепла, но они так зябли и стучали зубами, что поминутно прыгали в море, чтобы согреться!

Наверно, все та же усталость была причиной того, что

им с каждым днем становилось труднее ловить рыбу. Как-то утром, после особенно беспокойной ночи, Суматоха, бледный, осунувшийся, изможденный, стоял на носу плота и колот гарпуном воду, тщетно пытаясь пронзить на редкость юркую корифену. Вдруг он выпустил гарпун и протер глаза. Но видение не исчезло, и он вскричал:

— Корабль, корабль!

Совершенно верно. На горизонте четко вырисовывалось большое судно — вполне возможно, миноносец. Казалось, оно идет прямо на плот. Нет, вскоре они, к своему разочарованию, убедились, что это обман зрения, на самом деле судно дройдет от них далеко. Хотя друзья отлично, знали, что с корабля не различить плот среди этой изрытой равнины, они махали руками и прыгали как одержимые.

— Эх, было бы чем развести огонь, и нас бы живо спасли! — Суматоха с досадой ударил ногой обуглившуюся дощечку.

— Хватило бы одного пистолета, — отозвался Бомбасто.

— Давно ли мы спешили убирать мачту, чтобы нас только не обнаружили, — горько произнес Ниссе.

Когда судно скрылось за горизонтом, все примолкли. Они даже избегали смотреть друг на друга. Чтобы отвлечься, Суматоха пошел на нос проверить, как поживает ехидная корифена. И лишь тут страшная мысль пронизала его сознание: гарпун, который он выпустил из рук, когда заметил корабль, конечно, упал в воду и давным-давно утонул...

Друзья искренне старались утешить Суматоху, называли его молодцом. Другим и пошевелиться-то было невмочь, говорили они, а он один старался поймать рыбу. Но Суматоха немного утешился лишь после того, как Фишер предложил сделать аркан и попытаться им ловить рыбу. А чтобы плот не распался, они срастили аркан из веревок, которые отвязали одну на носу, другую на корме.

— Вот так, осталось только уговорить рыбу заплыть в петлю, — сказал Фишер. — Правда, я не слышал, чтобы так ловили тунцов, но акулы попадают. Кстати, ребята, вы

заметили? С самого пожара за плотом упорно ходит большая синяя акула. Есть старое морское суеверие, будто акулы любят покойников. Можно подумать, она смекнула, в чем дело, и ждет... А мы ей докажем, что она ошибается. Поймаем и сами ее съедем!

— А акулу можно есть? — спросил Суматоха. — Полинезийцы ее в рот не берут.

— И мы бы не ели, будь у нас что-нибудь получше. Она и жесткая и горьковатая, — ответил Фишер.

— Я все согласен есть, — заверил Ниссе тусклым голосом.

— Дайте мне спокойно умереть, — вздохнул Бомбасто.

Фишер и Суматоха опустили петлю в воду перед носом акулы, которая подошла к самому плоту, будто хотела послушать, о чем речь. Веревка ее ничуть не испугала. Но и совать голову в петлю она явно не собиралась; вообще отнеслась к аркану совсем безучастно. А Фишер объяснил, что головы мало, петлю затягивать можно, только когда аркан проскользнет к хвостовому плавнику, где тело акулы тоньше всего.

— Эй, Бомбасто! Вы все равно собрались умирать, сели бы на край плота, поболтали в воде ногами, может, приманите акулу, — предложил Фишер.

— Я хочу умереть достойно и быть погребенным с военными почестями и салютом на родине, а не в желудке какой-то акулы, — надменно ответил генерал.

Чико тотчас вызвался помочь им вместо генерала.

— Нет, ты не подойдешь, слишком смуглый, — сказал Фишер. — Тут нужны белые ноги, иначе акула их не увидит. У нее плохое зрение.

— Тогда ты! — Суматоха строго посмотрел на Ниссе. — Иди сюда. Акула тебя не тронет, только бей сильнее ногами.

Но его слова не убедили Ниссе. Он нерешительно почесал затылок и скроил страшную рожу.

— Хорошо, я сам, — твердо сказал Суматоха.

Поколебавшись две-три секунды, хищница медленно пошла

Впрочем, уже через секунду, когда он обратился к Фишеру, голос его звучал совсем не так мужественно.

— Только не забудьте затянуть петлю раньше, чем акула дотянется до моих ног, — попросил Суматоха. — Кто его знает...

Хитрость удалась. Поколебавшись две-три секунды, хищница медленно пошла на болтающиеся в воде ноги. Вот она вошла в аркан. .. Фишер смотрел, дрожа от волнения, и вовремя затянул петлю. Как только он вытащил из воды хвост акулы, она сразу оказалась беспомощной, ведь хвост-главный двигатель и руль всех рыб. Суматоха и Чико бросились ему помогать. .. А когда дело дошло до разделки добычи, даже Бомбасто и Ниссе оживились. Фишер вооружился острой раковиной и ловко отрезал каждому по куску белого мяса, напоминавшего треску. Акула оказалась вкуснее, чем они ожидали, — возможно, потому, что все здорово проголодались.

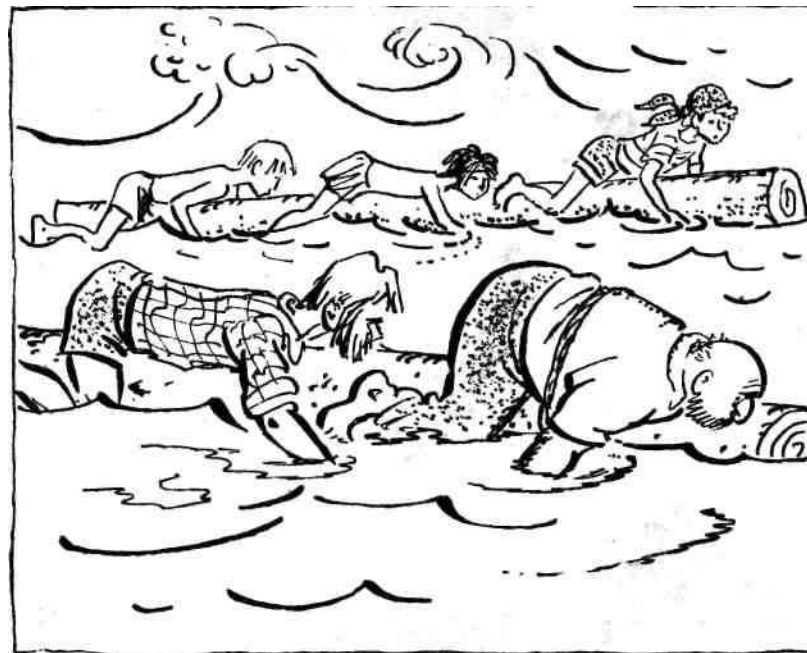
Управившись с третьей порцией, Фишер снова взялся за свой «нож».

— У акул во внутренностях часто бывают самые неожиданные вещи. Ну-ка посмотрим.. .

Слова Фишера оправдались. Они сразу увидели длинный блестящий предмет. Не надо было долго гадать, чтобы узнать в нем ту самую бутылку с запиской, которую они бросили в море неделю назад и с которой связывали столько надежд.

Да, видно фортуна совсем от них отвернулась. С мрачным видом друзья легли на жесткие бревна. Горько вздохнув, Бомбасто высказал то, о чем с тревогой думали все пятеро:

— Обратите внимание, с самой Мауры это первая и единственная акула, которая подошла близко к нашему плоту. Если акулы и дальше будут попадаться так же редко, мы не дотянем до конца плавания.

Девятая глава

ОПАСНОСТИ СО ВСЕХ СТОРОН

К сожалению, как сказал Бомбасто, почти так и вышло. Акулы больше не показывались. А тунцы и корифены, вопреки всем хитростям и уловкам, равнодушно смотрели на аркан. В конце концов ослабевшие и обескураженные плотогонны сдались. Лежа на бревнах, они вяло смотрели на запад, но горизонт был пуст. Потом даже смотреть стало трудно, и они все чаще погружались в забытие. Вот почему друзья не знали, ни какое число, ни где они находятся, когда наступил решающий день их долгого плавания.

Началось с неслыханного совпадения: на несколько секунд открыв глаза, Чико как раз в эти секунды увидел остров. Однако все были до того измучены, что только Фишер и Суматоха уловили, о чем он говорит, да и на них его слова не произвели большого впечатления. Суматоха совсем не реагировал, Фишер только махнул рукой. Даже когда слабый голос Чико сообщил, что их пронесит мимо острова, никто не пошевелился.

Но кое-что они еще соображали; во всяком случае, все четверо слегка удивились, когда Чико сунул им в рот что-то мягкое и попросил разжевать. У них не было сил думать, они машинально подчинились и — странное дело — сразу почувствовали себя бодрее, а через несколько минут смогли даже сесть. Одновременно возродилось природное любопытство, и друзья выплюнули жвачку на ладонь, чтобы разглядеть ее поближе.

— Что такое — жевательный табак?! — воскликнул Суматоха, рассматривая бурю массу.

— Нет, это не табак, — возразил Фишер. — Бьюсь об заклад, это листья коки.

— Верно, — подтвердил Чико. — Это кока, она у меня в поясе лежала. Я ее нарочно берю, на самый крайний случай. У нас в Эквадоре всегда жуют коку, если много работают или долго идут и совсем сил нет. Я как увидел остров, сразу взял в рот несколько листьев. В этих листьях волшебная сила, сразу чувствуешь себя бодрым и здоровым.

— Наука называет эту волшебную силу кокаином, — сказал Фишер и, впервые за много дней, чуть улыбнулся.

Тем временем Суматоха встал, чтобы лучше разглядеть остров. На атолл не похоже — слишком высокий и зеленый. Чудесное средство Чико всем помогло; не только Фишер, но даже Бомбасто и Ниссе поднялись и подошли к капитану. Определив силу ветра и курс плота, Суматоха в раздумье произнес:

— Даже когда у нас были паруса и весла, все равно плот не очень слушался. А теперь я и подавно не представ-

ляю себе, как заставить его изменить курс. А не заставим — не успеем и оглянуться, как мимо проскочим.

— Почему бы нам не добраться вплавь? — горячо заговорил Ниссе. — Я чувствую себя сильным, как медведь. Нет, как акула, раз мы в океане.

— Вплавь? — повторил Суматоха. — До острова не меньше двух миль, и ты забываешь, что Бомбасто не умеет плавать.

Но Ниссе сейчас не так-то легко было обескуражить.

— Подумаешь, возьмем его на буксир! Ведь дотащили мы Чико, когда он подвернул ногу на Мелдене. Правда, ветер боковой. Ничего, справимся, если хорошенько приналечь.

— Это куда рискованнее, чем ты думаешь, — сказал, качая головой, Фишер. — Сейчас ты чувствуешь себя сильным, потому что кока подстегнула мозг. А на самом деле энергии ничуть не прибавилось. Нет, надо придумать что-то другое...

— Что именно?

— Грести, — предложил Суматоха.

— Чем грести?

— Руками.

И так как других предложений не последовало, они легли на бревна с краю и заработали руками. Плот тронулся в нужную сторону, но так медленно, что не было никаких надежд достичь острова. Они сели и беспомощно устали друг на друга. Долго царил томительная тишина.

— Весла малы, — сказал наконец Суматоха, глядя на свои руки. — Здесь нужен методический анализ и рациональный подход, как говорит папа. Что мы видим? Мы видим, что, пожалуй, не весла малы, а плот велик. Отсюда логический ответ: сделать плот меньше.

И он победно посмотрел на остальных. Один Фишер сразу его понял, поэтому пришлось пояснить:

— Очень просто: мы отделим одно бревно и сядем на него. Если пятеро стронули с места девять бревен, одно они, наверно, сумеют хорошенько разогнать. Простая арифме-

тика. Разве нет? Второе преимущество: сидя верхом, мы можем грести двумя руками. И Бомбасто не будет обузой, наоборот — вон у него какие ручищи.

— Отличное предложение, — подвел итог Фишер. — При условии, что мы не промахнемся. Не хотел бы я сидеть верхом на бревне посреди величайшего в мире океана.

— Лучше не промахиваться, — строго сказал Суматоха и подобрал раковину поострее, чтобы — перерезать веревки, скреплявшие плот.

Не мешкая, он отделил крайнее левое бревно. Но когда они его оседлали, оно так сильно погрузилось, что стало похоже на подводную лодку.. Тогда друзья поспешили отделить второе бревно; на одно сели Бомбасто и Фишер, на другое — трое мальчиков. На всякий случай Фишер обмотал Бомбасто веревкой вокруг пояса, а другой конец привязал к бревну.

Оба бревна хорошо выдержали нагрузку. Оказалось, что сподручнее всего грести, лежа на животе. Трудновато было сохранять равновесие, но как только они применились грести в лад, дело сразу пошло лучше. Гребцы настолько воспрянули духом, что даже устроили гонки, но Фишер прекратил соревнование, боясь, как бы они задолго до цели не растратили все силы. Подойдя ближе к острову и увидев могучий прибой, они оценили всю мудрость его совета. Все пятеро перестали грести и остановились на почтительном расстоянии от грозной преграды.

- Кажется, вон там, подальше, есть проход! — Суматоха еле перекричал гул прибоя. — Ну-ка, Ниссе, поддержи меня, я попробую встать. А то сидя ничего не рассмотришь.

Если бы Суматоха немного подумал, он бы сообразил, что лучше не вставать на бревне, если ты не опытный сплавщик с развитым чувством равновесия. И если бы Ниссе не привык подчиняться Суматохе, он, наверно, отсоветовал бы товарищу делать такие акробатические номера. Вместо этого он машинально подал Суматохе руку и помог ему встать.

— Да не крути ты бревно! — сердито крикнул Суматоха, не успев даже выпрямиться как следует.

— Это не я, это..

Конец фразы утонул в море, потому что коварное бревно повернулось на сто восемьдесят градусов. Разумеется, вместе с Ниссе в воде очутились также Чико и Суматоха. И когда они, фыркая и отплевываясь, вынырнули на поверхность, течение успело отнести бревно в сторону. Ребята бросились за ним вдогонку.

— Осторожно, чтобы вас не захватил прибой! — кричали Фишер и Бомбасто, направляя к ним свое бревно.

Но предупреждение опоздало. Большая волна подхватила Суматоху и так его закружила, что он перестал соображать, где что. Да если бы он и знал, в какую сторону плыть, чтобы выбраться на поверхность, вряд ли ему это помогло бы. Силу неистового kloчущего потока можно было сравнить с вихрем воды в самой большой турбине мощной гидроэлектростанции, и Суматоха ничего не мог поделать. Наконец он все-таки вынырнул — чуть живой. К счастью, совсем рядом он увидел бревно. Суматоха не медля вскарабкался на него и постарался избавиться от воды, которой нахлебался.

Постепенно голова прояснилась, он с трудом поднял ее и робко посмотрел вокруг. Тихая лагуна и всего в нескольких метрах ровный песчаный бережок. Поблизости качалось на воде второе бревно. Значит, когда Фишер и Бомбасто пошли на выручку, их тоже затянул прибой. .. Но где же они сами? И где Ниссе и Чико? Суматоха посмотрел вдоль берега налево, направо и в нескольких сотнях метров от себя увидел обоих мальчиков и Фишера. Лежат довольно далеко от воды — значит, сами отползли, значит, живы. А Бомбасто? Суматоха заставил себя встать и добрал по воде до второго бревна. Несколько раз он обошел вокруг него, но хотя вода была совсем прозрачная, Бомбасто он не увидел. Даже веревка, которую они так тщательно привязали к бревну, исчезла. Он внимательно поглядел на ры-

чащий прибой. Ему было совсем не до героизма. Совесть требовала, чтобы он шел туда и искал среди волн, но ее заглушал голос, который твердил, что бедного Бомбасто теперь все равно уже не спасти...

Обиднее всего было сознавать, что они совершили великую глупость, подойдя к берегу на неустойчивых бревнах. Догадайся они доверить свои жизни аварийному плоту, который можно было связать из тех же двух бревен, и все могло обойтись... Чуть не плача, Суматоха переводил взгляд с одного бревна на другое. Что такое? .. Он вздрогнул. К его бревну привязана веревка! .. Откуда она? Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил: бревно, за которое он только что цеплялся, было не его, это на нем шли Бомбасто и Фишер! Так, может быть, генерал еще висит на другом конце веревки?

Дрожа от волнения, Суматоха взялся за нее и потянул. Не поддается... Напрягая все силы, он в конце концов стронул с места груз. Первым делом Суматоха увидел что-то круглое, больше всего похожее на гнездо с огромным яйцом. При ближайшем рассмотрении «яйцо» оказалось лысиной Бомбасто, а «гнездо» — прилипшим к ней венком из водорослей. Из рта Бомбасто торчала морская трава, одной рукой он сжимал обломок коралла; коралловая крошка и раковины пристали к одежде.

— Настоящий Нептун, — пробормотал Суматоха.

Он вытянул Бомбасто на берег и первым делом перевернул его на живот, чтобы из него вытекла вода; потом начал делать искусственное дыхание: надавливал ему на грудную клетку и вдувал воздух в легкие через рот. Через несколько минут Бомбасто вдруг открыл глаза и испуганно поглядел вокруг. Судя по всему, увиденное его успокоило, потому что генерал вяло улыбнулся и чуть слышно произнес:

— Спасибо, ты спас мне жизнь. Я награжу тебя...

— Я ничего героического не совершил, — честно признался Суматоха. — Случайно нас прибило к берег) в одном месте, мне оставалось только тянуть за веревку.

Но Бомбасто не слышал объяснений Суматохи: он опять потерял сознание.

Все, что было в его силах, Суматоха сделал, и теперь он пошел туда, где лежали на песке, будто дохлые сельди, Фишер, Ниссе и Чико. По правде говоря, он не шел, а еле полз, потому что действие коки кончилось и на него снова напала невероятная слабость. Ноги то и дело подкашивались, и всякий раз Суматохе стоило немалого труда заставить себя встать и идти дальше.

Если не считать ссадин на руках и на ногах, Фишер, Ниссе и Чико отделались испугом. Но они настолько обессилели, что не попытались сесть, даже когда завидели Суматоху. Он посидел, отдышался, потом добрал до пальм, под которыми валялись кокосовые орехи. Они были совсем коричневые, перезревшие, сок, наверно, давно прокис, но лезть за свежими он просто не мог. Просверлив палочкой дырки в орехах, Суматоха ползком вернулся к своим друзьям. Кокосовый сок и впрямь оказался кислым и противным, — может быть, они именно поэтому уже после двух-трех глотков пришли в себя. И пока они негромко толковали о своем чудесном спасении, появился Бомбасто. Он сам до них добрался, опираясь на палку, которую подобрал на берегу.

Генерал заявил, что зверски проголодался и надо немедленно искать что-нибудь съестное. Когда его товарищи возразили, что не в силах куда-либо идти, он обозвал их тюленями и пошел один. Бомбасто вернулся примерно через час. Он шагал довольно бодро. Палка лежала у него на плече, а на конце ее висела большая гроздь бананов.

— Я не успел заметить людей, но они тут есть, это точно, — радостно доложил он. — Я видел огороды и в лесу, совсем близко, нашел загон, в нем свиньи стоят. Будь у меня нож и спички, нажарил бы вам сочных отбивных! Ничего, бананы тоже неплохо. Ешьте, не стесняйтесь!

Весть о том, что остров обитаем, ободрила их куда больше, чем бананы. Всем вдруг загорелось поскорее оты-

скасть своих ничего не подозревающих спасителей. Плотогоны заставили себя встать и попросили Бомбасто, чтобы он их вел к огородам. Он охотно взял командование на себя и вскоре до того вошел в роль, что начал кричать «ать-два!» и пробирать тех, кто нарушал равнение.

— Мы должны произвести на хозяев хорошее впечатление, тогда нас и примут лучше, — отвечал он, когда они обижались на его строгость.

Они не стали особенно спорить — не потому, что он их убедил, просто все почувствовали, что, стараясь четко шагать, забывают про боль и усталость.

Троп было много, и Бомбасто, неведь почему, без конца менял направление. Через час гусиный шаг им все-таки опостылел, они уже готовы были взбунтоваться и сместить командира. Но тут отряд услышал вдали чьи-то человеческие голоса.

— Марш-марш, выше голову! — скомандовал Бомбасто таким тоном, будто он с самого начала точно знал, что они на верном пути.

Обширные посадки хлебного дерева ясно говорили о близости какого-то селения. Наконец стволы расступились, и плотогоны увидели деревню. Но что за странная деревня! Они невольно остановились. Собственно, их поразила не сама деревня — хижины как хижины, такие же, как на Мауре, — их потрясло до глубины души другое: между хижинами лежало множество человеческих костей, а на двух жердях, вбитых в землю посреди деревенской площади, были надеты черепа. Зато живых людей не было видно...

— Это что, тут живут каннибалы? — робко спросил Ниссе.

— Может быть, они были каннибалами раньше, — нерешительно ответил Суматоха. — По-моему, черепа старые. Островитяне давно отвыкли от прежнего образа жизни, они теперь мирные.

— Это они-то мирные? — Ниссе указал кивком на полу-

голых дикарей, которые в эту минуту появились из-за домов в дальнем конце деревни.

Большие кольца в носу, руки сжимают острые копья.. .

— Ну нет, мне не хочется, чтобы они украсили свою деревню моей головой, — добавил он и пустился наутек.

Видя, что обед ускользает, дикари завывали так страшно, что Суматоха, Бомбасто, Фишер и Чико не замедлили последовать не очень славному, но несомненно мудрому примеру Ниссе. Плотогоны сами удивлялись, как быстро их несут ноги. Но дикари, полные сил и здоровья, конечно, бежали быстрее и вскоре настигли беглецов. И тех в ту же самую секунду оставили силы. Первым ни с того ни с сего упал Чико, за ним Фишер. Ниссе полетел через Фишера, Суматоха повалился на Ниссе. Один Бомбасто (он вырвался вперед и потому не попал в эту лавину) приготовился дорого продать свою жизнь. Встав спиной к дереву, он свирепо замахнулся палкой, тогда как Фишер и ребята отрешенно ждали конца. Сейчас им в спину вонзятся острые копья. .. Нет, вместо этого они слышали сердитый голос, который кричал по-английски:

— Что это на вас вдруг нашло, черт возьми?! Все было готово для съемки! А ну, давай обратно!

Медленно открыв глаза, друзья увидели за «дикарями» белого человека в шортах и пестрой рубашке навыпуск. А впрочем, он был не столько белый, сколько красный. От ярости. В одной руке он держал мегафон, а в другой какую-то рукопись. Отчитав как следует чернокожих, человек с мегафоном сердито обратился к поверженным героям:

— Испуг вы сыграли превосходно. Но постарайтесь больше не влезать в чужой эпизод. Если не знаете, когда ваш выход, справьтесь у помрежа.

Пристыженные плотогоны ответили, что они вовсе не причастны к съемкам, и объяснили, как очутились в столь незавидном положении. Тотчас человек с мегафоном сменил гнев на милость. В одну минуту они узнали, что его фамилия Стивенс, он режиссер из Голливуда, снимает фильм

«Красавица с острова людоедов», на съемки отпущено семнадцать миллионов долларов, в фильме участвуют двадцать три кинозвезды и две тысячи триста шесть статистов. Как только кончится рабочий день, он будет рад принять гостей за обеденным столом. А пока предлагает им посетить местного вождя и рассказать ему о своих приключениях. В проводники режиссер Стивене дал им полуголого статиста, которого они приняли за самого кровожадного каннибала. «Каннибал» быстро привел их в настоящую деревню — она находилась сразу за «селением людоедов». Вместо пальмовых хижин они увидели аккуратные коттеджи, вместо шестов с черепами — антенные мачты. Вождь, такой же темнокожий, как его подданные — киноактеры, но в белом костюме и галстук, встретил плотогонов на террасе и приветствовал на безупречном английском языке:

— Добро пожаловать. Вы как раз к чаю.

Попивая чай и уписывая печенье, друзья поведали хозяину про свои похождения и злоключения. Стены комнаты были увешаны фотографиями гребцов и крикетных команд, и Суматоха потихоньку нет-нет да поглядывал на них. Заметив это, вождь весело улыбнулся:

— Смотри, смотри, не стесняйся! В этих командах я играл, когда учился в Оксфорде, я тогда был моложе и стройнее, но если ты хорошенько приглядишься, то, на верно, узнаешь меня.

Они только что с наслаждением вымылись под душем и надели полученную от вождя чистую одежду, когда пришел посыльный от режиссера Стивенса и передал, что их ждут обедать. В разборной столовой (ее доставили на самолете прямо из Голливуда) стоял бар со всевозможными холодильниками. Перед баром были расставлены удобные мягкие кресла. Здесь вместе со Стивенсом сидели кинозвезды — женщины в длинных платьях, мужчины в вечерних костюмах. Пятеро путешественников с удовольствием заняли свои места, и тотчас официанты в белых с золотом ливреях осведомились, что они хотят пить.

— Чего-нибудь холодного, — последовал дружный ответ.

Не спеша потягивая из огромных бокалов ледяные напитки разных цветов, наши герои в третий раз принялись рассказывать про свое удивительное плавание.

В это время один из официантов поднес к столу розовый телефон, учтиво кашлянул и обратился к Бомбасто:

— Генерал, вас к телефону.

— Откуда? — вытаращил глаза Бомбасто и одним глотком осушил свой бокал.

— Из Эквадора, — ответил официант, наливая ему еще.

— Кто может знать, что я здесь? — Бомбасто так удивился, что поставил бокал на стол.

— Наш заведующий отделом информации немедленно сообщил в печать, что вы спасены, — весело объяснил режиссер Стивене. — У нас своя радиостанция, кстати самая мощная в области к югу от Гавайских островов, мы поддерживаем прямую связь с Америкой. Так что новость о вашем спасении уже дошла до всех газет и радиоцентров. Со следующим самолетом из Голливуда сюда примчится армия репортеров, чтобы вас интервьюировать. Отличная реклама — и вам, и нам полезно. Но вы забыли про телефон, генерал Бомбасто!

С недовольным видом Бомбасто схватил трубку и рявкнул «Алло!» так громко, что, наверно, его услышали бы в Эквадоре и без телефона. Видно, на том конце провода говорили ничуть не тише, потому что генерал поспешил отодвинуть трубку подальше от уха. И всем стало слышно, как возбужденный голос произносит целую речь, с особым пылом снова и снова выговаривая слова «переворот» и «победа». Мало-помалу Бомбасто пришел в такой восторг и так расчувствовался, что под конец нежно поцеловал трубку, прежде чем неохотно положить ее на рычаг. Слезы счастья наполняли его глаза, когда он посмотрел на присутствующих и сообщил радостную весть:

— Только что моя партия совершила переворот, на этот раз успешный! Полная победа! Я снова президент!

Его товарищи по «Экваториане» еще раньше догадались, в чем дело, для них только заключительные слова генерала оказались сюрпризом:

— Угощаю шампанским! Официанты, несите самые большие бутылки и бокалы!

Ликование Бомбасто всех заразило. Один Фишер не преминул его упрекнуть:

— Значит, предаете нас. Забыли, что мы хотели основать свое собственное счастливое государство на необитаемом острове в Южных морях? Смотрите не прогадайте. Долго ли до следующего переворота, и опять вас свергнут.

— Отечество зовет, — важно ответил Бомбасто. — На этот раз я всех противников перестреляю. Раньше я был слишком мягок. Вот и кончилось тем, что пришлось бежать. Но учиться никогда не поздно. Выпьем за справедливую победу и за победу справедливости!

Он выпил до дна и потребовал, чтобы ему принесли бумагу, карандаш, ножницы и несколько булавок. Что он задумал? .. Множество любопытных глаз следило, как генерал кладет бумагу на столик, ставит на нее бокал и обводит карандашом подставку. Раз. .. два. . три кружка. Затем он перевернул бокал и нарисовал четвертый кружок, побольше. Хитро улыбаясь, Бомбасто вырезал все четыре кружка, на каждом что-то написал и воткнул в них булавки. Закончив это странное рукоделие, он встал, прокашлялся и заговорил:

— Дорогие сподвижники по «Экваториане»! В знак моей признательности и в память о нашем историческом плаваньи я сим учреждаю новый орден, который будет выдаваться за героизм, проявленный в особенно трудных и опасных морских путешествиях. Первым комендором ордена назначаю нашего капитана и моего спасителя Суматоху. Кроме того, при первой возможности я вручу ему настоящее капитанское удостоверение, действительное на всех морях. Рыцарями того же ордена я назначаю Фиша Фишера, Ниссе Ларссона и Чико. Прошу подойти и принять временные наградные знаки.

Под радостные возгласы и аплодисменты режиссера Стивенса и кинозвезд награжденные один за другим подошли к Бомбасто. Он торжественно приколот бумажные ордена им на грудь (самый большой — Суматохе) и смачно их расцеловал. Рассмотрев кружки поближе, они прочли: «Подлежит впоследствии замене в Кито на настоящий золотой орден «Экваторианы». Друзья были чрезвычайно горды и счастливы, один Чико, покрутив в руках бумажную награду, дернул за рукав Бомбасто и сказал:

— У меня уже есть орден. Помните, вы мне обещали на Галапагосских островах? Лучше дайте мне немного денег. Куплю себе рубашку и надену в воскресенье.

Бомбасто от души расхохотался и обнял Чико:

— Твоя глупость равна твоей преданности, милый Чико! Отныне у тебя не будет никаких забот. Ты поедешь со мной обратно в Эквадор. Хочешь стать моим личным секретарем? Буду платить тебе столько, что ты каждый месяц сможешь покупать себе десять шелковых рубашек.

— Но я не умею читать и писать, — возразил честный Чико.

— Ничего. Все равно я на письма не отвечаю. Президенту пишут, только чтобы клянчить о чем-нибудь. Считай, что я нанял тебя с сегодняшнего дня.

Пока ребята обнимали и поздравляли Чико, снова раздался телефонный звонок. На этот раз вызывали Фишера, Он неохотно взял трубку. Сразу было видно, что его опасения оправдались: американец отвечал коротко и сухо, и с каждой секундой лицо его становилось все мрачнее.

— Мой завод и все мое имущество проданы с молотка, — сообщил он, закончив разговор. — Даже мою собственную радиостанцию продали. И все равно не хватило, чтобы покрыть долги.

— Выше голову! — бодро произнес Бомбасто. — Я назначу вас своим министром финансов. У вас будет роскошная вилла и пять. . . нет, шесть автомобилей!

Но Фишер вежливо и твердо отклонил заманчивое пред-

ложение Бомбасто. Дескать, ему опостытели деньги, он будет искать свой райский остров, чтобы жить там без горя и забот.

Суматоха и Ниссе заранее робели, чувствуя, что вот-вот раздастся новый звонок. Почему-то они не были уверены, что родители похвалят их за доблесть и тотчас согласятся переехать в Южные моря. И в самом деле, через несколько минут телефон опять зазвонил. Услышав, что это его отец, Ниссе страшно побледнел и, прежде чем взять трубку, долго смотрел на друзей отчаянным взглядом. Он был еще скупее на слова, чем Фишер, и после разговора первым делом спросил режиссера Стивенса, когда вылетает самолет на Лос-Анжелос.

— Завтра утром. И компания оплачивает вам билеты, — живо ответил Стивенс.

— Не вешай носа, — успокоил друга Бомбасто. — Я объясню твоему папе, что ты совсем не виноват, что тебя унесло в море. Кроме того, он будет сидеть в первом ряду почетной трибуны во время победного парада в Кито.

Ниссе быстро воспрянул духом, зато теперь приуныл Суматоха, ибо сразу же как-то особенно громко и противно прозвучал новый звонок. Однако папа Эрнст (это был он), похоже, только радовался, что его сын жив-здоров и пропустил всего две недели первой четверти. Честное слово, с папой, кажется, можно договориться! .. И Суматоха осторожно спросил, нельзя ли ему еще немного побыть в Южных морях. (Сразу выложить, что он задумал остаться навсегда и приглашает всю семью последовать его примеру, было бы неразумно.) Увы, он просчитался. Папа Эрнст пришел в такую ярость, что до конца разговора Суматохе оставалось только отвечать «да, папа» и «нет, папа».

Естественно, Фишер совсем загрустил, услышав, что ни Суматоха, ни Ниссе не могут составить ему компанию.

— Ну теперь-то вы откажетесь от своих райских планов, поедете с нами в Эквадор? — с новой надеждой спросил Бомбасто. — Предлагаю вам пост министра коммуникаций,

будете заниматься поездами, кораблями, радио и прочими увлекательными делами.

— По правде говоря, Южные моря меня совсем разочаровали, — признался Фишер. — Если судить по нашим приключениям, жизнь на островах совсем не такая уж мирная и бесхитростная.

Видя, что Фишер колеблется, Бомбасто поспешил сделать новое предложение:

— А хотите, будете моим личным советником, поможете мне изучить взгляды и слабости моих противников, которые выступают за демократию.

На этот раз он явно угадал, потому что Фишер немедленно ответил:

— Ваше предложение меня устраивает. Я принимаю его. Но предупреждаю заранее: ваши противники найдут во мне союзника.

Итак, будущее каждого участника плавания было определено.

— Поскольку мы отсюда вылетим в разные страны, — начал Бомбасто свою последнюю речь, — предлагаю отбывающим в Эквадор проститься с нашим замечательным капитаном.

ДР-Р-Р-Р-Р-Р-Р!

Опять этот злосчастный телефон Совершенно неожиданно оказалось, что это снова звонит папа Эрнст. Смущенно он объяснил Суматохе, что при первом разговоре забыл самое главное. А именно: скоро будет контрольное сочинение. И папа решительно потребовал, чтобы Суматоха сел в первый же самолет, вылетающий в Лос-Анжелос. Он прочел ему длинное расписание, доказывая, что вполне можно успеть в Норрчёпинг и подготовиться к контрольной.

С тяжелым вздохом Суматоха положил трубку. Прежде чем он успел что-нибудь объяснить друзьям, Бомбасто взял слово, и сразу после его речи команда окружила Суматоху и стала его качать. Он так опешил, что, лишь взлетая в воз-

дух четвертый раз, сумел облегчить свою душу гневным возгласом:

— Это надо же — комендора ордена Экваторианы, на стоящего капитана с дипломом сажать за парту!

Впрочем, через полторы минуты Суматоха уже позабыл про все свои огорчения, а когда его подбросили вверх в тринадцатый или четырнадцатый раз, он с улыбкой сообщил Ниссе:

— Я обещал папе вернуться вовремя к контрольной. Вот бы нам задали всегдашнюю тему: «Интересное приключение во время летних каникул». Не придется ломать голову, о чем писать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Первая глава.</i>	
Суматоха на море	
<i>Вторая глава.</i>	
Куда ветер подует	21
<i>Третья глава.</i>	
Пять отважных букканиров	44
<i>Четвертая глава.</i>	
Здесь проходил «Кон-Тики»	62
<i>Пятая глава.</i>	
Опасные голоса.....	83
<i>Шестая глава.</i>	
Обманчивая видимость	106
<i>Седьмая глава.</i>	
Куча открытий	125
<i>Восьмая глава.</i>	
То жарко, то холодно	
141	
<i>Девятая глава.</i>	
Опасности со всех сторон	159

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской Книги.

Для среднего школьного возраста

Бенгт Даниельссон

КАПИТАН
СУМАТОХА

Ответственный редактор *Н. В.
Щершеская.*

Художественный редактор *Н. З.
Левинская.*

Технический редактор *С. С.
Шульгин.*

Корректоры *Г. Н. Завадская*
и Е. Б. Кайрукитис.

Сдано в набор 16/II 1968 г. Подписано к
печати 10/VI 1968 г. Формат 60x84/16. 11
печ. л. 10,26 усл. печ. л. (8,79 уч.-изд. л.).
Тираж 50 000 экз. ТП 1968 № 498. Цена
39 коп. на бум. м/мел. Издательство
«Детская литература», Москва, М.
Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская
книга» № 2 Росглавполи-графпрома
Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Ленинград, 2-я
Советская, 7. Заказ 286.